

<Левая Политика)

^аналитический журнал

№ 5 2008

Предварительные ИТОГИ

авторы:

Александр Шубин
Владимир Очкин
Дмитрий Парамонов
Лукас Цайзе
Марк Васильев
Овсей Шкаратан
Орландо Чирино

Annotation

«Левая политика» — независимое непартийное издание. Материалы журнала посвящены взаимодействию левых и социальных движений, реформе образования, опыту профсоюзов и левых партий в разных странах мира, исследованию глобализации. Издание является площадкой для теоретических дискуссий о путях левой идеологии в современном мире. Авторы принадлежат к разным левым течениям. Также в журнале публикуются рецензии на новинки философских, социологических и политологических работ, выходящих в России и в мире. Журнал стремится перенять опыт как «New Left Review начала 1970-х годов, так и русских толстых журналов XIX века, сыгравших немалую практическую роль в освободительном движении.

- [Содержание номера](#)
- [Предварительные итоги](#)
- [АНАЛИЗ](#)
- [Кризис глобальной экономики и России](#)
- [Семинар в Вологде: левые на перепутье](#)
- [Мифы левых о профсоюзах и наши стратегические задачи](#)
- [Уроки и перспективы феминизма в России](#)
- [Существует ли Организация Марксистов Украины?](#)
- [ИНТЕРВЬЮ](#)
- [Александр Шубин:](#)
- [ДИСКУССИЯ](#)
- [Всё это может кончиться взрывом!](#)
- [ДРУГИЕ БЕРЕГА](#)
- [Мировой экономический кризис: рыба гниёт с головы\[7\]](#)
- [Объединённая социалистическая партия Венесуэлы и социализм: взгляд изнутри](#)
- [Левые на арабском Востоке: ливийский опыт](#)
- [КНИГИ](#)
- [Манипуляция и демократия](#)
- [Уроки демократии от Владислава Суркова](#)
- [Философские игры в бисер](#)

- [Авторы](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)

- [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
-

Содержание номера

5 Предварительные итоги

АНАЛИЗ

9 *Центр экономических исследований ИГСО*

Кризис глобальной экономики и России

32 Семинар в Вологде: левые на перепутье

38 *Илья Будрайтскис*

Мифы левых о профсоюзах и наши стратегические задачи

44 *Анна Очкина*

Уроки и перспективы феминизма в России

49 *Захар Попович*

Существует ли Организация Марксистов Украины?

ИНТЕРВЬЮ

56 *Александр Шубин*

Социализм — это самоуправление

ДИСКУССИЯ

67 *Овсей Шкаратан*

Всё это может кончиться взрывом!

ДРУГИЕ БЕРЕГА

76 *Лукас Цайзе*

Мировой экономический кризис: рыба гниёт с головы

80 *Орландо Чирино*

Объединённая социалистическая партия Венесуэлы и социализм:

взгляд изнутри

86 *Марк Васильев*

Левые на арабском Востоке: ливийский опыт

КНИГИ

102 *Дмитрий Парамонов*

Манипуляция и демократия

105 *Илья Будрайтскис*

Уроки демократии от Владислава Суркова

108 *Владимир Очкин*

Философские игры в бисер

Предварительные итоги

Вопрос о гладкой и бесконфликтной передаче власти, так волновавший российские элиты на протяжении 2006–2007 годов, был благополучно разрешён. Фактически Путин и его администрация последние два года своего пребывания в Кремле уже не столько правили страной, сколько готовились к предстоящим президентским выборам. Эта постоянная и многотрудная работа завершилась блестящим успехом. Никаких либеральных переворотов не произошло, угроза «оранжевой революции», столь пугавшая российских чиновников в после смены власти на Украине и в Киргизии, оказалась совершеннейшим миражом. В Кремле благополучно воцарился заранее подобранный и одобренный наследник — Дмитрий Медведев.

Почему же тогда не видно радости и ликования в официальном лагере, почему успешное завершение операции «Наследник-2» вызывает скорее недоумение, почему всё произошедшее выглядит скорее прелюдией к настоящим переменам, нежели итогом затянувшейся скучной драмы?

Президентские выборы 2 марта 2008 года были дружно осуждены либералами, левыми и международным общественным мнением как фарс, но почему-то не вызвали громких протестов. Дело в том, что несмотря на все происходившие безобразия по формальным признакам это были самые демократические выборы за много лет. Если под демократией мы понимаем — в соответствии с либеральной теорией — скрупулёзное соблюдение правил и процедур, предписываемых законом, то всё было в полном порядке. Фальсификации и нарушения были, конечно, но явно не в тех масштабах, что в ельцинские времена. Ведь мы до сих пор не можем разобраться, кто в действительности победил на президентских выборах 1996 года. Скорее всего, истинных цифр никто и не подсчитывал.

Принципы либеральной демократии требуют, чтобы проходило соревнование между несколькими кандидатами. Это требование было в 2008 году обеспечено. Законы соблюдались, выборы проходили в соответствии с принятыми в государстве правовыми нормами. Все кандидаты получили доступ в телевизионный эфир.

Да, на выборах были представлены далеко не все политические течения, присутствующие в обществе. Больше того, реальная идеологическая жизнь общества в избирательной гонке вообще не была отражена никак. Но это как раз не является обязательным требованием либеральной демократии. Предполагается, что происходит это само собой, при соблюдении принципа многопартийности и предписанных либеральной теорией процедур. На практике, как видим, выходит иначе.

Да, мартовские выборы в России были фарсом, но этот фарс лишь выявил природу буржуазной демократии, продемонстрировал, насколько пусты, бессодержательны и поверхностны её принципы, показал, что, даже соблюдая их в точности, можно лишиться политический процесс всякого смысла и содержания. На этом фоне провал либеральной оппозиции были лишь частным последствием общего крушения соответствующей идеологии.

Однако если либералы проиграли, а государство — какое ни на есть — выиграло, почему не видно паники в рядах либеральной публики, а патриоты-державники, напротив, испытывают растерянность и деморализацию? Почему все те, кто на протяжении последних лет видели в жёсткой политике Кремля альтернативу и спасение, испытывают горькое разочарование?

Смена настроений связана с личностью Дмитрия Медведева, его политическим окружением и его первыми, пока ещё крайне невнятными высказываниями. Сигналы, которые начал подавать обществу и западным коллегам новый президент ещё до инаугурации, явно свидетельствовали о том, что Кремль выбирает либеральный курс и стремится снизить градус конфликта в отношениях с США. «Оранжевый лагерь» полностью разгромлен, но победители собираются делать примерно то, к чему призывали побеждённые. В свою очередь, либералы, ранее гневно осуждавшие преступный режим, сегодня находят в нём всё новые и новые достоинства.

Строго говоря, либеральные заявления Медведева не сильно отличаются по тону и содержанию от таких же точно заявлений Путина, и только буквоедский анализ способен выявить в них некоторые оттенки смысла, свидетельствующие о возможных тактических расхождениях. Однако заявлениям Путина либералы демонстративно не верили, тогда как Медведеву склонны верить. И

наоборот, патриоты-державники не принимают больше всерьёз национально-государственную риторику, по-прежнему в изобилии льющуюся из Кремля.

Обе стороны осознали, что началась очередная «корректировка курса». Но странным образом ни те, ни другие не ставят вопрос, почему каждый раз уходящий президент назначает себе преемника, который воплощает (по крайней мере, в сознании «образованного общества») принципы, прямо противоположные тем, которые (по мнению всё того же общества) исповедовал он сам.

Между тем, если отбросить теории заговоров и идеологическую риторику, несложно заметить, что никакой загадки нет, поскольку нет и никакого радикального изменения курса. Есть лишь разные этапы реализации одного и того же проекта — создания капиталистического общества в России. А корректировки по ходу движения свидетельствуют лишь о неуклонном стремлении к определённой — всегда одной и той же — цели.

Понятно, что разные работы выполняются разными людьми, которые действуют разными методами. Но существует определённая и жёстко фиксируемая последовательность. Сначала надо расчистить место, взрывая и снося конструкции, стоящие у вас на пути. Затем надо расчищать завалы и возводить само здание. Наконец, когда сооружение построено, настает время заниматься отделочными работами, заботясь, чтобы фасад благопристойно выглядел с точки зрения внешних соседей. Именно этот, третий этап и достался на долю Дмитрию Медведеву. Надо подкрасить, подштукатурить.

После того, как в 1990-е годы новые собственники в ажиотаже захватывали заводы и нефтяные скважины, настало время наведения порядка. Государство надо было укреплять, дабы защитить интересы формирующегося правящего класса. А сам этот класс осознал свои интересы, обнаружив, что задачи российского капитала не всегда совпадают с политикой Вашингтона (наши компании, например, хотят заработать на участии в ядерной программе Ирана или на поставках оружия в Венесуэлу).

Теперь, когда государство восстановили и укрепили, силовики, сделав свою работу, торжественно вручают ключи от здания либеральным политикам из окружения Медведева, дабы те занимались в нём своими делами. Укреплённое государство с лояльными

гражданами — главное достижение путинской восьмилетки — одновременно является и важнейшим условием для продолжения неолиберальных реформ. Путин и его окружение придали буржуазному режиму в России тот самый запас прочности, которого ему критически не хватало в конце 1990-х. Именно теперь, когда работа «государственников» выполнена, либералы, получив эстафету, могут с удвоенной энергией взяться за дело.

Новый этап развития капиталистического проекта требует и очередной смены идеологического караула. Увы, придворные идеологи, как бы высоко они себя ни ставили, для власти являются не более чем расходным материалом, который может быть применён или выброшен на свалку в зависимости от меняющихся тактических задач. Либералы-западники были востребованы при Ельцине, но совершенно не имели ценности во времена Путина. Их отстранили довольно вежливо. Ведь не Кремль же начал кампанию против Бориса Березовского и Михаила Касьянова, а они сами, не удовлетворившись тем местом, которое досталось им в новом распределении ролей, начали войну, которую тут же неизбежно проиграли. Из-за завышенной самооценки, непомерных амбиций и примитивного властолюбия кремлёвские либералы объявили себя оппозицией. Теперь та же неприятность случается с патриотами.

Впрочем, перемены могут затронуть и многих функционеров, составляющих высшие эшелоны власти. Опять, как и в начале 2000-х годов, никого не будут изгонять, свергать и подвергать публичной опале, но вельможи, не удовлетворённые тем, что их влияние сокращается, почти неизбежно составят очередную придворную Фронду. Наступать на одни и те же грабли — старинный русский спорт, тем более увлекательный после того, как у тебя на глазах на эти грабли уже наступили другие.

Очередная перетасовка кремлёвской бюрократии неизбежно сопровождается появлением «новых оппозиционеров». Вопрос лишь в том, отражает ли эта оппозиция потребности общества или — как в случае с либералами — оказывается всего лишь очередным побочным продуктом кремлёвской алхимии.

Для левых путинская восьмилетка оказалась весьма противоречивым временем. С одной стороны, благодаря экономическому росту и стабилизации капитализма она дала

возможность для постепенного формирования новых идеологических и политических сил, которые должны придти на смену старой консервативной оппозиции. Важнейшим фактором в этом отношении становится рост новых рабочих организаций, но не меньшую роль играет и выход на сцену нового поколения, для которого борьба с капитализмом уже не связана с ностальгией по старым советским порядкам. С другой стороны, политически «подморозив Россию», режим Путина задержал распад старых партий и уход со сцены их лидеров, искусственно продлив жизнь персонажам прошлого — будь то Геннадий Зюганов или Владимир Жириновский. Несостоятельность, архаичность и абсурдность их политического существования, как и гротескная бессмысленность деятельности их политических партий в полной мере выявилась в ходе президентских выборов 2008 года, однако это не отменяет простого факта: если не считать «Единой России», именно эти организации и лидеры являются единственными фигурами, оставшимися на доске публичной политики. Вопрос в том, появятся ли на ней новые фигуры, или, что более вероятно, будет опрокинута сама доска.

Между тем многие левые, отстранённые от «серьёзных дел» в думских коридорах, искали утешения, пытаясь примкнуть к какому-либо большому и, как им казалось, перспективному направлению. Одна группа бросилась предлагать свои услуги власти. Эти «красные путинисты» так и не смогли удостоиться со стороны власти благодарности или даже внимания, но отчаянно отстаивали преимущества русского капитализма перед всяким другим капитализмом, ведя отчаянную полемику с другой группой, которая столь же бездумно бросилась в объятия либералов. В противовес «красным путинистам» эти «красно-оранжевые» получили от своих партнёров по либеральной оппозиции поощрение и благожелательное внимание, но от их деятельности никакого проку ни для левого движения не вышло, да и выйти не могло. Прибавшись к либералам, они обречены были деградировать вместе с ними.

Увы, в очередной раз обнаруживается, что нет ничего лучше самостоятельной и последовательной линии. Информационно-координационный центр «Левая политика» и одноимённый журнал были созданы в 2006 году как центр притяжения для тех, кто выступал за политическую независимость движения, призывая одновременно

вести борьбу на два фронта. Это было трудно, но плоды подобного курса в полной мере становятся видны сейчас, когда и «красно-оранжевые» и «красные путинисты» в равной мере растеряны и деморализованы.

Мы с самого начала говорили, что и державно-бюрократические, и либерально-западнические элиты являются не просто равно реакционными, а составляют две фракции одного класса, две стороны одного и того же капиталистического проекта. Дополняя и поддерживая друг друга в своём соперничестве, они делают общее дело. В отличие от идеологов, представители власти очень хорошо знают, какое здание они строят и для кого.

Укреплённое за годы правления Путина здание буржуазного государства должно будет выдержать не только подземные толчки социального протеста, но и незапланированную нагрузку мирового экономического кризиса. Общественные перемены неизбежны. Как бы ни кичились чиновники 2000-х годов своими блестящими успехами, нет никаких гарантий того, что постройка возведена качественно и не обрушится на голову заказчикам.

АНАЛІЗ

Кризис глобальной экономики и России

Доклад экспертной группы Института глобализации и социальных движений (ИГСО)

Центр экономических исследований ИГСО

Первые недели 2008 года практически все российские и зарубежные эксперты считали ситуацию в мировой экономике благополучной. Сделанные немногими аналитиками предупреждения о надвигающемся большом хозяйственном кризисе не были восприняты оптимистически настроенным обществом достаточно серьёзно.

22 января мировые биржи сотрясло первое падение. Вслед за ним последовал ряд новых биржевых обвалов. Фондовые рынки планеты оказались дестабилизированы. Усилилась инфляция, начали резко расти цены на продовольствие. Ряд американских и европейских банков заявил о колоссальных убытках, понесённых по итогам 2007 года. Стали ясны масштабы хозяйственных проблем в США. Начался новый мировой кризис. Проявление первых его симптомов породило много вопросов, непосредственно связанных с природой кризиса, причинами его возникновения и логикой вероятного развития.

1. Основные выводы

Развитие глобального кризиса

1. В настоящее время мировой экономический кризис находится на ранней стадии, проявившись преимущественно в финансовой сфере (дестабилизация фондовых рынков, убытки банков, рост инфляции, удорожание капиталов).

2. В наибольшей степени от кризиса пострадало национальное хозяйство США, где называют открытая вспышка торгового кризиса и падение промышленного производства.

3. Вслед за падением спроса на американском рынке кризис перекинется на «новые индустриальные страны», где начнётся остановка производства.

4. Сокращение объёмов продаж и мирового промышленного производства приведёт к новым обвалам на фондовых рынках планеты и переходу инфляции в стагфляцию, совершится падение цен на нефть, возрастёт число безработных, произойдёт масштабное падение потребления.

5. Кризис затронет все страны, включённые в мироэкономику, и повлечёт за собой продолжительную депрессию; разрушительные последствия глобальной хозяйственной дестабилизации окажутся очень большими.

6. Предполагаемые сроки развития кризиса: 2008 год — рецессия в США и начало промышленного спада в других странах, 2009–2010 годы — пик кризиса (основное падение), 2010–2013 годы — депрессия, перестройка мироэкономики для нового развития.

7. Правительства стран мира не располагают стратегиями преодоления кризиса, вероятность их выработки (в силу недооценки кризиса и незаинтересованности в необходимых преобразованиях) до перехода кризиса в пиковую фазу крайне невелика.

8. Нет оснований ожидать быстрого прохождения кризиса, его затягивание приведёт к обострению политических и социальных конфликтов в большинстве стран мира.

Характер и последствия кризиса

9. Начавшийся мировой экономический кризис является системным, обусловленным противоречиями неолиберальной модели капитализма (мировое хозяйство не может дальше развиваться по старому), исчерпаны ресурсы экономической политики, построенной на соединении систематического снижения реальной заработной платы со стимулированием потребления.

10. Падение потребления в «старых индустриальных странах» привело к потере эффективности экономической модели, основанной на эксплуатации дешёвой рабочей силы в «третьем мире» (дальнейшее снижение товарных цен за счёт сверхэксплуатации рабочей силы невозможно, её ресурсы также почти исчерпаны).

11. Инфляция является одним из проявлений глобального кризиса и порождена изменением баланса между товарной и денежной массой

в экономике (обесцениванием значительной части ценных бумаг, жилой недвижимостью, а также проявившимся в ходе американского ипотечного кризиса падением покупательной способности населения).

12. Кризис знаменует собой смену понижательной волны в развитии мироэкономики^[1] (как кризис смены волн, он окажется тяжёлым и продолжительным).

13. Кризис не завершится, пока не будут сняты породившие его противоречия, а развитие мирового хозяйства не получит новый технологический импульс (прежде всего в инновациях индустрии, что приведёт к удешевлению товаров).

14. По итогам глобального кризиса энергопотребление в мире возрастёт, возникнут новые способы получения энергии, значение углеводородов уменьшится.

15. Кризис приведёт к разрушению изолированных рынков труда и будет способствовать образованию единого мирового рынка рабочей силы.

16. Кризис поспособствует укрупнению глобальных монополий и усилению их роли в мировом хозяйстве (значение среднего и мелкого бизнеса ещё более упадёт).

17. Кризис приведёт к возрождению политики протекционизма, которая станет мощным инструментом глобальной корпоративной конкуренции.

18. Международное разделение труда возрастёт, в «старых промышленных странах» логично ожидать реиндустриализации.

Влияние кризиса на экономику России

19. Оказанное кризисом воздействие на экономику России остаётся пока незначительным и затрагивает преимущественно финансовую сферу.

20. Экономика РФ продолжает расти, но потребительский рынок в стране инфляционно сжимается, что подготавливает национальный торговый и ипотечный кризисы.

21. Приход глобального кризиса в РФ задержится и произойдёт, вероятно, позднее, чем в «новые индустриальные страны» и ЕС.

22. Под воздействием общемировых хозяйственных тенденций экономика России может ощутить серьёзное недомогание ещё при сохранении высоких нефтяных цен на мировом рынке.

23. Падение мировых цен на нефть приведёт к кризисному поражению национального хозяйства России, обвалу на фондовом рынке, падению промышленного производства, росту безработицы и усилению инфляции, резко снизится потребление.

24. Глобальный кризис окажется для России особенно тяжёлым из-за экспортно-сырьевой ориентации экономики.

25. Выход страны из кризиса будет сопряжён с большими структурными переменами в экономике, общественными потрясениями и падением роли сырьевых корпораций.

2. Системный кризис мировой экономики

2.1. Первые проявления кризиса

Сведения о резком сокращении прибыли банковской группы Citigroup привело 15 января к падению на Нью-Йоркской фондовой бирже. Индекс промышленной активности Dow Jones снизился на 2,2 %, Standard & Poor's — на 2,51 %. Nasdaq Composite потерял 2,45 %. 21 января резкое снижение цен на акции произошло на всех основных мировых рынках. Торги на Франкфуртской, Лондонской и Парижской биржах завершились падением на 7,16 %, 5,5 % и 6,83 %, крупнейшим за последние шесть лет. В России снижение цен уже составило более 8 %. Негативную роль в развязке биржевого кризиса сыграли предложенные президентом Бушем меры по снижению налогов — «республиканская панацея», — не способные поправить экономическую ситуацию в США. Объявленное администрацией понижение налогов только усилило биржевую панику.

Охвативший 21–22 января ведущие мировые биржи кризис явился следствием обнаружившегося расхождения в рентабельности компаний с их капитализацией. Произошедшее падение на фондовых рынках планеты было вызвано информацией о низкой рентабельности, а также о больших убытках ведущих банков. Цены на акции рухнули, опустились также бумаги «здоровых компаний» — по которым на рынке не имелось сведений об убытках или понижении доходности. Даже российские корпорации, такие как «Газпром», понесли серьёзные потери. Стабилизация фондовых рынков по итогам падения конца января не оказалась продолжительной. Фондовые рынки

вступили в полосу нестабильности, что сразу отразилось на товарных рынках. Правительства и экономисты немедленно принялись успокаивать общество, объясняя, что произошла только «корректировка курса акций». Однако спустя всего неделю на мировых рынках вновь наблюдалось снижение.

28 января опять отмечалось падение на многих фондовых рынках. 5 февраля мощный обвал произошёл на американских и европейских биржах. Потом наступило очередное успокоение — и новое падение 17 марта.

На Лондонской фондовой бирже 5 февраля совокупная стоимость котирующихся акций сократилась на 2,63 %. На Франкфуртской бирже падение составило 3,36 %, на Брюссельской — 3,17 %, на Миланской — 3,07 %, на Амстердамской — 3,34 %. В Париже бумаги подешевели на 3,96 %. На Мадридской бирже падение оказалось ещё больше. Оно составило 5,19 %. Большие потери в цене понесли акции банков и автомобильных компаний Евросоюза. 7,4 % от своей стоимости потерял французский Renault. Бумаги Peugeot подешевели на 6 %, итальянского Fiat — на 6,5 %. Акции аэрокосмического концерна EADS лишились 6 %.

Биржевое падение в России также оказалось значительным. Индекс РТС, один из основных отечественных фондовых индикаторов, опустился на 3,38 %. ММВБ упал на 4,04 %. Больше всего потеряли бумаги Сбербанка России (-5 % на ФБ ММВБ) и ОАО «Роснефть» (-5,7 % в РТС). Общее снижение цен российских «голубых фишек» оказалось в границах 5,7 %. Восстановление после обвалов 21, 22 и 28 января стало непродолжительным, показав, насколько фондовые рынки утратили прежнюю положительную динамику.

В США 5 февраля индекс Dow Jones, определяемый на основании совокупного курса ценных бумаг 30 американских компаний-лидеров, снизился на 2,53 %. Standard & Poors 500 потерял 2,67 %. Индекс электронной биржи NASDAQ лишился 2,54 %. Характерно, что падение в США оказалось менее значительным, чем в странах ЕС и России. Миф о независимости национальных экономик, которому больше всего подвержена Россия, ещё раз оказался под ударом. Разница показала, насколько сильно ощущаются в мире любые негативные явления в американском национальном хозяйстве.

14 марта на американских биржах опять появились признаки, предвещавшие новое падение. Чтобы предотвратить вызревающее обрушение, Федеральная резервная система (ФРС) США в экстренном порядке понизила ставку рефинансирования до 3,25 %. Однако снижение дисконтной ставки, по которой кредитуются банки, на 0,25 процентных пункта не возымело положительного действия. К обратному эффекту привело также беспрецедентное со времён Великой депрессии решение напрямую кредитовать крупные финансовые компании. Намерение ФРС финансово содействовать банку J.P. Morgan Chase & Co в покупке за 236 млн долларов инвестбанка Bear Stearns повлекло обвал котировок других крупнейших американских банков. Акции Bear Stearns подешевели 14 марта на 47 %. От прежней внушительной капитализации компании не осталось и следа. Ещё год назад она составляла 20 млрд долларов.

17 марта информация о плачевном состоянии американской банковской сферы вызвала общемировую панику. Необоснованность высокого курса ценных бумаг компаний, терпящих бедствие, привела к массовой распродаже трейдерами их акций. На всех крупных фондовых площадках мира произошло падение. Российский РТС лишился 4 %. Такими же оказались потери на европейских площадках. Британский индекс FTSE 100 понизился на 2,93 %. Японский Nikkei 225 обвалился на 3,71 %. Ни один фондовый рынок от Азии до США не устоял.

Одновременно с цепью первых падений на фондовых рынках в мире произошло заметное ускорение инфляционных процессов. В первую очередь это отразилось на росте продовольственных цен, затронувшем практически все страны планеты. В России, по официальным оценкам, с начала года к концу марта 2008 года цены на овощи и фрукты возросли на 23,5 % и 14,9 % соответственно. Хлебобулочные изделия и крупы стали дороже на 6,9 %. На мировом рынке многие продовольственные товары поднялись в цене на 40–60 %. Более миллиарда человек оказались вынуждены сократить свой рацион, исключив из него самые необходимые продукты. Во многих регионах планеты резко обострилась нехватка продовольствия. Произошли первые массовые выступления протеста.

2.2. Антикризисные меры и рецессия в США

На основе опыта кризисов 1998–1999 и 2001 годов правительства стран-лидеров готовились к отражению новой экономической дестабилизации за счёт создания мощных финансовых резервов.

Россия образовала Стабилизационный фонд в размере 548,1 млрд долларов. Китай сконцентрировал огромные золотовалютные резервы, достигающие 1,68 трлн долларов (70 % из них размещено в долларовых активах). Еврозона собрал более 500 млрд долларов. Япония — 1,02 трлн долларов. Золотовалютные резервы США относительно невелики, в несколько раз уступают запасам Японии. При этом государственный долг страны к концу 2007 года достиг почти 10 трлн долларов, а суммарный долг государства, штатов и корпораций достиг 40 трлн долларов. Для сравнения: в том же году мировой ВВП составил 61 трлн долларов, увеличиваясь ежегодно в 2001–2005 годах на 4 %, в 1991–2000 годах — на 3,1 %. Чтобы платить по долгам и покрывать бюджетные расходы, американское правительство вынужденно ежегодно привлекать 400–500 млрд долларов заёмных средств через продажу долгосрочных облигаций ФРС.

В качестве антикризисной стратегии все страны предполагали оказывать финансовую помощь компаниям, попавшим в затруднение, способствуя восстановлению нормального режима их работы. Государства планировали также направлять финансовые ресурсы на поддержание стабильного курса ценных бумаг и расчётных валют.

Однако, как показали уже первые месяцы нового глобального кризиса, все эти меры оказались неэффективны. Они способствовали кратковременной стабилизации на фондовых рынках, временно восстанавливали платёжный баланс корпораций, но не снимали причин кризиса. В результате смена фаз развития кризиса лишь откладывалась.

В США меры по снижению ставки рефинансирования, финансовой накачке компаний и временного стимулирования спроса за счёт возврата части налоговых поступлений населению («план Буша» предусматривал возвращение потребителям 168 млрд долларов) не смогли предотвратить вхождения национального хозяйства в полосу кризиса. В Соединённых Штатах отмечается рост безработицы. Из-за нехватки кредитов 28 млн американских граждан пользуются продовольственными талонами (в 2007 году этот показатель составлял

26,5). В марте американская экономика потеряла 81 тысячу рабочих мест, в апреле лишилась ещё 20 тыс. Число официально признанных безработных в мае возросло ещё на 5 %. Общее число безработных в США составило 5,5 % от всего трудоспособного населения, что является рекордом за 20 лет. Из 8,5 млн безработных пособия получают лишь 3,1 млн человек. По официальным данным, среднемесячный прирост числа безработных уже составляет 5 %, причём в это число не входят иммигранты, а также граждане США, которые не зарегистрированы на бирже труда.

Впервые за пять лет падает активность компаний, работающих в сфере услуг. В секторах розничной торговли, транспорта, финансов, недвижимости и здравоохранения работодатели сокращают численность персонала. Отмечается также падение потребления. По наблюдениям экономистов, устойчивый спрос сохраняется лишь на продукты питания, по всем остальным показателям происходит снижение объёмов продаж. В немалой степени страдают США и от инфляции. С начала года она, по различным оценкам, составила от 4 до 7 %. В очень тяжёлом состоянии — банковская сфера. На её спасение брошены огромные средства со всего мира. Но финансовые вливания не принесли устойчивых положительных результатов. Пострадавшая первой банковской группа Citigroup распродаёт активы и пытается укрепить положение за счёт эмиссии акций.

Промышленное производство в США за полгода снизилось на 1,2–1,5 %. Есть все основания полагать, что уже в ближайшие месяцы затруднения в сбыте товаров сильнее отразится на производственном секторе. За первый квартал 2008 года рост ВВП составил всего 0,6 % в годовом исчислении (в 2006 году ВВП равнялся 3,3 %, в 2007 году — 2,2 %). По мнению ООН, для американской экономики существует два сценария. Пессимистический предполагает сокращение ВВП США в 2008 году на 1,2 %, оптимистический — увеличение на 1 %. Однако такие оценки основаны на экстраполяции тенденций, характерных для текущего состояния дел, что принципиально неверно, поскольку кризис в мировой экономике и хозяйстве США развивается по определённым стадиям. В настоящее время он находится на ранней стадии, затронув главным образом финансовую сферу. Уже в скором времени кризис более полно проявится в торговле и сфере услуг, затем даст о себе знать в промышленности. В результате для экономики

США год завершится более ощутимым падением ВВП. Оно может составить как минимум 4–5 %, а как максимум оказаться кратно выше. При этом 2008 год нельзя считать самым тяжёлым годом кризиса или временем его прохождения, пока основные противоречия, вызвавшие глобальную дестабилизацию, не будут разрешены.

В середине 1990-х годов доля финансовых услуг в ВВП Соединённых Штатов превысила долю промышленности. С 1970-х годов по 2008 год составляющая производства в ВВП упала с 25 % до 12 %. Доля финансовых услуг возросла с 12 % до 20–21 %. При этом 4–5 % роста ВВП в финансовом секторе 1990-2000-х годов связаны с ипотечным бумом. С 1987 по 2007 год общая задолженность в США выросла с 11 трлн долларов до 48 трлн долларов, в которых наиболее велика доля частного финансового сектора. Разрыв потребительского «мыльного пузыря» неминуемо приведёт к беспрецедентному числу банкротств, основная доля которых придётся на финансовый сектор.

Вопреки общепринятым оценкам, отрицательное торговое сальдо США не играет в развитии кризиса значительной роли, поскольку покрывается ввозимой в страну прибылью корпораций. Поступающие на внутренний рынок США иностранные товары часто произведены на предприятиях, принадлежащих американским компаниям. Так, громадная розничная сеть Wal-mart владеет в КНР более чем 700 фабриками. Однако, получая высокую прибыль на товарном рынке США, американские корпорации длительное время проводят политику сокращения расходов на рабочую силу, непосредственно создающую этот рынок.

Для других стран, включая Россию, вхождение в мировой кризис пока происходит с серьёзным временным отрывом от США. На протяжении 2008 года эта тенденция, очевидно, сохранится. Одновременно можно предполагать, что падение цен на нефть способно задержаться до 2009 года, а фактически до перехода глобального кризиса в фазу поражения промышленности. К тому же кризис на финансовых рынках подстёгивает инвесторов к спекулятивным вложениям в операции с куплей-продажей нефти, считающихся более надёжными. Это приводит к надуванию ценового «мыльного пузыря» на нефтяном рынке. В течение первых 5 месяцев 2008 года, при фактической стагнации спроса, цены на нефть выросли более чем на треть. Эта тенденция тактически выглядит благоприятной

для России, но стратегически увеличивает для неё риски, связанные с кризисом.

Наряду с США проблемы начали испытывать и хозяйства стран ЕС: Франции, Великобритании, Ирландии, Швейцарии, Люксембурга и Испании. Прибыль одного из крупнейших французских банков Credit Agricole по итогам 2007 года снизилась по сравнению с прогнозом на 16,8 %. Убытки компании на американском ипотечном рынке в первом квартале 2008 года составили 1,2 млрд евро. Другой французский банк — Societe Generale — объявил о списании 1,18 млрд евро по кредитным инструментам и падении чистой прибыли в первом квартале на 23 % до 1,1 млрд евро. Крупнейший швейцарский банк Credit Suisse обнародовал информацию о потерях 2,85 млрд долларов. Ещё большие потери понёс крупнейший европейский банк UBS AG. За четвёртый квартал 2007 года они составили 13,7 млрд долларов. Всего банки мира уже списали в связи с американским «народным дефолтом» (массовыми неплатежами по жилищным закладным) более 320 млрд долларов. Merrill Lynch и UBS почти полностью лишились капитала. Банки Morgan Stanley, Mizuho Financial Group, Citigroup и Washington Mutual понесли убытки на треть капитала. Совокупные потери на рынке ипотеки и связанных с ней долговых ценных бумаг оцениваются МВФ в 565 млрд долларов. Эта сумма была снижена под давлением США. Ранее МВФ оценивал потенциальные убытки в 945 млрд долларов. Сведения о потерях, понесённых на ипотечном рынке США, продолжают поступать, размер постепенно рассыпающейся пирамиды ипотечных кредитов оценивается в 10,7 трлн долларов.

Обвал на рынке недвижимости США привёл к резкому удешевлению жилья. Индекс Кейса-Шиллера, отражающий стоимость недвижимости в Соединённых Штатах, опустился до самого низкого за 20 лет уровня. В национальном масштабе индекс цен на жильё за первый квартал 2008 года снизился на 14,1 % по сравнению с тем же периодом 2007 года, достигнув самой низкой отметки с 1988 года. Рынок переполнен отобранными у заёмщиков домами и квартирами. В 2008 году за невыплату ипотечных взносов в стране изъято более 1 млн домов. Колоссальный сегмент американского рынка — жилая недвижимость — продолжает обесцениваться. В ближайшие месяцы падение стоимости жилья может составить от 10 до 25 %.

Среди пострадавших от продолжающегося «народного дефолта» в США оказались также коммерческие структуры Японии и Таиланда. Косвенно американский ипотечный кризис сказался на всей мировой банковской системе, породив дефицит дешёвых кредитов. Без постоянной финансовой подпитки банки мировой периферии оказались в затруднительном положении, поскольку у них начали накапливаться «местные» проблемы с должниками. Появились первые затруднения с платежами по кредитам, предоставленным зарубежными банками. Произошёл отток банковских инвестиций. Вслед за глобальным биржевым кризисом возник финансовый кризис, явившийся лишь новым проявлением общемирового хозяйственного кризиса. Столкнувшись с дефицитом ликвидности банков, правительства пошли на принятие разнообразных мер по накачке компаний платёжными средствами.

Власти РФ разместили на счетах проблемных банков средства Пенсионного фонда. Среди государств СНГ в наиболее затруднительном положении оказался Казахстан. Президент Назарбаев признал, что экономика его страны находится в глубоком кризисе. Причина — финансовые проблемы, вернее, банковский кризис, вызванный невозможностью расплатиться за дешёвые иностранные кредиты. Из казахских банков начался отток средств, их рейтинги резко снижены. Правительство Казахстана выделило в помощь банкам 4 млрд долларов, при общих финансовых резервах страны в 40 млрд долларов. Однако ни этой суммы, ни золотовалютных запасов Казахстана не хватит надолго. Строжайшая экономия, о которой говорит Назарбаев, тоже окажется малоэффективной. Применение подобных мер правительствами других стран также приведёт лишь к углублению кризиса. Получение отсрочки для корпораций за счёт дальнейшего падения потребления не только не снимает противоречий кризиса, а напротив — обостряет их.

Официальные лица США считают, что негативную тенденцию всё ещё можно преодолеть, предотвратив глобальное расползание кризиса. Более пессимистичны американские аналитики, в начале года соглашавшиеся с оптимизмом правительства. В настоящее время ставка рефинансирования снижена до 2 % — без существенного эффекта. Фондовый рынок находится в подвешенном состоянии. С мая производится возврат гражданам налоговых поступлений. Процесс

выплаты денег займёт 2,5 месяца. В зависимости от величины доходов налогоплательщики получают обратно сумму от нескольких сот до 2400 долларов. Максимальный размер выплаты получают семьи, зарабатывавшие порядка 150 тысяч долларов в год и имеющие трёх-четырёх детей. Однако ожидания чиновников, что финансовое стимулирование способствует повышению потребительской активности, пока не оправдались. Население предпочитает тратить деньги на оплату долгов и создание запасов продовольствия. Американские компании продолжают проводить политику экономии за счёт ухудшения условий труда работников, что никак не способствует росту потребления. Возврат долгов населения банкам за счёт налоговых льгот может несколько уменьшить давление на финансовые институты США, но не устраняет общей кризисной тенденции на потребительском рынке.

В Вашингтоне рассчитывают, что сочетание низкой кредитной ставки для компаний с мерами временного стимулирования спроса на внутреннем рынке позволят выиграть время, избежать хозяйственного падения и пройти кризисную полосу. Предполагается, что кризис — это «временная неприятность», которая пройдёт сама собой. Однако производимые стандартные действия властей не затрагивают причин кризиса, являющегося для мироэкономики системным.

Нет оснований считать, будто новое понижение ставки рефинансирования окажется более эффективным. Также нет оснований полагать, что разовая субсидия населению может поднять его платёжеспособный спрос, упавший в силу объективных причин. Финансовая накачка компаний не способна вернуть им эффективность в условиях падающего потребления. В результате применяемые в настоящее время в США антикризисные меры не могут остановить развитие всех негативных тенденций в экономике, а обеспечивают лишь временную передышку. Продлится она способна несколько месяцев. Вероятно, уже к началу осени можно ожидать проявления новых симптомов развития кризиса в США.

2.3. Происхождение глобального кризиса

Большинство аналитиков, отрицавших в конце 2007 года вероятность кризиса, сегодня объясняет негативные процессы в мировой экономике как последствия ипотечного кризиса в США. По

мнению неолиберальных экономистов, кризис вызван просто коллективными ошибками руководства ряда компаний, и завершится, как только ситуация в финансовой сфере поправится. Аналогичной позиции придерживаются практически все правительства. Власти РФ не раз выражали уверенность, что финансовый кризис не затронет отечественную экономику, а напротив, окажет на неё положительное влияние. Однако при рассмотрении происхождения глобального кризиса видно, насколько поверхностными являются подобные оценки, наивными — национально-мессианские ожидания.

На протяжении 2007 года практически на всех мировых биржах отмечался рост. Рынок акций США, крупнейший и наиболее важный в мире, только к концу года начал давать сбои в связи с ипотечным кризисом. Активный рост был зафиксирован на немецком фондовом рынке: индекс DAX показал отличный результат в 22 %. Британские акции поднялись на 3,8 %, французские — на 1,3 %. Российский фондовый рынок в минувшем году развивался успешно. Особенно удачными оказались IPO электроэнергетических компаний. Но в ходе 2007 года мировая экономика всё более ощущала признаки недомогания, внешне скрытые для аналитиков большинства корпораций.

О приближении мирового экономического кризиса свидетельствовал целый ряд фактов. Рост производства в «новых промышленных странах» должен был, прежде всего, обслуживать потребление в богатых США и ЕС. Однако в связи с выносом из этих «старых промышленных стран» многих производств в них неуклонно снижалась реальная заработная плата, усиливалась тенденция к неполной и нестабильной занятости. «Хорошие рабочие места» в «первом мире» заменялись низкооплачиваемыми в странах периферии, где не имелось профсоюзов, социального и трудового законодательства. Если во времена «социального государства» периода 1949–1973 годов политика занятости, проводимая правительствами, в сочетании с высокими пособиями по безработице обеспечивала устойчивый спрос при стабильном жизненном уровне, то в современной западной экономике даже в работающих семьях характерна тенденция к нестабильности доходов. Так, если средний американец тратил в начале 1990-х годов на жильё 25 % своих доходов, то в 2005 году эта доля возросла до 50–60 %. Рабочие

организации Запада, гарантировавшие людям в 1949–1973 годах относительно высокий уровень жизни, были ослаблены (профсоюзы) или деградировали (социал-демократия), а их социальная база сузилась в результате выноса целых отраслей в страны периферии.

Идеальным местом для переноса промышленности оказался Китай, обеспечивший 20-процентную «скидку» на цену своей рабочей силы для транснациональных корпораций. Индустриальный бум в «третьем мире» происходил одновременно с первичной пролетаризацией сотен миллионов крестьян. Отрываясь от натурального хозяйства, они становились наёмными работниками и потребителями (преимущественно очень бедными). Производство всё более концентрировалось в «странах Юга», в то время как главные рынки сбыта оставались в «зоне Севера». Падение спроса в США, Великобритании, ЕС и ряде других стран не могло компенсироваться за счёт потребления средних слоёв глобальной периферии. Снижение потребления в центре неминуемо оборачивалось остановкой производства на периферии, что вело к увольнениям и автоматически подрывало покупательную способность местных «средних классов».

За период 1982–2008 годов в «старых индустриальных странах» возросло число работающих женщин, что (в отличие от 1950-1960-х годов) стало семейной нормой. Трудящиеся оказались вынуждены чаще перерабатывать или сочетать несколько работ, чтобы сохранить свой материальный достаток. Таким образом, при снижении средней заработной платы в расчёте на одного человека средний доход семьи в США и многих других западных странах в течение некоторого времени продолжал расти. Однако уже в конце 1990-х годов процент людей, относимых к «среднему классу», начал понемногу сокращаться.

На протяжении 2000-х годов падение доходов трудящихся «первого мира» прикрывалось ростом потребительского кредита, но к концу десятилетия задолженность семей в США и Британии достигла критической отметки. В 2007 году в Соединённых Штатах разразился кризис неплатежей — «народный дефолт». В ходе него частные лица, не располагавшие достаточными средствами, задерживали или прекращали выплаты по банковским кредитам. Этот кризис наложился на крайнее финансовое ослабление американского государства, всё менее справлявшегося с ролью глобального гегемона. Политика

снижения налогов, систематически проводившаяся как демократическими, так и республиканскими администрациями, предопределила перераспределение средств в пользу частного сектора, стимулируя его активность, но одновременно подорвала способность правительства прийти на помощь экономике, когда такая помощь понадобится. Долларовая эмиссия, которой правительство Буша старалось покрыть военные расходы, лишь ускорила процесс ослабления потребительского рынка США. Ресурс поддержки потребления за счёт банковского кредитования в 2007 году был практически исчерпан — население стало неспособно оплачивать даже минимальные проценты. Банковский сектор охватил кризис, информация о понесённых компаниями в минувшем году убытка привела к первым обвалам на бирже, а затем и к дестабилизации всех фондовых рынков планеты. На протяжении некоторого времени негативный эффект американской инфляции компенсировался способностью растущей мировой экономики поглощать избыток американских долларов, но это не могло продолжаться бесконечно.

Сталкиваясь в минувшем году с нарастающими проблемами, корпорации не находили решения. Они скрывали убытки, завышали полученную прибыль. Торговля дорожающими акциями компаний, маскирующих свои увеличивающиеся трудности, породила противоречие, которое рано или поздно должно было вырваться наружу. Проблемы на фондовом рынке программировались замаскированными проблемами всей мироэкономики, включая функционирование банковского сегмента.

Характерно, что потребительское кредитование 2000-х годов часто не было способно покрыть инфляционные издержки банков за счёт процентов. Кредитование населения под низкий процент (до 3 %) являлось прямым следствием беспрецедентного глобального перенакопления капиталов, которые оказалось некуда больше вкладывать. В мироэкономике сложилась ситуация, когда возможности рынков исчерпались. Корпорации располагали ресурсами для наращивания производства, но извлечение прибыли становилось всё более сложным. В условиях падения спроса в Северной Америке и Европе возросло значение стран, располагающим большими внутренними рынками — прежде всего России, Бразилии и Индии. Хозяйственный рост в них мог продолжаться даже некоторое время

после начала кризиса. В условиях спада потребления в США «новые гиганты» превращались в центр притяжения капиталов, возрастающая доля которых оставалась спекулятивной.

На протяжении двух десятилетий не только потребление в США, но и рост мировой экономики поддерживались за счёт кредитования населения (прежде всего западного «среднего класса»). Доступность кредитов обеспечивали высокие прибыли корпораций США и других стран. Возникло противоречие между производственными и потребительскими рынками. Вынос производства из «первого мира» объективно понижал его потребительские возможности, но полученные в «третьем мире» прибыли позволяли кредитовать средние слои западного общества (прежде всего в США и Великобритании). Неминуемо происходившее обострение этого противоречия по мере всё большего переноса промышленности из центра мироэкономики на периферию не могло не привести к глобальному кризису, более тяжёлому и более сложному, чем обычные кризисы перепроизводства (рецессии), происходящие каждые десять лет. США стали первой страной, по которой пришёлся начальный удар глобального системного кризиса.

2.4. Инфляция

Неожиданностью для мировой финансовой системы в 2008 году стало ускорение инфляции, прежде всего выразившееся в росте цен на продовольствие и топливо. В качестве причины инфляции большинство аналитиков называют рост цен на продукты питания и энергоносители, то есть саму инфляцию. Невзирая на неадекватность подобных объяснений, мировая инфляция имеет объективные причины, связанные с общим кризисом модели глобальной экономики. Рост товарных цен — не причина, а следствие инфляции.

Несмотря на то что инфляция ускорила темп ещё до цепи январско-мартовских биржевых обвалов, именно они позволяют лучше всего понять её причины.

Характерной особенностью международной инфляции является её глобальный характер. В разной степени она затрагивает все страны планеты, неравномерно понижая покупательную способность всех денежных единиц. В настоящее время быстрее всего растут цены на товары первой необходимости, потребляемые постоянно:

продовольствие и топливо. В США торговые сети и небольшие магазины проводят распродажи, поскольку они переполнены нереализованными промышленными товарами. Как только запас продукции будет продан, цены на промышленные товары пойдут вверх, подчиняясь общей тенденции.

Учитывая, что в мире не произошло скачкообразного роста потребления (благополучие населения планеты продолжает ухудшаться), причина инфляции состоит в нарушении баланса между товарной и денежной массой в глобальном хозяйстве. Денежная масса в мировой экономике существенно увеличилась, масса промышленной продукции также осталась почти неизменной. Однако обеспеченность товарной массы денежной возросла. Денежных единиц в экономике на условную единицу товаров стало больше. Ускорение инфляции произошло в результате начавшейся потери деньгами обеспеченности на фондовом рынке и на американском рынке недвижимости ввиду обесценивания акций и домов. Сумма денег в экономике осталась прежней, но соответствующая ей сумма цен товаров снизилась вследствие первых проявлений глобального кризиса. В результате покупательная способность трудящихся сократилась за счёт обесценивания их зарплат. Потребление начало падать, спрос сконцентрировался на товарах первостепенной необходимости.

В настоящее время этот процесс продолжает развиваться, подготавливая торговый кризис, за которым неминуемо последуют новые биржевые падения. Это, в свою очередь, ещё более осложнит ситуацию: инфляция ускорится, начнётся остановка промышленности, рост безработицы. Цены на продукты питания относительно других товаров упадут. Несмотря на голод в мире, потребление продовольствия будет снижаться. Иллюзии стран с хорошими аграрными условиями (в частности, Украины, Венгрии и других государств Балканского полуострова) на выгодное использование глобального кризиса исчезнут. Стоимость нефти останется высокой, пока не обвалится на кризисном пике. Снижение производства ещё радикальней изменит соотношение между денежной и товарной массами. Глобальное хозяйство вступит в полосу стагфляции.

В результате масштабного биржевого обвала, отражающего уже общий хозяйственный кризис, в мире может не остаться ни одной устойчивой денежной единицы. При этом евро, вероятнее всего, станет

валютой наименьших потерь. Однако даже он может лишиться значительной доли своей покупательной способности на рынке. Бегство капиталов из валют мировой периферии в евро (либо в доллар, что пока маловероятно: американская валюта сдаёт позиции, хотя в ней осуществляется ещё 65 % расчётов в мире) будет усиливать инфляцию в «третьем мире», повышая обеспеченность резервной валюты и перенося её проблемы на национальные валюты. В многовалютной системе закон о равенстве суммы цен всех товаров массе денег в экономике действует нелинейно. Валюты по отношению друг к другу также являются товарами, соревнуясь за обеспеченность товарной массой, то есть за положение в системе экономического обмена.

Правительства США и других стран продемонстрировали полную неготовность противостоять глобальной инфляции. Премьер-министр РФ сложил с себя ответственность за инфляционное снижение доходов населения. Никаких адекватных проблеме шагов в настоящее время не предпринято. Ввиду глубоко системных причин инфляции как одного из проявлений кризиса мировой экономической модели нет оснований ожидать её прекращения в текущем году. Пока применяемые антиинфляционные меры (как часть антикризисных стратегий) не затрагивают причин инфляции, она не может быть приостановлена.

2.5. Природа мирового кризиса

По проявившимся в настоящее время тенденциям разворачивающегося глобального кризиса видно, насколько более тяжёлым в сравнении с рецессиями 1991, 1998–1999 и 2001 годов он угрожает стать. Одновременно ясно, что начавшийся в 2008 году глобальный кризис не связан только с товарным перепроизводством, а является следствием системных противоречий мировой экономики. Разворачивающийся кризис не может просто сбросить накопленную товарную массу, после чего экономика вновь быстро выйдет на кривую роста. Происходящие в США распродажи заполнивших рынок товаров не приведут к оздоровлению американской и глобальной экономики. В результате кризиса должны оказаться разрешёнными некоторые противоречия в мироэкономике, что равнозначно смене неолиберальной модели на новую.

В силу своей природы, обусловленной вызвавшими его противоречиями, кризис призван совершить качественные изменения в мировой хозяйственной системе, вернув ей эффективность.

Мирэкономика после Великой депрессии 1929–1933 годов прошла несколько стадий развития, повышательных и понижательных волн по Кондратьеву. С 1933 по 1948 год имела место понижательная волна. После кризиса 1949 года до 1973 года продолжалась повышательная волна, характеризовавшаяся удорожанием рабочей силы и капиталов, а также активным технологическим обновлением производства. В этот период растущая европейская и американская промышленность испытывала потребность в рабочей силе, которая ввозилась из стран периферии. В западном обществе господствовал кейнсианский подход, реализовывались принципы социального государства. Резко возрос образовательный уровень населения, высшее образование стало массовым. Однако к началу 1970-х годов глобальная хозяйственная система оказалась в тупике. В немалой степени новый кризис возник из-за страхов деловой элиты перед возросшей силой организованных рабочих, включавших теперь и людей ещё недавно привилегированных профессий. Большую роль сыграли события во Франции 1968 года, массовые выступления в США. Вместе с тем произведённая в бывших колониях модернизация открывала широкие возможности для использования ресурсов периферии по-новому.

Эмпирически доказано, что чередующиеся в миросистеме повышательные и понижательные волны имеют специфические черты. Продолжительность волн в промежутке 1790–2008 годов колебалась от 16 до 30 лет. Понижательные волны охватывают периоды экстенсивного освоения центрами капитализма ресурсов мировой периферии. В период понижательных волн финансовые операции имеют приоритет над вложениями в производство, подчиняя его своим интересам. Ставка процента из-за активного накопления капиталов имеет тенденцию к понижению. Рабочая сила также дешевеет или не дорожает, поскольку предложение на рынке труда превышает спрос. Продовольственные цены имеют тенденцию к уменьшению. Понижательные волны отличает прогресс коммуникаций, от транспорта до связи, и медленное развитие технологий производства.

Повышательные волны, наоборот, характеризуются быстрым технологическим прогрессом индустрии. Рабочая сила дорожает,

поскольку потребность в квалифицированных специалистах растёт. Капиталы также оказываются дорогими, стимулируя рост производительности труда. Общественная ценность знаний возрастает. Повышательные волны сменяют понижательные, когда экстенсивное использование ресурсов миросистемы теряет эффективность, а положительный результат может дать лишь максимально рациональное их применение. Смена волн в глобальном хозяйстве происходит через тяжёлые экономические кризисы (один или несколько), в которых на перепроизводство накладываются ещё системные противоречия мирового хозяйства. Невозможность дальнейшего эволюционного развития мирового хозяйства находит выражение в перенакоплении капитала, для выгодного вложения которого не остаётся места.

По итогам четырёх экономических кризисов 1969–1971, 1973–1975 (отмеченного скачком цен на нефть и высокой инфляцией), 1978–1980 и 1981–1982 годов в глобальном хозяйстве произошли качественные изменения: повышательная волна сменилась понижательной. В результате двух последних кризисов, оказавшихся особенно тяжёлыми для индустриально развитых стран, начался массовый перенос промышленности в зону мировой периферии, ставшую к 2008 году не сырьевой, а промышленной периферией. Одновременно политика технологического переоснащения индустрии со ставкой на высококвалифицированных работников сменилась ориентацией на дешёвую рабочую силу в странах «третьего мира». Успешность новой политики обеспечила быстрое развитие коммуникационных технологий, прежде всего связанных со сферой управления: компьютеры, Интернет, спутниковая связь. Резко возросла скорость перемещения капиталов, возникли электронные деньги. Национальные монополии из «первого мира» превратились в транснациональные корпорации. Идеология кейнсианского развития сменилась неолиберальной доктриной открытой экономики. Новая хозяйственная эпоха получила название финансовой глобализации.

В результате глобализации 1975–2008 годов, явившейся новой стадией развития мироэкономики, целые регионы планеты превратились из аграрных в промышленные. Сотни миллионов людей оказались вынуждены оставить традиционные натуральные хозяйства, став наёмными рабочими. Произошла беспрецедентная в мировой

истории пролетаризация. Пространство рыночных отношений расширилось, рабочая сила оказалась дешевле промышленных технологий. В «старых индустриальных странах» правительства стали проводить политику «сбрасывания балласта»: ликвидацию социальных завоеваний, приватизацию, снижение расходов на образование и иные общественные сферы.

Неолиберальная экономическая модель имела в своей основе противоречия, развитие которых определяло конец её существования. Производимые в странах периферии товары должны были продаваться в центре — развитых западноевропейских и североамериканских странах. Но по мере выноса из них производства потребительские возможности населения уменьшались, лишь очень ограниченно компенсируясь «новой экономикой»: сферой услуг и информационных технологий^[2]. Рост потребительских рынков стран промышленной периферии не мог покрыть растущий дефицит спроса.

В период глобализации капиталы начали свободно перемещаться из одной зоны планеты в другую, но рабочая сила была искусственно заперта в национальных границах. Корпорации имели возможность выбирать себе любой из множества рынков труда. Закрытые государственные границы и жёсткие антимиграционные законы препятствовали рабочим покидать зоны, где не действовало трудовое и социальное законодательство, а люди были бесправны. Даже если рабочие нелегально вырывались в ЕС, США и другие страны (с некоторых пор — и Россию), они оставались почти бесправными. Такая политика облегчала корпорациям снижение оплаты труда для граждан «старых индустриальных стран», а также свёртывание социального и трудового законодательства. В итоге в целом ряде отраслей американской и европейской экономики «третий мир» оказывался внутри «первого». Дестабилизированные социальные системы периферии продолжали выбрасывать миллионные массы эмигрантов на рынки труда в страны центра. Если в 1960-е и в начале 1970-х годов эмиграция из бывших колоний на Запад была связана с растущим там спросом на рабочую силу, то с конца 1990-х годов массовое переселение превратилось в инерционный процесс, подстёгиваемый социальным кризисом Юга и стремлением людей приобщиться к потребительскому обществу. В свою очередь, на Севере

эти демографические и социальные сдвиги способствовали росту расистских, ультраправых и неофашистских политических сил.

Обеспечивая рост рентабельности корпораций, неолиберальная модель глобальной экономики была лишена системных перспектив. Чтобы развиваться дальше, мировому хозяйству требовались качественные перемены. Высокие прибыли корпораций, полученные в результате жестокой эксплуатации бесправных рабочих «третьего мира», обеспечили удешевление капитала, что позволило в 2001 году отложить системный кризис за счёт беспрецедентного распространения потребительских и ипотечных кредитов. Однако этого ресурса оказалось достаточно для поддержания экономического роста в глобальной системе лишь до конца 2007 года.

Новый мировой кризис открылся обрушением кредитной пирамиды в США, потребительском центре планеты (на США приходится до 40 % глобального потребления). Массы американцев оказались не в состоянии приобретать прежнее количество товаров на свои доходы, снижавшиеся с начала 1980-х годов. Население США также продемонстрировало неспособность платить даже по самым дешёвым кредитам. Аналогичные проблемы проявились в Великобритании и ЕС. Открылся новый кризис глобальной экономики, знаменующий смену больших хозяйственных волн. Мировая экономика не могла дальше развиваться по-старому.

На протяжении всего периода 1975–2008 годов корпорации и государства проводили политику сознательного удешевления рабочей силы. Компании выносили производство в «третий мир», ухудшая условия найма в «первом». Свыше 30 лет заработная плата не увеличивалась, а продолжительность рабочей недели росла.

После кризиса 2001 года государства усилили эмиссию. ЕС пустил в оборот купюры в 500 евро, Россия — 5000 рублей. Наиболее активной оказалась эмиссионная политика США. Во время последней понижительной волны в деловом мире господствовала доктрина дешёвой рабочей силы. Считалось, что конкурентоспособность предприятий и национальных экономик напрямую зависит от величины заработных плат и дешевизны национальных валют. Предполагалось, что чем эти показатели ниже, тем эффективней экономика. Однако в условиях глобальной девальвации валют падение цены на рабочую силу вступило в противоречие с её потребительской

функцией. Происходящее в мироэкономике удешевление рабочей силы, ставшее из-за кризиса неуправляемым, делает убыточным производство товаров в прежнем количестве и на прежнем техническом уровне. Для снятия этого противоречия требуется скачок в производительности труда, означающий техническую революцию в индустрии.

2.6. Логика системного кризиса

Разобрав происхождение и природу глобального кризиса, мы можем спрогнозировать его развитие. Можно также определить перемены, которые он должен совершить для вывода мироэкономике на новый этап развития.

Рассмотрим два сценария кризиса: мягкий (предполагающей сознательное перестроение мироэкономике) и спонтанный (основанный на стихийном развитии процесса).

Теоретически кризис смены волн может быть пройден по мягкому сценарию. Однако нет оснований полагать, что необходимые перемены смогут совершиться вследствие сознательного вмешательства глобальных политических институтов. Такое вмешательство потребовало бы сменить политику удешевления рабочей силы политикой повышения зарплаты и поднятия образовательного уровня работников (что неминуемо потребует сокращения рабочей недели). Политика ликвидации «социальных издержек» должна быть заменена расширением в обществе социальных гарантий, включающих бесплатные медицину и образование. Спонтанная инфляция при таком сценарии легко могла быть остановлена вследствие восстановления потребления. Реализация данной стратегии позволила бы избежать колоссального уничтожения кризисом накопленных богатств, но потребовала бы их перераспределения, а также осуществления на мировом уровне согласованных действий по преодолению кризиса, включая решительное вмешательство межгосударственных институтов в дела частных компаний. Она почти неизбежно должна сопровождаться сменой «управленческого персонала» в виде политических элит и радикальным изменением господствующей идеологии, что ни в одном обществе не может произойти без сопротивления.

В геоэкономическом плане потребовалось бы снять барьеры на перемещение рабочей силы, ликвидировав локальные рынки дешёвого труда и компенсировав дефицит специалистов в одних регионах за счёт избытка в других (Европа, Северная Америка, Япония).

Все названные меры могли бы способствовать плановому технологическому перевооружению промышленности и переходу к её интенсивному развитию.

Вследствие того, что данный сценарий целиком противоречит интересам корпораций и означает отказ от всей прежней неолиберальной политики, в настоящее время он является чисто теоретическим и не может рассматриваться всерьёз. Но это не означает, что под давлением снизу его элементы не могут быть частично реализованы. В конечном итоге, несмотря на консервативное сопротивление мировых элит, мировое хозяйство под воздействием внутренних противоречий будет развиваться именно в направлении очерченных выше преобразований.

Второй путь является стихийным и логично вытекает из непринятия означенных мер в ближайшее время. Согласно логике глобального кризиса (взятой вне расстановки сроков), инфляция продолжится и через некоторое время наложится на падение объёмов промышленного и сельскохозяйственного производства. Сбой в торговле приведёт к остановке значительной части мировой индустрии. Крупное биржевое падение вместе с обрушением национальных рынков недвижимости также способствует переходу инфляции в стагфляцию. Финансовая помощь государства не сможет поддерживать активность компаний продолжительное время и не восстановит потребительские рынки. Протекционистские меры сами по себе также не принесут желаемых результатов, поскольку международное разделение труда в современном мире очень велико. Материальные ресурсы правительств окажутся исчерпаны. Искусственное разделение мирового рынка труда на сегменты с разным уровнем оплаты и социальными отношениями потеряет своё прежнее значение, поскольку доходы граждан «первого мира» будут обрушены. Структура общественного потребления также изменится, что будет иметь далеко идущие последствия.

Экономическое падение перейдёт в продолжительную депрессию, в ходе которой и произойдут системные изменения мирового

хозяйства. Не допускаемые глобальными монополиями к реализации с 1960-х годов технологии начнут внедряться и позволят существенно удешевить продукцию. Обратной стороной удешевления товаров станет повышение спроса на высококвалифицированную рабочую силу. Обострится корпоративная конкуренция. Руководство компаниями станет более сложным и потребует от управленцев больших технических знаний. Произойдёт вторая «революция менеджмента», которая в значительной мере отменит привилегированные позиции элит, сформировавшихся в ходе первой. Участие в принятии управленческих решений высококвалифицированных специалистов на производстве также может стать вероятным уже в первом посткризисном цикле подъёма (5–8 лет: 2012–2019 годы). Развитие производства получит в экономике приоритет по сравнению с торговлей и финансовыми спекуляциями. После кризисного сокращения энергопотребления возобновится его рост. Однако значение углеводов, вероятно, существенно упадёт. Широкое внедрение биотоплива также, очевидно, не состоится. Экономике потребуется дешёвая энергия, производимая в больших, чем прежде, количествах. Под воздействием кризиса в этой сфере логично ожидать крупных прорывов.

Независимо от сценариев, кризис приведёт к возрождению протекционизма как в богатых странах Запада, так и в государствах периферии. Политика будет проводиться таким образом, чтобы по возможности не затрагивать продукцию своих корпораций, производимую в других странах. Новый протекционизм станет орудием глобальной корпоративной конкуренции. Транснациональные корпорации, контролирующие рынки производства и сбыта одних стран, будут защищать их от посягательств капитала других стран. То есть «национальный протекционизм» для многих государств периферии явится формой защиты интересов господствующего на рынке транснационального капитала. Вместе с тем взаимная зависимость экономик возрастет; в «старых индустриальных странах» начнётся реиндустриализация, направленная в большой мере на выпуск средств производства, предназначенных для промышленности периферии. Обострение корпоративной конкуренции обернётся ростом числа конфликтов в мире, поскольку взлом рынков потребует политического либо военного вмешательства.

По итогам кризиса мироэкономика станет ещё более монополизированной. Произойдёт много корпоративных поглощений. Большинство малых предприятий не сможет пережить смену конъюнктурных волн. В результате того, что принятие действенных мер по преодолению хозяйственного спада будет откладываться, уничтожение кризисом накопленных богатств окажется колоссальным. Исходя из реализуемых сегодня стратегий и опыта кризисов 1900 года (с депрессией до 1903 года), 1929–1933 годов и 1969–1982 годов (четыре кризиса), это можно сказать с большой уверенностью. В XIX веке смена хозяйственных волн также проходила болезненно: кризис 1847–1849 годов охватил всю Европу и во многих странах привёл к революции, а кризис 1873–1878 годов стал самым продолжительным в истории.

Лишь в период кризиса 1929–1933 годов, на последней его стадии, рядом правительств были приняты действенные антикризисные меры. Там, где вмешательство государства в дела частных компаний оказалось большим (США), экономика быстрее оправилась от разрушительных последствий хозяйственного обвала. Однако во время Великой депрессии власти США пошли на повышение роли государства в управлении экономикой лишь под давлением снизу и в последний момент кризиса. Практиковавшиеся до этого меры по восстановлению финансовой устойчивости компаний и простое предоставление им государственных заказов не дали ожидаемых результатов. Кризис 1948–1949 годов (также знаменовавший смену длинных волн) проходил в условиях гигантских военных разрушений и поэтому не нанёс мировому хозяйству настолько большого вреда.

Мировой кризис поставит вопрос социализации мигрантов и обострит проблему крайне нерационального использования трудовых ресурсов планеты. Общественное неравенство возрастет, но неравенство в доходах между рабочими старых и новых индустриальных регионов планеты сократится. Соответственно вырастет и уровень их взаимной солидарности. Потеря многих капиталов в результате глобального экономического спада приведёт к значительному удорожанию кредита, что также будет стимулировать быстрое техническое обновление промышленности. Получение высоких прибылей окажется напрямую зависимым от технологического опережения конкурентов.

Ещё до осени 2008 года логично ожидать в США переход кризиса от финансовой стадии, затрагивающей банковский и биржевой сегменты экономики, к торговой стадии. В июле-августе могут быть получены первые серьёзные подтверждения провала в США политики возврата 168 млрд долларов налогоплательщикам. Спрос не будет восстановлен, торговые сети и небольшие предприятия начнут признавать понесённые убытки. Распродажи, очевидно, будут продлены, а закупка новых товаров приостановлена. Одновременно в ЕС и других странах относительно высокого потребления проявятся аналогичные тенденции.

Вслед за информацией о сбое в американской сфере торговли кризис неминуемо начнёт поражать мировой индустриальный сектор. К концу года падение производства откроется не только в США, но и в ряде «новых индустриальных стран». Прежде всего заморозка заказов скажется на Китае и других «тихоокеанских тиграх». Экономики стран, входящих в Североамериканскую зону свободной торговли (НАФТА), тесно связанные с США, также могут пострадать уже в текущем году. Негативная информация о состоянии американского национального хозяйства приведёт к ряду новых обвалов на фондовых рынках планеты, чем завершится весенне-летний период биржевой стабилизации. Первый сигнал подготавливаемого окончания паузы дал 6 июня обвал на американском фондовом рынке, начавшийся после обнародования сведений об ухудшении положения национального хозяйства в мае. Индекс Dow Jones потерял 3,13 %. Фондовое падение в США немедленно отразилось на всех ведущих биржах планеты.

В результате цепи будущих биржевых обвалов капитализация многих компаний упадёт. Произойдёт новое ускорение инфляции. Возрастёт бегство капиталов в золото, стоимость ценного металла поднимется. До конца года также вероятно первое падение цены на нефть. При этом оно, возможно, окажется незначительным. Главный нефтяной обвал произойдёт, скорее всего, уже в 2009 году.

2009 год станет, вероятно, периодом общемирового вступления в кризис. На 2009–2010 годы придётся период наибольшего экономического падения (стагфляции). Несмотря на единство мировых хозяйственных процессов, остановка промышленности будет происходить на планете не одновременно и неравномерно. Запоздалый и хаотичный возврат правительствами к традиционной кейнсианской

политике не позволит остановить негативные процессы в экономике. Если системные меры по разрешению противоречий, вызвавших кризис, не будут приняты в ходе 2009–2010 годов, после завершения падения начнётся депрессия, способная продлиться до 2013 года. В результате предельного спада в мировой экономике можно ожидать общемировое сокращение числа производимых промышленных товаров и сельскохозяйственной продукции на 25–45 % и более.

Как показал опыт прежних структурных кризисов, подобное развитие событий неминуемо обернётся политической нестабильностью как в межгосударственных отношениях, так и внутри отдельных государств. В таких условиях возможны резкое изменение сложившихся политических институтов, выход на передний план новых сил и лидеров, ещё недавно казавшихся второстепенными и маргинальными. Для левых сил подобный поворот истории создаёт целый ряд благоприятных возможностей, но точно так же кризисные явления могут быть использованы в своих интересах крайне правыми организациями и политиками.

3. Влияние кризиса на Россию

Невзирая на начинающийся мировой хозяйственный кризис, экономический рост в России продолжается. Отечественный рынок по-прежнему остаётся привлекательным для иностранных инвестиций. В первом квартале 2008 года прямые капиталовложения в экономику РФ составили 5,585 млрд долларов, что остаётся на 42,8 % ниже, чем в 2007 году. Объём портфельных капиталовложений уменьшился на 37,5 % и составляет 123 млн долларов. В начале второго квартала ситуация улучшилась. В мае чистый приток капиталов оценивался в 15 млрд долларов. По итогам года он рассчитывается свыше 40 млрд долларов, что сопоставимо с результатами 2006 года, когда инвестиции составили 41 млрд долларов.

В минувшем году общий приток средств в экономику России по сравнению с другими странами BRIC^[3] (Бразилия, Россия, Индия и Китай) был самым значительным. В текущем году РФ также остаётся лидером, опережая Бразилию и следующую за ней Индию. Интерес

инвесторов к странам BRIC, прежде всего, объясняется исчерпанностью остальных рынков планеты.

Накопленный иностранный капитал в экономике страны по состоянию на конец марта 2008 года составил 221,0 млрд долларов, что на 45,9 % больше, чем в 2007 году в этот же период года. Наиболее велика в накопленном экономикой иностранном капитале доля кредитов международных финансовых организаций. Она составляет 48,8 % и относится, прежде всего, к долгам российских крупных компаний. Повышенный интерес для зарубежных инвесторов после начала кризиса в американской экономике представляет фондовый рынок России. В последние месяцы на нём отмечен рекордный приток капиталов. В 2007 году российские компании (в значительной мере за счёт IPO) привлекли 47,3 млрд долларов инвестиций на внешних рынках акций и облигаций.

Доля России в мировом ВВП в 2007 году достигла 3,18 %. В 2005 году она составляла 3,09 %, ненамного опережая Италию (2,96 %) и Бразилию (2,88 %). По номинальному объёму ВВП национальное хозяйство РФ является десятым в мире. К концу 2008 года ожидается переход страны на восьмое место. Рост ВВП России с 1999 по 2007 год составил 83 %. Объём промышленного производства увеличился на 74 %, продуктов сельского хозяйства — на 40 %. Среди отраслей российской промышленности наиболее сильны добыча топливно-энергетических полезных ископаемых, целлюлозно-бумажное производство, металлургия и электроэнергетика. В 2007 году в России добыто 491,5 млн тонн нефти и газового конденсата. Годовой рост добычи составил 2,2 %. В 2006 году он также был равен 2,2 %. в 2005 году — достигал 7,9 %. Внешнеторговый оборот России вырос в 2007 году на 25,8 % (до 552,2 млрд долларов). Положительное сальдо достигло 152,8 млрд долларов. Доля сырой нефти и природного газа в экспорте страны, по данным на 2006 год, составила 46,2 %, ещё 6,7 % пришлось на дизельное топливо, 4,5 % — на мазут, на иные нефтепродукты (включая автомобильный бензин) — 3,4 %. Доля металлов и другого сырья для зарубежной промышленности составила ещё около 20 %. В импорте страны первое место занимают машины и оборудование — 35,7 %, на продукцию автомобилестроения приходится ещё более 10 %.

Российская экономика сохраняет хороший уровень роста. Динамика ВВП аналогична наблюдавшейся в минувшем году. В 2007 году ВВП России вырос на 8,1 %, достигнув 1280 млрд долларов. Инвестиции увеличились на 20 %. Объём промышленного производства повысился на 6,3 %. Результаты 2008 года по планам правительства должны оказаться выше прошлогодних. МВФ считает, что в 2008 году прирост ВВП России составит около 7,8 %. Отмечается высокая инвестиционная активность государства. Однако состояние хозяйственного бума в России вызвано не только высокими ценами на энергоносители, но также исчерпанностью возможностей других рынков. Рассчитывая на стабильное развитие в ближайшие годы, отечественные корпорации увеличивают свою задолженность иностранным банкам. В свою очередь, иностранные банки охотно кредитуют российских корпоративных клиентов, даже не имея чёткого представления об эффективности их бизнеса. В качестве гарантии выступает не столько достоверная информация о перспективах конкретной российской компании, сколько общая позитивная оценка перспектив российского рынка. Но на внешне позитивном фоне в 2008 году для России проявились и негативные тенденции.

За 2007 год инфляция, по официальным данным, составила 11,9 %. При этом цены на товары народного потребления (прежде всего продукты питания) поднялись на 25–50 %. Однако в 2008 году рост инфляции оказался ещё более значительным, превысив прошлогодний по темпам в 1,7 раза. Предпринятые правительством меры по заморозке цен не принесли существенных результатов. Сдержать растущую инфляцию в национальных рамках не удалось. Государственные аналитики оказались бессильны объяснить причину девальвации мировых валют. Приказ нового президента РФ остановить инфляцию остаётся невыполненным. В результате к лету замедлился рост потребительской торговли, темпы увеличения зарплат оказались ниже темпов инфляции.

Согласно неолиберальной концепции экономики, эти признаки не считаются основанием для серьёзного беспокойства. На протяжении всего периода хозяйственного роста удешевление рабочей силы рассматривалось правительством как конкурентное преимущество страны. В РФ практиковался выброс на рынок новых бумажных денег (прежде всего купюр в 1000 и 5000 рублей), увеличивавших денежную

массу быстрее, чем росло производство. Новые деньги поступали в экономику не через существенное увеличение зарплат и пенсий, способствуя повышению спроса, стимулирующего увеличение производства, а посредством приобретения инфляционных долларов у сырьевых корпораций. В результате управляемая инфляция помогала сдерживать рост доходов населения. Эмиссионная политика ЕС и США была аналогичной. В условиях мирового хозяйственного подъёма она поднимала рентабельность крупных компаний. Однако если в РФ с помощью эмиссии сдерживался рост зарплат населения, то в «старых индустриальных странах» рост цен облегчал корпорациям снижение оплаты труда. Реализация этой политики, наряду с выносом производства на периферию мироэкономики привела в 2008 году к началу системного кризиса мирового хозяйства.

Продолжая действовать по прежней схеме, правительство РФ игнорирует тенденции глобального кризиса. В условиях падения потребления в США, Великобритании и ЕС главной причиной инвестиционной привлекательности России (как и в других стран BRIC) являлся обширный внутренний рынок. Его сужение способно обернуться серьёзными проблемами для России ещё до того, как произойдёт ощутимое снижение цен на нефть. Ещё до конца 2008 года в РФ можно ожидать первое падение на рынке жилой недвижимости, вызванное национальным кризисом ипотеки.

Вследствие динамичного роста цен реальные доходы российского «среднего класса» начали сокращаться, затрудняя оплату ипотечных кредитов. Чтобы обезопасить себя от рисков, банки усложнили выдачу займов и начали ужесточать политику в отношении должников, не способных своевременно выполнять финансовые обязательства. Возросла ставка процента. Приостановившийся на непродолжительное время из-за паники на мировом рынке процесс выдачи ипотечных и потребительских кредитов быстро возобновился.

Тесно связанная с мировым хозяйством как поставщик сырья, Россия оставалась с 1990-х годов достаточно закрытой для транснациональных корпораций. Благодаря этому в ней смогли сформироваться собственные сильные корпорации, чего не произошло в Казахстане и большинстве стран Восточной Европы. Мощное хозяйственное оживление 2000–2007 годов происходило для РФ в условиях ограниченного доступа иностранного капитала. Право

работать на внутреннем рынке предоставлялось Кремлём нередко только в обмен на открытие российскому капиталу доступа на рынки других стран. Крупные российские компании свободно кредитовались на мировом рынке, в то время как внутренний рынок страны был закрыт для дешёвых кредитов. Принадлежащие отечественным корпорациям банки осуществляли спекулятивную политику, кредитуя малый бизнес и население под ростовщический процент (превышающий 7 %). В результате развитие внутреннего рынка и ориентированных на него компаний сдерживалось, а российские транснациональные корпорации обеспечивали себе дополнительную прибыль. В настоящих макроэкономических условиях продолжение этой политики приближает вовлечение российской экономики в глобальный кризис. Несмотря на активный рост последних лет, отечественный внутренний рынок остаётся крайне зависимым от мировых цен на сырьё. Любое их отрицательное колебание моментально отражается на его состоянии. В рамках экономики РФ в большей мере, чем сырьевые корпорации, уязвим ипотечный рынок.

В настоящее время цены на недвижимость в России значительно превышают общеевропейские, с учётом того, что качество большей части квартир остаётся на низком уровне. Подобная ситуация существует благодаря предельной монополизации жилищного рынка, особенно ощутимой в Москве. Спекулятивные цены на недвижимость сохраняются при поддержке государственной бюрократии, защищающей связанные с ней крупные компании. Наряду с высокой стоимостью домов и квартир в России существует предельно завышенный годовой процент. Получая займы под 3–5 %, отечественные банки кредитуют население поратно увеличенной ставке (до 25 %) и часто штрафуют за преждевременное погашение долга.

Месячный доход семей российского «среднего класса» редко превышает 2500 евро. В структуре российского общества доля людей, зарабатывающих 300–800 евро, не превышает 17 %; доля работников, ежемесячно получающих 800–1500 евро, колеблется в районе 7 %. Выплачивая огромные проценты за переоценённое жильё, должники всё время находятся на грани семейного банкротства. Материальные возможности большинства уже подорваны инфляцией. Дальнейшая девальвация рубля наряду с другими валютами лишит их возможности

регулярно осуществлять платежи. Как только в США кризис проявится в торговле, произойдет новое усиление мировой инфляции, что способствует открытию российского ипотечного кризиса.

Изъятие банками жилья неплательщиков не позволит вернуть средства, затраченные на его покупку, поскольку спрос на недвижимость упадет. Такие меры, если они вообще будут в массовом порядке применены, приведут к резкому снижению цен на жилищном рынке. Сдержать этот процесс не поможет даже полное господство монополий в строительной отрасли. Чтобы избежать обвала на рынке недвижимости в результате массовых затруднений с оплатой кредитов, в России предполагается введение процедуры индивидуального банкротства. Инициировать его смогут как сами должники, так и кредиторы. Однако введение такого закона не позволит избежать обвала на жилищном рынке, а лишь гарантирует банкам возврат долга. В результате в самый сложный период глобального кризиса средние слои окажутся вынужденными выплачивать большую задолженность банкам, в то время как жильё будет обесценено из-за неминуемого падения спроса.

К зиме 2008 года объём ипотечных сделок в РФ может превысить 30 млрд долларов. По данным ЦБ, рублёвая задолженность физических лиц перед банками на 1 апреля 2008 года составила 2799 млрд рублей. За полгода (с 1 октября 2007 года) оно возросла на 523 млрд рублей. Объём задолженности физических лиц по валютным кредитам составляет сегодня 390 млрд рублей (свыше 10 млрд евро). За последние полгода эта сумма увеличилась на 8 млрд рублей. По сравнению с предыдущим периодом (апрель-октябрь 2007 года) темпы прироста задолженности физических лиц сократились на 16 %. При этом за минувшее полугодие (октябрь 2007 года — апрель 2008 года) объём ипотечных кредитов увеличился на 221 млрд рублей. С апреля по октябрь 2007 года он возрос на 200 млрд рублей.

В банковском секторе отечественной экономики мировой хозяйственный кризис уже дал о себе знать. После цикла первых биржевых обвалов в январе-феврале 2008 года российские банки начали всерьёз ощущать недостаток платёжных средств. Избыток свободных средств в мировой экономике сменился их острой нехваткой. Возможности внешнего кредитного поддержания российских компаний существенно сократились, открыв наличие

внутренних экономических проблем. Дефицит платёжных средств у банков оказался возможен благодаря увеличению трудностей с оплатой кредитов у должников, прежде всего относящихся к «среднему классу». Рост цен в 2005–2007 годах сочетался с расширением круга граждан, получающих зарплату от 300 до 800 евро, но практически не компенсировался ростом реальной оплаты труда. В результате расширение средних слоёв почти не сопровождалось ростом их благосостояния. Практически двукратное ускорение инфляции в 2008 году усилило негативную динамику, породив сбои в функционировании финансовых институтов.

В ходе зимнего кризиса ликвидности банки обнаружили, что средства быстро уходили, но медленно возвращались. Система начала терять эффективность. Большая доля кредитов приобрела черты невозвратных. При этом отечественные финансовые институты сами оставались должниками на мировом рынке. Вследствие паники из российских банков произошёл отток иностранных капиталов, открывший недостаток собственных платёжных средств. Для преодоления кризиса ликвидности правительство пошло на размещение в банках средств Пенсионного фонда. Выдача ипотечных и потребительских кредитов возобновилась, хотя условия их предоставления стали жёстче. Масса получаемой банками прибыли вновь начала расти. Однако меры правительства никак не затронули заданную мировым кризисом логику падения реальных доходов населения, что в перспективе гарантировало крах кредитного рынка.

Ощутимое сокращение выплат по долгам может моментально вызвать в банковском секторе очередную нехватку платёжных средств, породив серьёзные затруднения в выплате пенсий. Привести к новому дефициту ликвидности в российских банках способно открытие торгового кризиса в США (вероятное уже осенью), знаменующего переход глобального кризиса на новую стадию. В результате последующего инфляционного скачка покупательная способность россиян понизится ещё больше, что способно уже зимой 2008–2009 годов вызвать национальный кризис продаж.

Если эти события наложатся на обвал мировых цен на энергоносители, в РФ начнётся общее экономическое падение. Если обрушение нефтяных цен произойдёт позднее, когда мировая индустрия в большой мере ощутит на себе удар кризиса, национальное

хозяйство России продолжит медленное вхождение в кризис. Падение продаж приведёт к сокращению внутреннего производства; в ряде отраслей, не связанных с экспортным сектором, начнутся увольнения. Рост безработицы вместе с общемировым ускорением инфляции ещё более подорвёт спрос. Уже сейчас этот процесс сдерживается за счёт повышения инвестиционной активности государства. Согласно правительственным планам, до 2020 года предполагается вложить в инфраструктурные проекты по строительству дорог, портов, аэропортов порядка 1 трлн долларов. Однако в условиях осложнения внутриэкономической ситуации, а также падения мировых цен на нефть, государство не будет располагать достаточными финансовыми ресурсами. Расходы правительства резко возрастут, в то время как поступления сократятся. Время, уходящее на реализацию проектов, удлинится, отдача от них будет значительно меньшей или отодвинутой на неопределённый срок. Некоторые проекты и вовсе окажутся замороженными или превратятся в долгострой.

На фоне превышающих 500 млрд долларов золотовалютных резервов внешний долг РФ на 1 октября 2007 года составил всего 47,1 млрд долларов. Однако внешний долг частного сектора по сравнению с 2006 годов увеличился на 55 %, достигнув, по официальным оценкам, 272,6 млрд долларов. Доля российских банков (без долговых обязательств перед прямыми инвесторами) в нём составила 96,9 млрд долларов. С 2006 по 2007 год она поднялась на 63 %. Главными международными должниками в РФ являются отечественные корпорации. Несмотря на беспрецедентный рост цен на энергоносители в последние годы, общая задолженность ведущих отечественных экспортёров очень велика. Вероятно, она значительно превышает официальные данные. Лишь одна из ведущих национальных компаний — «Роснефть» — имеет долгов на 100 млрд долларов. Корпорация уже выставила в этом году счета правительству РФ с призывом о помощи. Не только покрыть, но и просто погасить самые срочные займы она не в состоянии.

Несмотря на высокую рентабельность сырьевых отраслей, отечественные корпорации крайне неэффективно строят свой бизнес. Правительство и сырьевые монополии совершенно не подготовлены к резкому снижению мировых цен на энергоносители, что рассматривается как нереалистичный сценарий до начала следующего

десятилетия. Россия занимает второе место в мире по объёмам экспортируемой нефти. Нефть составляет 30 % ВВП, а государственный бюджет на 2/3 формируется доходами от её продажи. Однако расчёты правительства на сохранение высоких цен на нефть прямо противоречат тенденциям в мировой экономике. Насколько бы сильно ни поднялась стоимость нефти (составляющая сейчас около 135 долларов за баррель), в результате глобального сокращения производства она гарантированно упадёт.

В результате обвала цен на энергоносители экономика России в полной мере ощутит на себе влияние мирового кризиса. Произойдёт обвал на фондовом рынке, который при сохранении дорогой нефти может ещё некоторое время притягивать капиталы (вероятно, по 2009 год). Корпорации не смогут самостоятельно платить по долгам, набранным в расчёте на устойчивость мировых цен на топливо. Государство примет на себя финансовую поддержку крупнейших российских компаний, предоставляя им субсидии и низкопроцентные займы. Вероятно, оно также возьмёт на себя оплату неотложных долгов корпораций. При этом поступления в бюджет резко сократятся. Из страны произойдёт бегство капиталов. Корпорации будут вынуждены сокращать персонал и отменять заказы партнёрским компаниям на внутреннем рынке. Начнутся массовые увольнения, вырастет безработица. Вместе с инфляцией это окончательно подорвёт платёжеспособность средних слоёв: резко упадут продажи на внутреннем рынке, откроется ипотечный кризис, начнут закрываться предприятия в сфере услуг. Ориентированная на внутренний рынок промышленность должна будет снизить объёмы производства. Экономический кризис в России придёт в соответствие с общемировым вектором спада и в силу глобальных хозяйственных противоречий, вероятно, окажется очень тяжёлым.

Экономика России носит периферийный характер и обслуживает тенденции развития мироэкономики, задаваемые американскими и европейскими корпорациями. Падение значения нефти для глобального хозяйства приведёт к ослаблению политического влияния страны и мощи сырьевых корпораций. Кризис обострит все общественные противоречия и потребует от России отраслевой переориентации, что, вероятно, обернётся серьёзными общественно-экономическими потрясениями. Сырьевые монополии могут потерять

власть или будут вынуждены частично её уступить. Страна выйдет из кризиса совершенно другой. Ценность её нефтяных ресурсов для мироэкономики упадёт. Однако в условиях повышательной волны качественные трудовые и интеллектуальные ресурсы России неминуемо будут востребованы.

Теоретически Россия ещё имеет шанс избежать разрушительных последствий кризиса, удар которого по странам — экспортёрам сырья окажется особенно сильным. Для этого необходимо понизить уязвимость национального хозяйства, переориентировав его на опережающее технологическое развитие. Однако не вызывает сомнения, что правительство, располагая всеми необходимыми ресурсами, не пойдёт на это. Структурное переориентирование экономики не выгодно «Газпрому» и другим сырьевым компаниям, а потому не реализовывалось прошедшие десять лет и не предполагается к осуществлению. Все положительные перемены в национальном хозяйстве могут быть осуществлены только стихийно в процессе полномасштабного поражения России кризисом.

9 июня 2008 г.

Экспертная группа ИГСО:

Василий Колташов (руководитель)

Борис Кагарлицкий

Юрий Романенко

Игорь Герасимов

Семинар в Вологде: левые на перепутье

Кто и о чём говорил в Вологде

Конференция, состоявшаяся 15–16 декабря 2008 года в Вологде, явилась результатом сотрудничества Института глобализации и социальных движений (ИГСО) слевой партией Швеции.

С российской стороны были представлены активисты и организации из Москвы, Вологды, Петербурга, Липецка, Екатеринбурга, Кирова, Пензы, Ярославля, Твери, Саратова, Казани, Петрозаводска, Новосибирска, Великого Новгорода. Наряду с информационно-координационным центром, сложившимся вокруг журнала «Левая политика», конференцию готовили группа «Вперёд» и Российский социал-демократический союз молодёжи (РСДСМ).

Сотрудничество шведскойлевой партии с российскими единомышленниками имеет свою историю, которая началась гораздо раньше, чем сотрудничество с ИГСО или журналом «Левая политика». Ещё в конце 1990-х молодые активисты шведскойлевой партии (Vansterpartiet) предприняли попытки установления политических связей в Восточной Европе, где после шока капиталистической реставрации начинало возникать новое левое движение. Это время, впрочем, было непростым и для самих шведов: партия переживала острый кризис идентичности, её бросало от успехов к провалам, от политики, сводившейся к участию в выборах, к внепарламентской борьбе.

Историческое название партии говорит само за себя: Левая партия — коммунисты Швеции. На протяжении длительного времени она была обречена существовать в тени мощной социал-демократии, хотя порой играла важную роль в политике: 4–5 %, которые получала ЛПК, были необходимы, чтобы гарантировать сохранение у власти социал-демократического правительства. Самих коммунистов в правительство (в отличие от соседней Финляндии) не приглашали. Поговаривали, что и неизменные 4 % давались партии с трудом, благодаря солидарности тех же социал-демократов. В шведской избирательной системе каждый гражданин имеет два голоса (один — для избрания депутата от территории, другой — для голосования по партийным спискам). Часть

рабочих — сторонников социал-демократов, отдавая голос представителю своей партии по территориальному округу, голосовала за список коммунистов. Партийное руководство смотрело на это доброжелательно и даже поощряло подобное поведение — лишь бы поменьше мест досталось буржуазным политикам.

После вторжения советских войск в Чехословакию в 1968 году руководство ЛПК резко осудило Москву, примкнув вместе с товарищами из Италии, Франции, Испании и Англии к еврокоммунистическому течению. Организация была переименована, став просто Левой партией (ЛП), без добавки «коммунисты». В свою очередь, сторонники Москвы — не без поощрения «Большого Брата» — в 1977 году раскололи партию. Из ЛП выделились организации, базировавшиеся на севере страны, которые издавали газету *Norrskensflamman* («Северное пламя»). Они основали Рабочую партию — коммунисты Швеции (РПК). Долгой жизни этой организации не было суждено, в настоящий момент от неё осталась только газета, редакция переехала в Стокгольм и теперь газета выходит под названием *Flamman* («Пламя»), Сейчас издание фактически является органом Левой партии.

Впрочем, раскол 1977 года имел для левых определённые социальные последствия. На протяжении большей части послевоенной истории Швеции именно социал-демократы пользовались поддержкой рабочих, тогда как коммунисты опирались в основном на интеллигенцию. Однако в конце 1960-х массовые студенческие выступления никак не были связаны с деятельностью ЛПК, а в раскол 70-х ушли как раз немногие организации, состоявшие из рабочих. Позднее, когда провал проекта РПК стал очевиден, остатки её структур вернулись в Левую партию, но присутствие левых в рабочей среде свелось к минимуму. К середине 1980-х социальная база партии, как и её идеология, отличалась крайней рыхлостью. Левые пытались оседлать поднявшуюся экологическую волну, и до известной степени им это удалось. В Швеции долгое время не было сильной «зелёной» партии, поскольку эту нишу занимали левые. Тем не менее, кризис Левой партии продолжал усиливаться, несмотря даже на единичные электоральные успехи. Пиком кризиса стал 1991 год, когда предвыборная кампания в Швеции совпала с августовским путчем в Москве. Левые, намеревавшиеся улучшить свои позиции, с трудом

прошли в парламент. Руководство партии взяло резкий курс вправо, стараясь всячески отмежеваться от коммунистического прошлого.

Электоральные результаты ЛП к концу 1990-х годов заметно улучшились — не столько за счёт достижений партии, сколько за счёт того, что социал-демократы тоже уходили всё дальше вправо, оставляя разочарованных и растерянных избирателей Левой партии. В 1998 году левые добились самого высокого результата за всё время своего участия в выборах — 12 %. Но это не только не помогло преодолеть внутренний кризис, но, напротив, обострило его.

Именно в этот период в молодёжной организации левых сложилась группа лидеров и активистов, поставивших перед собой цель обновления партии. «Молодые левые» (Ung Vanster) характеризовали себя как «революционную организацию, связанную с реформистской партией». Они активно включились в антиглобалистское движение, одновременно объявив о том, что (в отличие от официальных лидеров) не видят причин стесняться коммунистического и марксистского прошлого партии. Молодёжное крыло выдвинуло целую группу новых лидеров и активистов, таких как Арон Этцлер, который впоследствии возглавил газету *Flamman*, Али Эсбати, ставший ведущим идеологом партии, Хеннинг Зюсснер, ответственный за международную работу (он, в частности, представлял «Молодых левых» в Вологде). Начинается и активный поиск единомышленников. Легче всего было найти их в соседней Норвегии, где среди молодёжи Социалистической левой партии происходили схожие процессы. В России завязались контакты с коллективом Института проблем глобализации, позднее преобразовавшимся в ИГСО.

В 2004 году лидерство в партии захватило левое молодёжное крыло, что вызвало скандальные уходы многих прежних лидеров и аппаратчиков, депутатов парламента, включая бывшего лидера ЛП Гудрун Шиман. Как грустно пошутил один из партийных идеологов Стефан Съёберг, «мы вносим в квартиру мебель, а они поджигают дом». Однако на выборах 2006 года ЛП, несмотря на кампанию, развёрнутую против неё буржуазной прессой и бывшими товарищами, набрала около 6 % голосов и сохранила свои позиции в парламенте. Преодолев кризис, шведские левые начали увеличивать своё политическое влияние.

Первый совместный семинар «Левой политики» и ЛП прошёл в Кирове в январе 2007 года. Второй семинар, назначенный в Вологде на декабрь, планировался как международный с участием представителей Белоруссии и Украины. Однако из Белоруссии никто не прибыл, а с Украины приехал лишь Захар Попович, выступавший от имени Организации Марксистов (ОМ).

Опыт украинской ОМ обсуждался на конференции очень подробно. Ведь она может рассматриваться как единственный пока пример новой левой структуры на территории бывшего Советского Союза, которой удалось занять устойчивое место в политической жизни общества. Разумеется, ОМ не смогла стать значительной политической силой на Украине, да этого и нельзя ожидать в условиях почти полного отсутствия ресурсов и ограниченного доступа к масс-медиа. Однако Организация оказалась единственным политическим проектом, построенным снизу без участия старой номенклатуры и олигархии. Несмотря на широкий идейный плюрализм и серьёзные разногласия по многим вопросам, особенно теоретическим, ОМ сохранила единство. Показательно, что Левый Фронт, который пытались построить в России в тех же 2005–2006 годах почти одновременно с украинскими товарищами, распался, не просуществовав и года.

С другой стороны, как отмечали многие участники вологодской дискуссии, Организация Марксистов Украины вряд ли может быть образцом для российских левых. Она возникла в специфической обстановке сразу после «оранжевой революции», когда левым было принципиально важно заявить об отказе от участия в политических играх на стороне одной из двух буржуазно-олигархических группировок («голубых» или «оранжевых»), Одним из важных в стратегии развития ОМ был расчёт на продолжающийся кризис официальных «коммунистической» и «социалистической» партий, метавшихся между буржуазными блоками. Если для СПУ эти метания оказались фатальными, то КПУ смогла в итоге занять собственную позицию, удержав избирателя. Как заметил член редакционного совета «Левой политики» Алексей Козлов, «на данный момент среди украинских партий КПУ смотрится наиболее достойно».

В подобной ситуации перспективы быстрого роста ОМ исключительно за счёт заполнения политического вакуума выглядят

сомнительными. Встаёт вопрос о собственной наступательной политической линии. Этот вопрос в разных формах несколько раз звучал в зале, но не получил однозначного ответа.

По мнению большинства участников дискуссии, нет оснований надеяться, будто становление новой левой партии в России станет возможно по мере распада КПРФ. Разрушение старой оппозиции, если оно не будет связано с формированием новой (и вызвано этим), скорее деморализует активистов левых организаций, чем даёт им реальные политические ориентиры. Упадок КПРФ является реальным фактом, но он может продолжаться долго, причём здесь имеет место скорее обратная зависимость. Именно потому, что левой оппозиции в стране нет, партия Зюганова может сохранять своё положение, несмотря на постоянные провалы, поражения и предательства.

Перспектива создания объединённой организации левых в России, активно обсуждавшаяся в Вологде, зависит от нашей способности выстроить единую политическую линию, причём выстроить её наступательно, опираясь на новые социальные движения и в первую очередь на поднимающееся новое рабочее движение. Именно поэтому дискуссия о взаимоотношении левых с рабочим движением оказалась центральной темой вологодской конференции.

Обсуждение перспектив новых профсоюзов началось с доклада Владислава Курочкина, посвящённого положению современного рабочего класса в России (доклад опубликован в «Левой политике» № 3), и было продолжено выступлениями Ильи Будрайтскиса, Святослава Ячменёва, Николая Блохина и Бориса Кагарлицкого. Несмотря на рост числа рабочих выступлений и подъём забастовочного движения, следует признать, что речь пока идёт об очень незначительной части наёмных работников. Другое дело, что именно эта небольшая часть трудящихся может оказать решающее влияние на обстановку в стране, как заметил в ходе обсуждения Сергей Смирнов. По его мнению, однако, именно сохраняющиеся сектантские настроения среди левых препятствуют расширению их влияния среди рабочих активистов и общества в целом.

От лица профсоюзов в конференции участвовали Татьяна Юдина (ВКТ) и Юрий Виньков («Защита труда»). Представители рабочего движения подчёркивали, что несмотря на существенные успехи последних двух лет свободные профсоюзы всё ещё слабы и

сталкиваются с усиливающимся давлением властей. Характеризуя свой опыт в качестве лидера рабочего движения, Виньков подчёркивал, что активное идеологическое присутствие левых необходимо самим рабочим организациям, однако из этого не следует, будто левые должны пытаться руководить ими. Имеющийся опыт подобных попыток связан в основном с Российской коммунистической рабочей партией (РКРП), которая сейчас находится в глубоком кризисе. В свою очередь, рабочие активисты в условиях давления готовы принять помощь с любой стороны, не слишком задумываясь, кто и почему предлагает им поддержку. На одном собрании Виньков видел рабочего лидера, который вытащил из кармана сразу три удостоверения помощника депутатов — от РКРП, от КПРФ и даже от ЛДПР. К счастью, КПРФ при всех своих ресурсах не умеет работать с профсоюзами и стачками. Этим надо пользоваться.

Когда рабочее движение становится сильнее, оно становится более разборчивым. Так было на определённом этапе в Казахстане, где Виньков работал в 1990-е годы. Проблема в том, что сейчас на левом фланге нет такой партии, которая могла бы в полной мере выразить все интересы рабочего класса. И её не будет в будущем. В этом нет ничего катастрофического. Именно потому, что партия никогда не будет тождественна рабочему классу или даже рабочему движению, необходимо охранять независимость массовых рабочих организаций. И подобное противоречие может стимулировать наше движение вперёд.

В последнее время усилились левые группы, которые оказывают рабочему движению активную и действенную помощь. Очень часто профсоюзы и рабочие инициативы неудачны. В такой ситуации левым очень важно ни в коем случае не бросать коллектив, который потерпел поражение. Нужно помнить, что борьба ведётся не только во время забастовки на рабочих местах и на улицах, у проходных предприятий, но и в судах. Надо учиться выигрывать суды, а для этого требуется долгая и кропотливая работа.

Среди левых сегодня мало людей с рабочими специальностями, которые сами могут идти на предприятие и помогать созданию профсоюзов, а именно формирование профсоюзов является наиболее важной и эффективной формой сопротивления капитализму в России. С другой стороны, главная проблема левых сейчас не в попытках

указывать дорогу профсоюзам (для этого левые группы и течения сами слишком слабы), а в том, что активисты марксистских организаций, несмотря на свою идеологическую риторику, редко в состоянии оказать рабочему движению значимую и весомую поддержку.

По мнению Кагарлицкого, было бы глубоко неверным полагать, будто рабочее движение само по себе «вытянет» левых. Больше того, выступая просто в качестве добровольных помощников стихийно развивающегося рабочего протеста, левые не могут принести ему существенной пользы. Их ценность для профсоюзов прямо пропорциональна силе и авторитету левых, их способности привлечь на сторону рабочих более широкие слои общества и повлиять на ситуацию серьёзными, мощными акциями солидарности. Иными словами, ориентация на тесную связь с рабочим движением не отменяет задачи самостоятельного организационного строительства, а напротив, делает эту задачу более актуальной.

Другое направление дискуссии, предложенное шведской стороной, касалось проблем феминизма и его восприятия в России. Показательно, что среди активистов, выступавших на конференции, явно преобладали мужчины, а сама тема феминизма встречена была с некоторой иронией. Однако настроение несколько изменилось, когда Дженни Элизабет Граннас Нистрем провела для участниц конференции отдельный феминистский мастер-класс, в ходе которого выявилось, что проблемы, поднимаемые западным женским движением, отнюдь не чужды и нашим соотечественницам. С российской стороны доклад по теме женского движения сделала Анна Очкина.

В целом, однако, вологодская конференция показала, что в среде российских левых ещё достаточно сильны патриархальные предрассудки, которые в значительной мере поддерживаются общей атмосферой культурной реакции, затрагивающей не только политическую, но и бытовую сферу. Вопросы, связанные с женским движением, обязательно будут ставиться на следующих дискуссиях, организуемых «Левой политикой».

В ходе конференции обсуждался вопрос об участии российских активистов в Европейском Социальном Форуме. На фоне кризиса, переживаемого движением, Форум в Мальмё в сентябре 2008 года может стать переломным. В настоящий момент движение социальных

форумов топчется на месте. Как отметил Хеннинг Зюсснер, с идеологическими и стратегическими проблемами сталкиваются и левые партии Запада. В такой ситуации очень важно не просто расширить географию участия в ЕСФ и увеличить численность его участников, но нужно и сместить дискуссии к вопросам левой стратегии и организации. Возникает необходимость политизации форумов, которые сегодня формально отвергают участие партий (хотя на практике такое участие не просто имеет место, но в значительной мере и определяет их развитие). Форум в Мальмё может и должен стать местом встречи именно политических активистов для того, чтобы вести серьёзную дискуссию о будущем движения.

Участники встречи в Вологде уделили большое внимание и обсуждению вопроса создания информационной сети российских левых. Большая часть сайтов и изданий на левом фланге делается крайне плохо, на низком профессиональном уровне. Тяжёлым ударом был упадок проекта «Глобальная альтернатива», который был в сотне лидеров российского политического интернета, но после ряда хакерских атак опустился до уровня маргинального сайта^[4]. По словам Игоря Герасимова, для восстановления сайта «Глобальной альтернативы» принимаются меры, но необходимо вывести работу в интернете на качественно новый уровень, обеспечив взаимодействие и техническую интеграцию всех имеющихся ресурсов. Между тем ряд организаций уже занимается разработкой технических условий для интегрированной левой сети. В частности, этим активно заняты программисты, состоящие в революционном комсомоле (РКСМБ), а также интернет-группа ИГСО и товарищи с украинских сайтов. Наиболее известным украинским сайтом является «Коммунист. Ру», который по посещаемости является лидером левых в русскоязычном интернете. В этом плане сотрудничество между российскими и украинскими активистами уже идёт в полную силу.

Конференция в Вологде показала, что вопросов, увы, гораздо больше, чем ответов. На протяжении дискуссии разговор о необходимости создания общероссийской левой организации заходил неоднократно, однако, по общему мнению, преждевременные, непродуманные шаги могут скорее замедлить движение к этой цели, чем ускорить его. Тем более, остаётся открытым вопрос, какой будет эта организация: идёт ли речь об идеологическом формировании по

типу украинской Организации Марксистов, о новом варианте Рабочей партии или Партии трудящихся либо нам предстоит создание широкого объединения, совмещающего все эти тенденции? В подобном случае идеологическая составляющая политического проекта оказывается в значительной мере сжатой, а само объединение предстаёт скорее в форме коалиции.

Учитывая организационную слабость левого движения, принципиально важно развивать те совместные проекты, которые уже сейчас являются практически возможными и необходимыми. Интеграция интернет-проектов и создание единой информационной системы, совместная помощь в развитии свободных профсоюзов и налаживание международной работы — всё это требует совместных усилий и, до известной степени, создания единого центра, обеспечивающего координацию. Проведение конференций, подобных вологодской, свидетельствует о том, что сложилась общая политическая среда. Совместные практические проекты всё больше входят в повестку дня.

Ясно, что следующим этапом станет формирование организационных структур для координации российского левого движения. И хотя в таком деле очень важно избегать торопливости и суеты, время требует конкретных и решительных шагов.

Мифы левых о профсоюзах и наши стратегические задачи

Илья Будрайтскис

Прошедший 2007 год можно смело назвать годом подъёма рабочего движения в России. Забастовки на «Автовазе», «Михайловцементе», питерском порту и других предприятиях, создание десятков новых боевых профсоюзных первичек, наконец, героическая почти месячная забастовка «фордовцев» вывели тему борьбы за трудовые права в центр общественного внимания. Это движение, явившееся прямым следствием экономического роста, имеет важные отличия от рабочего движения 90-х. Появление значительного слоя молодых рабочих и на старых, и на недавно созданных прибыльных предприятиях означало постановку принципиально новых задач: борьбу за повышение заработной платы, улучшение условий труда, активное участие в заключении коллективных договоров, наконец, необходимость построения собственных устойчивых профсоюзов, способных постоянно расширять своё влияние и формулировать свою, классовую повестку дня на рабочем месте. Нельзя сказать, что рабочее движение развивалось исключительно поступательно: на протяжении последних месяцев мы были свидетелями и немногих ярких побед, и, к сожалению, большего количества поражений. Тем не менее, эта борьба приобрела исключительную важность как источник неоценимого опыта и осознания ключевых задач для всего класса в целом. За ходом забастовок, в которых участвовали сотни, внимательно наблюдали десятки и сотни тысяч рабочих по всей стране, и агитационное влияние «Форда» или «Автоваза» нам ещё предстоит оценить по-настоящему.

Подъём прошлого года способствовал активизации всех левых групп, для которых рост сознания и организованности класса являются главной задачей. Без участия левых, и в том числе СД «Вперёд», вряд ли стали бы возможны кампании солидарности в поддержку забастовок, восстановление на работе уволенных активистов,

оперативное распространение информации о трудовых конфликтах, наконец, инициирование важных дискуссий о стратегии внутри самих профсоюзов.

Непосредственное вовлечение в рабочее движение положительно отразилось и на самих радикальных левых, в том числе и потому, что они получили возможность проверить соответствие собственных абстрактных программ меняющейся реальности. На место надуманных разногласий и субкультурных претензий пришли напряжённые дискуссии о вопросах природы профсоюзов и задачах социалистов в движении трудящихся. Для одной части левых оказалось возможным заново попытаться осмыслить эти вопросы, для другой ответы были готовы заранее.

Как известно, многие сложные проблемы имеют простые неправильные решения. Тема профсоюзов в достаточной мере разработана классиками, и кому-то кажется, что нужно лишь адекватно приложить их анализ к текущей ситуации — и в бой, нести рабочим массам свет марксистской мысли и революционную программу. Однако на поверку часто оказывается, что активисты профсоюзов не спешат положительно воспринимать марксистские идеи и немедленно вступать в революционные партии. В итоге левые оказываются в лучшем случае в положении безвозмездных помощников профсоюзов, а в худшем начинают восприниматься их членами как вредители и враги. Реакцией на это становятся ритуальные проклятия «профбоссам» и дальнейший рост убеждённости в правильности собственной политической линии. Налицо тенденция рассуждать о профсоюзах, но только о профсоюзах «вообще». Увы, такого явления попросту не существует. И цитатами из Ленина тут прикрываться бесполезно. Профсоюзы придётся изучать конкретно — и только на основании полученного знания выстраивать своё отношение и стратегию по отношению к ним.

Не претендуя на исчерпывающий анализ, я хотел бы остановиться на нескольких распространённых в среде российских левых заблуждениях относительно природы современных профсоюзов.

Исходным пунктом для значительной части левых является представление обо всех российских профсоюзах как «массовых организациях рабочего класса».

Конечно, в теории так оно и должно быть. Конечно, если мы решим подойти к профсоюзному движению в России максимально некритически и причислим к профсоюзам все организации, называющие себя таковыми, принимая на веру декларируемую ими численность, то получим данные именно для такого заключения. Официально профессиональными организациями в РФ охвачено более 42 % экономически активного населения. Однако такой механистический подход начисто лишён смысла.

Для марксиста профсоюз — в первую очередь организация работников, связанная с их *осознанием* необходимости объединения ради улучшения собственного положения. Мы идём в профсоюзы (равно как и в другие рабочие организации) не потому, что абсолютизируем их форму, а поскольку надеемся встретить там людей, уже сделавших первый шаг к освобождению — то есть осознавших, что у них есть общие классовые интересы и что отстаивать их можно только сообща.

Сознательное профсоюзное членство — настолько большая редкость на всём пространстве бывшего Советского Союза, что это воспринимается как центральная проблема абсолютно всеми этажами профсоюзных структур. Несомненно, в России существуют реально действующие, демократические, как у нас принято говорить, «боевые» профсоюзы. Кстати, от «жёлтых» или существующих лишь номинально организаций их отделяет отнюдь не принадлежность к ФНПР или альтернативному проф-центру (достаточно вспомнить только две крупнейшие забастовки прошлого года — Качканарский ГОК (ГМПР-ФНПР) и «Форд-Всеволожск» (МПРА-ВКТ)). Профсоюзы, фактически встроенные в систему управления крупных корпораций, есть не только в ФНПР, но и в составе «альтернативных» профсоюзов. В то же время внутри ФНПР и на отраслевом уровне, и на уровне первичек продолжается процесс разделения на профсоюзы, готовые на деле отстаивать интересы своих членов, и откровенно «жёлтые» профкомы, уже открыто выступающие на стороне работодателя (как это было во время летней забастовки на «Автовазе»).

Однако с точки зрения численности эти лучшие организации и «официальных», и «альтернативных» профцентров оказываются не массовыми, а скорее активистскими, кадровыми, объединяющими *меньшинство* самых сознательных рабочих. Причём число активистов

зачастую ограничивается рамками профкома (в состав которого часто просто вводят всех активистов с целью элементарной защиты от увольнения). Лишь в единичных случаях «боевые» профсоюзы охватывают значительную часть работников предприятия.

А уж говорить о том, что где-либо существует профсоюзная структура, соответствующая качеству членства и демократичности этих организаций, вообще не приходится. Фактически сегодня в России профсоюзное движение структурировано на уровне профкомов, в некоторых случаях — объединений профкомов. Все структуры более высокого уровня сегодня находятся либо в стадии формирования, либо в стадии разложения. Практически каждая крупная забастовка прошлого года ярко продемонстрировала крайнюю скудость ресурсов и организационную слабость общенациональных профобъединений, неспособных на полноценную поддержку собственных первичек. И с каждым новым значимым трудовым конфликтом потребность в серьёзном и боевом общенациональном руководстве ощущалась всё сильнее — и лидерами, и рядовыми активистами.

Сегодня даже лучшие из существующих профобъединений, такие как Всероссийская конфедерация труда, пока, к сожалению, не соответствуют задачам нового этапа движения. Конечно, это положение имеет объективные причины: борьба профсоюзов носит сегодня исключительно локальный характер, а такие формы коллективных действий, как полноценные отраслевые забастовки и, тем более, забастовки солидарности, почти не имели прецедентов. Вопрос о необходимости выработки последовательных требований по изменению политики в области заработной платы или стандартов трудовых отношений только сейчас начинает вставать внутри движения. И только сейчас постепенно начинают меняться отношения между первичками и «центром», который рассматривался прежде лишь как офис по предоставлению нерегулярной юридической или финансовой помощи. Обвинение кого-либо в предательстве и сознательном саботаже развития профсоюзов вряд ли могут быть правильным объяснением этой ситуации — необходим точный и глубокий анализ генезиса современного профсоюзного движения, его динамики и внутренних противоречий. Однако для некоторых левых оказывается гораздо проще применять при каждом удобном случае

«классическую» схему разделения интересов «верхов» и «низов» профсоюза, рядовых членов и его текущего руководства. И здесь необходимо всерьёз задаться вопросом: что собой представляет профсоюзная бюрократия в современной российской ситуации?

Бюрократия, то есть, проще говоря, освобождённые работники профсоюзов, возникает и увеличивается с ростом самого профсоюза, расширением сферы его задач. Собственно, в этом отношении профсоюз мало отличается от любой другой организации в буржуазном обществе. Наличие бюрократии вообще не есть некое отличительное свойство именно профсоюза — вопрос в том, насколько она контролируема снизу и насколько сама бюрократия обладает монополией на принятие решений. Становление бюрократии как тормоза рабочего движения происходит тогда, когда она вписывается, встраивается в существующую систему трудовых отношений, трёхстороннего регулирования, социального партнёрства, участвует в управлении предприятиями (например, через органы, подобные европейским производственным советам). Бюрократия превращается в посредника между рабочими и работодателями, обретает свои собственные интересы, связанные с поддержанием и утверждением своего особого статуса.

О классической профсоюзной бюрократии можно говорить только в странах с развитым рабочим движением, которое на протяжении столетия вело упорную борьбу за влияние на трудовые отношения с работодателем. Капитал отнюдь не нуждается в «социальном партнёрстве» там, где можно без него обойтись. В современной России *все* институты, призванные регулировать отношения между работниками и работодателями, в лучшем случае существуют только на бумаге, в худшем же — отсутствуют в принципе. Например, отраслевые соглашения, штампованно фиксирующие текущую ситуацию по оплате труда исходя из официальной «потребительской корзины», для руководства профсоюзов ФНПР вообще являются «секретными» документами, к которым закрыт доступ рядовым членам. Большинство коллективных договоров не содержат ничего, кроме повторения норм Трудового кодекса и подтверждения действующих тарифных соглашений. Основной вопрос, стоящий сегодня перед каждым российским собственником, — не как достичь соглашения с профсоюзом и даже не как подкупить его лидеров, но как

не допустить его возникновения в принципе. Сам прецедент диалога с любым, пусть даже исключительно лояльным и ориентированным на «социальное партнёрство» представительство наёмных работников представляется собственнику недопустимым, и его гипотетическая возможность должна быть исключена из выстраиваемой модели трудовых отношений. Разумеется, это не значит, что отдельные профсоюзные лидеры не могут быть коррумпированы. Но в каждом таком случае речь идёт о персональной коррупции, когда подкупленный лидер сдаёт свой профсоюз и обменивает доверие своих товарищей на деньги или место депутата. То есть объектом покупки становится не его функция профлидера, а сам человек. Поэтому такие коррумпированные лидеры, не могут, например, в Государственной Думе лоббировать интересы профсоюзов даже на том уровне, как это делает западная профсоюзная бюрократия в своих парламентах. В составе «Единой России» (да, впрочем, и фракций «оппозиции») профсоюзники превращаются в свадебных генералов.

И это положение не изменится до тех пор, пока профсоюзам в России не удастся отвоевать элементарное право на существование и стать эффективным инструментом экономической борьбы. Это означает, что сегодня нет серьёзного противоречия между интересами рядовых членов и «бюрократии» (если в данном случае уместно употреблять это слово) реально действующих профсоюзов. Однако такие противоречия могут возникнуть в будущем, причём в не столь отдалённом. И появление подобных противоречий будет закономерным результатом усиления и укрепления организованного рабочего движения — но как раз этого укрепления пока ещё и предстоит добиться совместными усилиями.

Речь идёт о задачах, которые с полным основанием нужно воспринимать как политические. И любой последовательный в своих требованиях профсоюз в сегодняшней России не может, в конечном итоге, ограничить себя исключительно экономическими вопросами. Эти требования неизбежно выходят за рамки конкретного предприятия, приобретая, так или иначе, характер требований *всего* класса в целом. Это и вопрос права на забастовку и свободу союзов на производстве, и защита от увольнений и давления со стороны работодателя и властей, и, наконец, вопрос о пересмотре всей политики заработной платы на уровне региона или отрасли. Несложно

заметить, что каждое крупное выступление рабочих в уходящем году становилось событием общенационального значения, провоцировало острые дискуссии о правах профсоюзов и низкой зарплате, служило примером самоорганизации для десятков других трудовых коллективов.

Сегодняшняя практика профсоюзной борьбы в России создаёт условия для выдвижения программы переходных требований и завоевания массовой поддержки. И важная задача левых — помочь сформулировать эти требования, став органичной частью политического движения наёмных работников.

Другой важный пункт разногласий среди российских левых — форма рабочей организации. Почему мы должны бросить все силы именно на поддержку и строительство профсоюзов?

Ведь история, в том числе и нашей страны, знает множество других форм рабочей самоорганизации — стачкомы, советы, политические группы и партии. Но каждая такая форма оказывалась наполненной живым классовым содержанием в определённые исторические моменты, соответствуя текущему уровню сознания. И сегодня ни одна из них не востребована рабочим движением России по-настоящему. Возникающие на различных предприятиях стачкомы либо становятся прологом к созданию профсоюза, либо терпят поражения и быстро теряют поддержку в коллективе (как это, к сожалению, произошло во время летней забастовки на «Михайловцементе»), Существующие «советы рабочих» состоят почти исключительно из политических активистов и вряд ли могут соответствовать исторической претензии, заложенной в их названии. Левые группы, декларирующие свою классовую позицию и даже активно участвующие в рабочем движении, пока продолжают оставаться для него внешней силой. Во всяком случае, в составе этих групп практически невозможно найти рабочих лидеров, принявших сознательную социалистическую позицию.

Итак, профсоюз — единственная на сегодняшний момент реально существующая форма самоорганизации рабочих. Именно боевые профсоюзы сегодня могут продемонстрировать устойчивость, количественный и качественный рост, эффективную защиту не только своих активистов, но и трудовых коллективов в целом. Однако настоящая ценность профсоюза не только в этом — только в нём и

вокруг него сегодня рождается классовое сознание, основанное на солидарности, активизме, понимании собственных интересов и ответственности за класс в целом. Конечно, нельзя поставить знак равенства между решимостью в борьбе за трудовые права и сознательным желанием покончить с капиталистической системой. «Профсоюзное» сознание противоречиво, наполнено иллюзиями и заблуждениями, но только через его развитие и преодоление лежит путь к созданию настоящей рабочей партии, способной изменить общество.

Разумеется, у профсоюза не может быть политической программы как охватывающего все области жизни плана социальных изменений. Зато у каждой значимой профсоюзной организации есть необходимость определять свою политическую линию, своё отношение к власти, к различным политическим партиям и т. п. С одной стороны, это вопрос ежедневной практики, с другой — важнейший выбор перспективы. Именно поэтому не стоит повторять по каждому удобному случаю абстрактно правильный лозунг создания рабочей партии.

Для создания партии у нынешних профсоюзов нет возможности, да и потребность в этом, если честно, они не слишком ощущают. Однако в сегодняшних условиях в России такая инициатива может быть успешной, только если возникнет в среде лидеров и активистов профсоюзов на предприятии, органично связанных с рабочим движением, с рядовыми членами. И для этого им необходимо совершить переход от безразличия к политике, от восприятия её как внешнего и абстрактного к осознанию, что политика — это лишь последовательная реализация тех классовых интересов, которые начинаются с вопросов безопасности труда и достойного заработка.

Основанное на привычных «аксиомах», а не на анализе реально существующих тенденций, сознание многих российских левых в отношении профсоюзов остаётся догматическим и мифологическим, что неизбежно ведёт к отсутствию последовательной стратегии и непродуманности действий.

Наша текущая цель — развитие классового сознания работников, понимания ими необходимости политической борьбы в целях справедливого переустройства общества. И началом этой работы должно стать разрушение представлений самих профсоюзных

активистов об узко экономическом характере их организаций и борьбы. А это возможно только через непосредственное активное участие в этой борьбе, в координации действий и кампаниях. Кстати, здесь опыт политических активистов (конечно, при условии, что они готовы уважать и перенимать профсоюзный опыт) может сделать их востребованными не только в качестве «помощников» и «исполнителей», но и как организаторов.

Другие задачи, к решению которых необходимо активно подключаться, — это распространение информации, преодоление двойного отторжения «инородного тела», то есть создание «профсоюзного пространства» в обществе и одновременно «левого», марксистского пространства внутри профсоюзного движения.

Преодоление восприятия марксистов и их идей как чуждого рабочему движению, внешнего по отношению к нему элемента может быть связано только с развитием классового и политического сознания профсоюзных активистов и всех масс трудящихся, то есть будет происходить через органичное соединение их непосредственного частного опыта борьбы за свои права с обобщённым, универсальным опытом всего класса.

Уроки и перспективы феминизма в России

Анна Очкина

В Советском Союзе феминизм был возведён в статус официальной государственной политики и в конечном итоге был уничтожен как идеология и социальное движение. Господствовала концепция всеобщего, глобального равенства, поэтому отдельного движения за права женщин просто не могло существовать. Феминистские ориентиры государственной социальной политики проявляли себя в виде набора прав для женщин: профессиональной занятости наравне с мужчинами, политических прав, равенства перед законом и т. д. Однако торжество формального права обернулось ущемлением особых, специфических прав женщин, которые просто не признавались.

Репродуктивные права женщин получили признание в реальной социальной политике только в 70-е годы, когда были введены длительные декретные отпуска и позднее, когда были введены отпуска по уходу за ребёнком до полутора и неоплаченный — до трёх лет. Однако детально в законодательстве равные обязанности и права родителей по уходу за детьми были закреплены совсем недавно. Формально эти права были признаны много лет назад, однако было почти невозможно реализовать их на практике: отцу не удавалось взять оплачиваемый отпуск по уходу за больным или новорождённым ребёнком так же просто, как матери. Не защищались права ни женщин, ни мужчин при разводе, законодательство о разводах не давало супругам возможности в полной мере реализовать свои права общения и воспитания детей или защитить своё имущество, добиться справедливости в этом отношении.

Вопреки официальной идеологии в СССР сохранялась дискриминация женщин в профессиональной и политической сферах. В постсоветской России в результате всеобщего нарушения трудовых и социальных прав эта дискриминация усилилась. Диктатура работодателя в современной России позволяет ему ставить условия

при приёме на работу: не рожать детей в течение определённого периода, не брать оплачиваемый отпуск по уходу из-за болезни ребёнка. В новом Трудовом кодексе все нормы, призванные помочь женщине сочетать карьеру и материнство, отданы на усмотрение работодателя и не являются более обязательными. Дискриминация в трудовой сфере проявляется и в том, что женщины неизменно выдавливаются в наименее оплачиваемые сферы деятельности.

Иными словами, социалистические преобразования дали женщинам весь набор формальных политических и социальных прав, но в то же время реальная социальная политика не обеспечила их специфические права, связанные прежде всего с особой ролью женщин в репродуктивном процессе. Дискуссии о проблемах женщин были вытеснены на обочину, в специфические женские движения, которые полностью контролировались официальной идеологией. Не было широкого обсуждения таких вопросов, как распределение внутрисемейных гендерных ролей, равная ответственность родителей перед детьми, последствия сексуальной свободы для женщин, необходимость формирования новой культуры сексуальных отношений и т. д. Более того, в этих вопросах постепенно утверждались традиционные, даже патриархальные подходы. В СССР противоречивость социальной политики и экономические трудности стали препятствием для реализации женщинами своих прав во всех сферах социальной жизни. Официальная идеология также постепенно эволюционировала в сторону традиционного понимания «женственности» и «мужественности». Так или иначе, эти стереотипы поддерживались и развивались системой воспитания и образования. Сохранялось отдельное трудовое обучение в школе — девочек учили домоводству, мальчиков обучали рабочим профессиям. К уборке в школе, хозяйственным делам дома привлекали также в основном девочек.

Но социально-экономические преобразования, которые привели к эмансипации женщин, их участию в общественном производстве, оказались необратимыми. Женщины получали образование, профессию, приобретали карьерные амбиции, пользовались сексуальной свободой. Тем не менее, общество было готово использовать профессиональные знания и навыки женщин, но не было полностью готово признать их равные права с мужчинами во всех

сферах. Не принимало общество женщин-руководителей, статус женщины связывался не только с её профессиональным и интеллектуальным, но и её семейным статусом. Существовала гендерная дискриминация на уровне стереотипов в трудовой и профессиональной сферах. В сфере семейных и интимных отношений также сложилось крайне невыгодное для женщин сочетание весьма раскованных, современных форм и правил поведения и традиционных стереотипов разделения ролей и ответственности. Иначе говоря, мужчины были готовы признать материально независимых и сексуально раскованных женщин, но оказались не готовы к изменению собственного поведения в семье и интимных отношениях.

Причины этого культурного ренессанса патриархальных гендерных идей следующие. Во-первых, бегство от навязываемых государством стереотипов, которые к тому же всё время вступали в противоречие с реальными женскими проблемами: материальные проблемы семьи, тяжёлая работа, непосильная «двойная занятость» — работа по найму и домашняя работа. Проблемы потребительского рынка в СССР выматывали в большей степени именно женщин. Для России актуальны ещё две причины: диспропорция в численном соотношении полов, связанная с Великой Отечественной войной, и тяжелейшие социально-экономические условия, в которых происходила эмансипация. У российских женщин просто не было выбора, они не успели толком даже захотеть свободы, когда эта свобода обрушилась на них и обернулась тяжёлой работой, а для многих — и одиночеством.

Рыночные преобразования не облегчили положения российских женщин, а усугубили его. Профессиональная, трудовая и экономическая дискриминация усилились из-за проблем с экономикой, сокращением числа рабочих мест с достойной оплатой, даже просто с оплатой труда выше прожиточного минимума, усилением конкуренции работников на рынках труда. Резкое снижение финансирования социальной сферы привело к росту стоимости услуг здравоохранения и образования на всех уровнях, что оказалось наиболее болезненным именно для женщин. Оказалось также, что годы профессиональной эмансипации женщин не сделали мужчин в полной мере равными партнёрами в браке, зато освободили их от моральной ответственности за материальное и социальное благополучие семьи.

В постсоветской России бедность и бесправие работников бюджетной отраслей стали в основном женской проблемой. Уже в СССР образование, здравоохранение, сфера социальных услуг, культура были феминизированы. Резкое падение зарплат и престижа занятости в этих отраслях ударили, таким образом, в наибольшей степени по женщинам. Можно с полным основанием говорить об экономической дискриминации женщин в России. Согласно статистическим и социологическим данным, в России бедность в большой степени феминизирована. При этом в 40 % российских семей сейчас главным (или единственным кормильцем) является женщина.

Многие исследователи в России странах констатировали кризис семьи. Этот кризис статистически проявил себя в росте числа разводов, сокращении числа браков, огромном количестве аборт, снижении рождаемости. По свидетельствам социологов, женщин охватывает разочарование в патриархальной семье. Уже в середине 90-х было констатировано, что для большинства женщин семья и карьера — две равнозначные ценности. Семья не утратила своего значения, но и работа, возможности профессионального роста стали для женщин жизненно важной ценностью. Сочетание сверхэксплуатации труда в современной России (даже простое обеспечение выживания, набора благ, удовлетворяющих простейшие физические, духовные и социальные потребности, требует огромных трудозатрат) и сохранения почти традиционного отношения в обществе к правам и обязанностям мужчин и женщин в семейной и трудовой сферах загоняют женщин в тупик, заставляют их метаться между семьёй и работой. Женщины вынуждены предпринимать вдвое или втрое больше усилий по сравнению с коллегами-мужчинами, чтобы завоевать и сохранить профессиональный статус. При этом замужние и имеющие детей работающие женщины (по свидетельству социологических исследований) постоянно испытывают чувство вины перед семьёй, так как в общественном сознании пренебрежение женщиной семейными и родительскими обязанностями даже ради работы и карьеры почти преступно, для мужчины же — почти почётно, по крайней мере, естественно.

В период рыночных реформ идеологическое давление общества на женщину в России не уменьшилось, а увеличилось. Так, по данным

социологических исследований, женщины испытывают профессиональную и карьерную дискриминацию, растущую озабоченность нагрузкой, связанной с сочетанием семейных и профессиональных обязанностей. Тот факт, что статус женщины как «второстепенного» работника уходит в прошлое, мало что меняет в гендерной структуре занятости, особенно по вертикали. В наибольшей степени феминизированы те сферы общественного производства, где сочетаются высокие квалификационные требования и относительно низкие зарплаты, — образование, культура, здравоохранение, социальная защита. Но даже в этих сферах начальники в основном мужчины.

Констатируют социологи и так называемую вину перед обществом одиноких и бездетных женщин. В СМИ и «массовой культуре» пропагандируется образ женщины как сексуального объекта, как товара. Есть и противоположная тенденция: воспевание естественного предназначения женщины — быть матерью. Реальных шагов в социальной политике не делается, меры по стимулированию рождаемости имеют (и будут иметь) неоднозначные социальные последствия, а в прессе потихоньку разворачивается дискуссия о нравственном значении аборт и возможности их запрета или приравнивания к убийству, а следовательно, опять-таки запрета. При этом необходимо учесть, что мы сейчас теряем даже те завоевания в области поддержки материнства и детства, которые у нас были. Так что при тех стандартах контрацептивного и сексуального поведения, которые у нас сложились (и цен на «щадящие» контрацептивы), такие ориентации в области социальной политики, даже просто в общественном мнении, могут обернуться жестокой эксплуатацией репродуктивной функции женщин.

Таким образом, рыночное экономическое давление драматически сочетается у нас с патриархальными (а иногда просто варварскими) культурными стереотипами. Тем не менее, наши женщины объективно нуждаются в феминистской теории. Они энергичны, образованы, способны к независимости. Некоторое неприятие феминизма российскими женщинами — во-первых, представляет собой реакцию на его искажение в социалистический период, а во-вторых, связано с грузом социально-экономических проблем, которые кажутся женщинам часто непосильными, заставляют их надеяться на

поддержку семьи, мужчин. Сказывается и эмоциональное бессилие перед социальными традициями и стереотипами. Замечу, что женщины в силу своей объективно predetermined большей социальной незащищённости, в силу своего статуса и роли в общественном производстве (включая и сферу неоплачиваемого репродуктивного труда) так же объективно нуждаются в радикальных социальных преобразованиях даже больше, чем мужчины. В силу своей роли в репродуктивном процессе и исторически сложившихся гендерных диспропорций в распределении социальных ролей, власти и ресурсов, а также сложившейся гендерной структуры занятости женщины могут подвергаться двойной или даже тройной эксплуатации по сравнению с мужчинами. Но это отнюдь не делает мужчин и женщин врагами. Это объективно делает большинство женщин врагами капитализма и капиталистической эксплуатации. А вот в политике (и на левом фланге тоже) женщин намного меньше — и тоже в силу гендерного распределения ролей и статусов во всех сферах общественной жизни и сложившихся стереотипов социального поведения.

Феминистская теория нуждается в обновлении для того, чтобы стать адекватной потребностям женщин и всего общества в России. Она обязана учесть и те социальные изменения, которые произошли, и те объективные потребности, которые сформировались. Феминистское движение должно развиваться не как отдельное движение женщин за какие-то особые права, не как движение против мужчин во имя абстрактно понимаемой свободы, а как органическая часть социального движения за полноценную социальную политику и социалистические преобразования. Специфические женские движения неизбежно ограничены в своей социальной эффективности. Политической силы они, как локальные социальные движения, иметь не могут, поскольку не могут выдвинуть внятной и целостной политической программы. Все формальные права у женщин уже есть. Социальные проекты, ориентированные на обеспечение реальных прав женщин, осуществимы только в рамках масштабных социальных преобразований. Частные инициативы оборачиваются карикатурой на саму концепцию равенства полов, дискредитируют феминизм как идею и проект.

Проблема левых в России заключается в том, что они как-то органически не принимают феминизма, не принимают ни в каком

виде, почти не выходят на осмысление гендерных проблем в контексте левого движения и задач социальных преобразований. В основном российские левые ограничиваются декларациями о равноправии, правах женщин и т. д. Эта культурная особенность приводит к тому, что гендерные вопросы, острые социальные проблемы, связанные с гендерными диспропорциями и противоречиями, в ключе левой политики вообще не обсуждаются. Так что их официальная трактовка остаётся часто единственной, а инициативы власти в области так называемой демографической политики — единственными конструктивными предложениями, несмотря на односторонность и весьма неочевидную социальную эффективность.

Подлинное равенство полов возможно только через реализацию специфических потребностей мужчин и женщин как естественных и неприкосновенных человеческих потребностей. Энгельс понимал движение за права женщин не как «особое женское движение», а как «...женскую сторону рабочего движения». Поэтому задачей левого движения является, во-первых, обсуждение проблем женщин как общезначимых. Аборты, насилие в семье, вопросы воспитания детей не являются специфическими проблемами женщин и для адекватного решения нуждаются в переориентации всей социальной политики. Во-вторых, необходимо привлечение женщин в политическую деятельность как полноправных партнёров и решение женских проблем как общезначимых, отстаивание профессиональных, социальных, сексуальных прав женщин в контексте реализации общих человеческих прав.

Существует ли Организация Марксистов Украины?

Захар Попович

Если задаться вопросами, существует ли Организация Марксистов (ОМ) в публичном пространстве Украины и имеет ли влияние на нарождающиеся в Украине социальные инициативы представляемая ОМ марксистская идеология, то, как это ни удивительно, мы можем ответить положительно и на первый, и в значительной степени на второй вопрос. Беда только в том, что ОМ во многом остаётся своего рода «зонтичным брендом» для большого числа талантливейших марксистских активистов, групп, изданий, но пока не является марксистской организацией, выработавшей собственную программу и тактику. Активисты ОМ широко пропагандируют марксизм, но у каждого из них он свой. Вряд ли пока можно всерьёз говорить о том, что ОМ может представить обществу собственную сложившуюся идеологию. И вряд ли это будет возможно до того, как ОМ включится в социально-политическую борьбу с собственной конкретной программой. Да простят меня «нелюбители» троцкизма — программой переходных требований.

Но как марксистский мета-кружок, создавший множество площадок для общения левых между собой и левых с не левыми, создавший по существу новый стандарт общения в марксистской среде Киева и Украины в целом, ОМ, безусловно, является уникальной инициативой. И прекрасно, что будущее этого мета-кружка сокрыто от самых проницательных провидцев. Ибо оно многовариантно. Мета-кружок может рассыпаться на микрокружки и атомарные марксистствующие единицы, вернувшись, таким образом, в состояние болотистой туманности, а может и переродиться в политическую силу, способную менять мир...

Как я постараюсь далее продемонстрировать, есть много аргументов в пользу развития обоих сценариев бифуркации. Но как оптимиста меня в основном будут интересовать потенции к изменению

мира, а при внимательном рассмотрении их можно обнаружить на удивление много.

Здесь будет предпринята попытка проанализировать некоторые основные направления публичной активности ОМ и её потенции.

Спасатели старого Киева

Ни в коем случае не стоит делать вид, что общественная инициатива «Спасём старый Киев» — это «проект», «детище» и т. п. ОМ. СОК (Save Old Kiev) — был создан без ОМ и, вероятно, действовал бы с большей или меньшей степенью эффективности и без ОМ. Но то, что лидеры ОМ оказались одними из ведущих активистов СОК, — факт в общем-то очевидный. Очевидный и для активистов СОК, и даже для буржуазной прессы... которая занесла в десятку лидеров СОК двух членов КС ОМ (Самураї мегаполісу, <http://www.ut.net.Ua/art/168/0/636/>). Причём это единственные реальные представители «идеологической» организации в этой десятке.

Для многих подчёркнуто аполитичных активистов до последнего времени абсолютно «неидеологичного» СОКа роль, которую играют в нём марксисты, вызывает неприятие и дискомфорт. В рассылке СОКа время от времени появляются обвинения в адрес марксистов, якобы пытающихся навязать движению коммунистическую идеологию. Но дальше обвинений в «неуместных антикапиталистических кричалках на митингах» аргументация борцов с коммунизмом в СОК не идёт. И не может пойти: по той простой причине, что никаких реальных попыток не то что навязывать, а даже последовательно пропагандировать марксизм в СОК активисты ОМ не предпринимают. Дело, как правило, ограничивается публичной констатацией членства в ОМ и выдержанной антикапиталистической риторикой, которую при всём желании тяжело назвать коммунистической пропагандой. Активисты ОМ акцентируют внимание на том, что варварская застройка Киева организована представителями крупного капитала в своих интересах — и это правда, указывают на то, что власти, как

правило, действуют в интересах крупного капитала — и это тоже крайне тяжело оспорить.

При этом члены ОМ представляют собой очень небольшую, но весьма сплочённую и дисциплинированную группу в составе СОК. Они легко могут потеряться на большой акции, где собралось несколько сот активистов, но их роль в организации акций зачастую лидирующая. На небольших, рутинных, но абсолютно необходимых будничных акциях СОК членов ОМ частенько большинство. Когда закапывался котлован на Пейзажной аллее, ОМовцы составляли добрую половину той немногочисленной группы, которая махала лопатами с самого начала акции и до последнего разгружаемого КАМАЗа.

При этом ОМовцы честнейшим образом действуют в интересах движения в целом и очевидно не занимаются подковёрной борьбой.

Другой вопрос, что осознанных организационных задач у ОМ в организации СОК попросту нет. Никаких. Имеются в виду именно организационные, а не пропагандистские задачи. ОМ не занимается целенаправленным привлечением новых членов из СОК и не претендует на «руководящую и направляющую» роль в движении. Отношение ОМ к СОК принципиально строятся прозрачно и открыто, таким образом, чтобы деятельность ОМ была в интересах движения в целом. Но выражается это в основном в том, что ОМ в СОК попросту плывёт по течению, успевая только слегка подгрести на перекатах, и имеет очень смутное видение того, куда всех вынесет на следующем повороте.

Такая пассивность ОМ вряд ли пойдёт на пользу дальнейшему развитию СОК. Сейчас СОК действует как микроскопическая группа чрезвычайно принципиальных и активных людей, которые, как известные диснеевские спасатели, спешат на помощь в любую точку Киева, магическим образом заставляя миллиардеров от строительного бизнеса отступать по всем фронтам. Но «чип-и-дейловская» тактика уже сейчас начинает давать сбои. Товарищи Чапай и Луценко, даже усиленные Манчуком и Атанасовым, не могут одновременно оказаться на десятках, если не сотнях киевских стройплощадок. Не говоря уже о том, что, как показали события 16 марта на Шелковичной, даже супергерои могут легко получить черепно-мозговые травмы

вследствие того, что по версии милиции «толкались между собой», и оказаться запакованными в милицейский «бобик».

Но даже при самом благоприятном развитии отношений между СОК и киевской милицией и даже в том случае, когда «спасатели» находят силы и время организовать несколько акций в неделю, оказывается, что на эти акции, кроме организаторов, может прийти всего несколько человек. Массовость радикального протеста, которая была силой СОК, начинает исчезать. Большинство активистов СОК — журналисты, художники, фотографы, переводчики, преподаватели вузов, просто «свободные интеллектуалы» — не выдерживают заданного бешеного темпа.

Отцы-основатели СОК, безусловно, понимают это, понимали и раньше. Основной задачей СОК всегда мыслилось «показать пример сопротивления», а отнюдь не самим решить все проблемы киевлян за них. Другой вопрос, что пример СОК оказывается немасштабируемым. Его не удаётся развернуть на всю Украину и даже на весь город. В том формате, в котором существует объединение, оно не способно стать широким социальным движением. Множество небольших радикальных инициатив против застройки никак не может перерасти в широкое социальное движение, оставаясь одновременно маленькими группами лично симпатизирующих друг другу соседей и единомышленников.

Не говоря уже о том, что интересы владельцев шикарных (стоимостью не менее миллиона долларов каждая) квартир на Большой Житомирской и жильцов ведомственного общежития на окраине существенно отличаются. А тридцать КамАЗов с песком, благодаря которым стала возможной самая эффективная акция СОК на Пейзажной аллее, спонсировались именно собственниками элитного жилья из близлежащих домов.

С другой стороны, начав с борьбы против незаконной застройки, СОК сейчас активно включается в кампании против выселения из приватизированного ведомственного жилья. Как пример, можно привести акцию возле общежитий на улице Сурикова, где речь не шла о сохранении исторического здания или борьбе против незаконного строительства. Люди вышли на акцию, лозунгом которой можно считать сохранение социальной справедливости, несмотря на то, что она противоречит духу и букве буржуазной законности.

Оформление социальной базы СОК ещё только происходит. Вряд ли инициатива вырождается в группу «профессиональных революционеров по вызову», обслуживающих коллективы собственников элитной недвижимости. Но неочевидно, что СОК сможет стать организованным представителем выселяемых рабочих.

К сожалению, ясного представления о будущем СОК, нет не только у его лидеров и основателей, но и у марксистов.

Опубличивая антифа

Другим интересным проектом был «Фестиваль антифашистского кино», который проходил одновременно в нескольких городах Украины и привлёк неожиданно много зрителей. Здесь активисты ОМ выступили уже не «одними из», а основными и по существу единственными организаторами.

ОМ удалось организовать показы в Киеве, Черкассах, Симферополе и Севастополе. В Киеве и Симферополе пришлось столкнуться с прямыми угрозами и противодействием со стороны неонацистов. Многие, особенно активисты неформального антифа-движения, были уверены, что публичные левые антифашистские мероприятия неминуемо приведут к прямому силовому столкновению с фашистами. Это казалось тем более очевидным, чем больше угроз поступало в сторону организаторов фестиваля. Но к удивлению многих оказалось, что чем более публичным является мероприятие, тем менее способны противодействовать ему наци, привыкшие нападать в подворотнях вдесятером на одного. Обилие рекламы, интерес прессы и, самое главное, массовый интерес зрителя вывели левый антифашизм из маргинальной среды в публичную сферу. Неожиданно повысив самооценку всем киевским антифашистам, включая неформальные антифа-объединения школьников. Оказалось, что молодых антифашистов в Киеве много. Показалось даже, что есть критическая масса для формирования социально значимого левого антифашистского фронта. Молодые антифа благодарили организаторов за то, что антифашистам «наконец-то есть где собраться всем вместе», и предлагали создавать широкую антифашистскую организацию. К

сожалению, в этом смысле фестиваль можно считать скорее неудачным. Запланированные в его рамках семинары, направленные на выработку видения задач современного левого антифашизма и поиск необходимых ему организационных форм, по существу не состоялись несмотря на очевидный интерес участников. Организаторы, уделив много времени рекламе мероприятия, презентации и обсуждению фильмов, не смогли найти оптимальный формат для таких обсуждений и в какой-то мере оказались просто не готовы к содержательному обсуждению практических вопросов антифашистского движения.

Фестиваль успешно прошёл не только в Киеве. Большой резонанс он вызвал в Симферополе, чуть меньший — в Черкассах. Для симферопольцев, которые, собственно, и были инициаторами всеукраинского антифашистского фестиваля, он стал серьёзным толчком в развитии организации, повышении её авторитета, особенно в студенческой среде. Тем не менее, говорить о сложившемся организованном антифашистском движении в Симферополе тоже пока рано.

Проблема создания широкой и публичной антифашистской организации не решена и по сей день, хотя потребность в таком объединении, очевидно, осознаётся многими. Об этом убедительно свидетельствует прошедший 9 мая в Киеве левый антифашистский марш, на который собралось около 200 человек. Во избежание претензий со стороны товарища Задираки, который взял на себя труд вести этот митинг, хочу сразу оговориться, что ОМ здесь была уже скорее участником, а не организатором.

Оказалось, что если назвать себя антифашистами и даже провести пикеты, митинги и граффити-кампании, организованное движение автоматически не появится. Ситуация здесь в чём-то аналогична ситуации с инициативами против уплотнительной застройки. Существует несколько активных, но небольших левых объединений, которые способны самостоятельно провести яркую публичную акцию, а иногда и собраться вместе на большой митинг. Но эти инициативы пока не способны ни сформировать единую организованную силу, ни сформулировать единое видение задач и программу действий.

Что в сухом остатке и немного о будущем

Надеюсь, что сделанная попытка продемонстрировать публичное лицо ОМ достаточно убедительно свидетельствует о том, что Организация всё же выделяется в пёстрой толпе украинского социального активизма, и отнюдь не своей угрюмостью.

Но при чём здесь марксизм? Действительно, если изучать ОМ только по сообщениям СМИ, может сложиться ощущение, что это такая «инициатива за социальную справедливость», обладающая, правда, забавной особенностью — попав на телевидение, её активисты начинают вдруг говорить о классовой борьбе, пролетарском интернационализме, необходимости революционного упразднения капитализма и прочих абсолютно не связанных с практической деятельностью этой инициативы вещах.

Подобная аберрация восприятия, к сожалению, имеет под собой и некоторые объективные основания. В Организации Марксистов, безусловно, делается очень многое для разработки качественного марксистского анализа текущей социально-экономической ситуации. Другой вопрос, что этот анализ действительно несколько оторван от того, во что фактически вовлечена организация в публичном поле. ОМ издаёт журнал «Против течения», газету «Рабочая солидарность», поддерживает сайты marx.org.ua, communist.ru, contr.info и др. Публикуется множество статей.

Но если это серьёзный анализ социально-экономической ситуации, то оказывается, что мы видим предпосылки, но не способны пока найти сформировавшиеся классовые движения. Если это попытки рефлексии практических действий, то выходит бодрая публицистика, плохо скрывающая тот факт, что мы пока не знаем, каким образом будут проявлять себя классовые противоречия внутри движений, в которых мы участвуем.

Можно сказать, что ОМ проявила хорошие способности к участию в широких публичных инициативах. Организация смогла заявить о себе, а её активисты стать одними из ведущих во многих социальных инициативах, не стесняясь при этом публично заявлять, что они марксисты. Но одновременно ОМ проявила и отсутствие осознанных и воспринятых всеми её членами целей участия в этих инициативах.

У проблемы есть и чисто организационная, и, можно сказать, политическая сторона. С одной стороны, ОМ ещё не сложилась как

организационный механизм. Это очень обидно, потому что состоит она по большей части из людей, имеющих недюжинный организационный опыт. Более того, отдельные проекты ОМ работают как часы, так, что иногда складывается впечатление, что даже конец света, не говоря уже о полном крахе и развале ОМ, не способны прекратить их планомерного движения. Но цели каждой из этих организационных подсистем не идут дальше поддержания собственного существования. Общих сформулированных и конкретных целей оргработы попросту нет. То есть мы всегда можем сформулировать конкретную текущую задачу: подготовить мероприятие, издать очередной номер издания и т. п. Мы всегда можем бодренько и толково пересказать тезисы из нашей Декларации, разъяснить наши стратегические цели. Можем объяснить не только то, что мы боремся за социализм и коммунизм, но даже то, что мы стремимся к созданию классовой рабочей партии, задачей которой станет революционное преобразование существующей социально-экономической системы, установление (как кому больше нравится) диктатуры пролетариата и рабочей демократии. Но вот на вопрос о том, как же наша текущая деятельность соотносится с задачей строительства такой партии, отвечаем невнятно и по-разному. Разработанной и воспринятой всеми среднесрочной тактики у нас по существу нет. И, естественно, нет выстроенного и приспособленного для достижения соответствующих среднесрочных целей организационного механизма. Мы весьма туманно представляем себе, как изменится наша организация через год или два и какие же именно цели, кроме регистрации, мы на этот период ставим. Безусловно, наша работа — это бег на длинные дистанции, но у многих складывается впечатление, что ограничиваться, как и раньше, тренировками на беговой дорожке местного стадиона не стоит. В этом, вероятно, и состоит проблема дальнейшего развития ОМ. Нам абсолютно необходимо выработать понимание наших задач на ближайшие два-три года и осознанно подчинить все направления деятельности и проекты организации их выполнению. И, естественно, приспособить и выстроить систему взаимодействия и организации нашей работы.

Второй аспект, который можно условно назвать политическим, состоит в отсутствии у нас конкретной политической программы и даже понятных и содержательных лозунгов на злобу дня. Можно

возразить, что программа-де у нас есть — упомянутая в нашей декларации программа мировой социалистической революции и строительства коммунизма. С этим можно согласиться, но речь о другом. О том, что у нас нет общего мнения о процессах, происходящих в социально-политической реальности. Наши лозунги ограничиваются суматошным и разрозненным негативом: «Мы против реформы ЖКХ! Против реформы трудового законодательства! Против реформы образования!» А когда нас спрашивают за что же мы, мы можем лишь членораздельно ответить, что мы за социализм, и очень по-разному объяснить, что же это такое.

Прискорбнее всего то, что мы вполне можем сказать, какой мы бы хотели видеть жилищную сферу или, по крайней мере, и против чего и за что в её реформировании мы выступаем. То же самое касается трудового законодательства, сферы образования, национально-культурных и многих других вопросов. Мы, собственно говоря, не просто можем, мы говорим — но каждый по-своему. Проблема в том, что серьёзных попыток выработки единой программы ОМ по этим вопросам ещё не предпринималось. Очевидно, что нам необходимо уже сейчас разрабатывать видение политической программы переходных требований (да простят меня ещё раз дорогие наши троцкофобы). Политической программы партии, которую мы собираемся через несколько лет создавать. И вопрос это непростой. Здесь легко скатиться и в сектантское утопическое мудрствование, и в оппортунистический социал-реформизм. Но без такой программы публичной политической силы не построить. И программа эта должна осознанно и понятно содержать в себе конкретные требования сегодняшнего дня, которые понятным образом способствуют развитию классового движения, способного радикально и революционно опрокинуть существующую капиталистическую систему в социалистическом направлении.

Пожалуй, наибольшей сложностью при разработке такой программы будет слабость, если не отсутствие, у ОМ связей с рабочими классовыми социальными движениями. Существует мнение, что таковых в Украине попросту нет. Думаю, проблема не в этом. Даже поверхностный мониторинг трудовых конфликтов, пикетов и митингов (особенно в восточных областях страны) показывает, что такие движения существуют и действуют. В качестве примера можно

привести деятельность профсоюзов и рабочие забастовки в Красном Луче и Ровеньках. Информацию о них легко можно найти на интернет-ресурсах этих донбасских городов и некоторых региональных информационных агентств. Движения эти разрозненны, о них, как правило, не упоминает центральная пресса, но они есть.

Проблема в том, что ОМ увязнув в движениях, которые имеют преимущественно неклассовый характер, и не сумев найти в них пролетарское классовое содержание, не может нащупать оптимальные формы взаимодействия с рабочим движением. Правда, что рабочее движение часто проявляет себя не в классической профсоюзной форме, но правда и то, что проблема застройки исторической части Киева, всё же дальше от непосредственного классового конфликта, чем даже проблема выселения рабочих из ведомственного общежития на Сурикова или, тем более, проблем шахтёров, митингующих в городе Стаханов. А ведь на решение первой проблемы мы потратили очень много сил, второй — меньше, а последних — к сожалению, практически ноль.

Нельзя сказать, что ОМ совсем не принимает участия в классовых социальных движениях. И пример, общежитий на Сурикова в Киеве здесь не единственный и не лучший. Активисты львовской организации ОМ являются лидерами движения жильцов ведомственных общежитий, объединённых в львовский городской профсоюз «Защита труда», а это десятки общежитий и сотни активистов. Донецкая организация ОМ активно участвует в создании независимого профсоюза на северодонецком «Азоте». Но даже в этих многообещающих инициативах политическое лицо ОМ проявляется весьма смутно. Можно даже сказать, что ОМ звучит в них тише и стеснительнее, чем в неклассовых социальных инициативах.

Хочу сразу оговориться, что успехи в социальных движениях и особенно в Save Old Kiev ни в коем случае нельзя недооценивать. Другой вопрос, что бесценный опыт побед и ошибок в неклассовых социальных движениях абсолютно необходимо применить в нарождающихся классовых.

Наша задача — не отказ от участия в мелкобуржуазных социальных движениях, а развитие публичных успехов в классовых движениях, построение организационного механизма, который мог бы эффективно решать задачи организованной борьбы этих движений,

пропаганды марксизма в их среде, привлечения в организацию новых членов из этой среды.

В этом контексте должна разрабатываться и наша программа переходных требований, формирование которой позволит лучше осознать наши тактические среднесрочные цели, выстроить адекватную эффективную организацию.

Сейчас ОМ играет ключевую роль в подготовке к Подготовительной ассамблее Европейского Социального Форума (ЕПА), которая, мы надеемся, пройдёт в Киеве в начале июня этого года^[5]. Возможно, участие в этом форуме социальных инициатив Украины и Европы поможет нам не просто установить связи, но и выработать оптимальные формы взаимодействия с классовыми социальными движениями. Ассамблея может стать отправной точкой для нового этапа в развитии ОМ как политической организации.

ИНТЕРВЬЮ

Александр Шубин: Социализм — это самоуправление

На вопросы члена Редакционного совета «Левой политики» Ильи Будрайтскиса отвечает авторитетный исследователь истории социалистических идей Александр Шубин.

В предыдущем номере журнала «Левая политика» было опубликовано интервью с известным публицистом Александром Тарасовым, одной из основных мыслей которого было то, что левые в России на сегодняшний день находятся в докружковой стадии развития. То есть, по его мнению, левым предстоит ещё проделать большой путь до перехода к строительству своих настоящих организаций, способных воздействовать на общество. В ближайшее же время мы, по мнению Тарасова, будем переживать некий продолжительный период выработки теоретических и политических основ для будущего формирования российской левой, которая будет в состоянии стать какой-то значимой общественной силой. Насколько это утверждение совпадает с вашими ощущениями?

Мне Тарасов интересен скорее не как эксперт, а как симптом. Как типаж марксистско-ленинской догматики — он хорошо передаёт её настроения. Они всё ещё пытаются повторить тот путь, который привёл Ленина к победе (если это считать победой). Сначала — кружки. Если не получаются кружки в том виде, в котором они были в XIX веке, нужно биться в эту стену, пока не получится.

Проблема левого движения — в его догматах, и чтобы идти дальше, нужно выйти за их пределы. Я не против политучёбы, необходимо изучать идейный инструментарий социалистической мысли прошлого, который куда шире марксистской ортодоксии. Но при этом нужно понимать, что исторический опыт никогда не повторяется целиком и в тех же формах.

Что значит «докружковая» фаза, «кружковая», «посткружковая»? Революция произошла не оттого, что кружки переросли в партию, а партия сделала революцию. Революция произошла из движения масс и

раскола в элите, а революционеры приняли в этом участие с той степенью подготовленности, которая на тот момент была. А была она, надо сказать, очень средней. Те люди, которые сыграли большую роль в революции, могли не учиться в Лонжюмо. Большинство из них не было подготовлено теоретически, иногда и просто были самоучками.

Левое движение до начала общественного подъёма всегда находится в «тусовочной стадии». В ней существуют ядра, выстраиваются связи, подбираются кадры для разных тенденций и задач.

Левая мысль развивается не в замкнутых кружках самообразования, а в книгах, научных учреждениях и на дискуссионных площадках. Левым активистам необходимо вовлекаться в эти пространства, чтобы их взгляд на мир был менее догматичен, чем сейчас, но в отличие от обычных студентов и учёных они должны поверять приобретаемые знания тем, как их можно применить к созданию социализма.

Что касается людей, которые действительно серьёзно занимаются теорией, — то левому движению они по-настоящему нужны. Чтобы теория была убедительна и практически применима, следует внимательно изучать то, что было наработано нашими оппонентами, не только левыми. Я не призываю перед ними отступать, но нужно учитывать это и отвечать на новые вызовы.

Состояние левой мысли хорошо характеризует волна обсуждений и конференций в связи с юбилеем Октябрьской революции, в которых, на мой взгляд, люди показали достаточно высокий уровень анализа, в том числе круги журналов «Левая политика» и «Альтернативы». Мне довелось поучаствовать примерно в десяти общенаучных мероприятиях, и разговор был вполне серьёзный, высказывались и новые идеи. Так что положение с уровнем теории неплохое.

С другой стороны, левый актив живёт какой-то совершенно самостоятельной жизнью, и уровень теоретической подготовки там оставляет желать лучшего. И не потому, что чего-то не штудирует в кружках. С одной стороны, большинство сегодняшних леваков — люди молодые и не занимающиеся гуманитарными науками профессионально. Так что — какой спрос. Но всё-таки лозунг «Учиться, учиться и учиться» актуален именно в том значении, как завещал нам великий Ленин. Не марксизму учиться, а гуманитарным

наукам, применяя к ним марксизм и другие социалистические учения, находки современных левых мыслителей. Чтобы дело социализма было более успешно, нам нужны грамотные пропагандисты, которых поймёт не только марксист, грамотные организаторы, яркие публицисты. В «кружках» этому не учат, здесь нужен опыт и готовность учиться в обычном смысле слова. А то случись революция, опять левый актив может сыграть роль пушечного мяса, не разобравшись, куда дело идёт.

В какой-то момент кризис системы приводит к тому, что начинаются общественные сдвиги и ты можешь в них участвовать или не участвовать. Если ты к этому моменту проникся какой-то теорией, а эта теория более или менее верна и адекватна современности, то у тебя будет ясное понимание того, что нужно делать. Если ты живёшь теориями позапрошлого века, то у тебя не будет такого понимания, хотя ты всё равно будешь что-то делать, если ты человек действующий. И тогда возникает вопрос: в каком направлении, кто воспользуется твоим догматизмом и неопытностью?

Левому движению, пока мы живём в социальном затишье, нужно сделать две вещи. Первое — теоретикам нужно согласовать последние вопросы, потому что, на мой взгляд, разногласия, скажем, между мной, Кагарлицким, Бузгалиным и др. либо носят глубоко концептуальный и потому не очень актуальный характер, либо вполне разрешимы на уровне стратегии. Проблема — когда вообще нет стратегии, непонятно, что в принципе делать. А сейчас всё лучше: стратегий несколько, и авторы не могут до конца убедить друг друга.

Второе — это работоспособный аппарат, то есть люди, которые примерно понимают, в чём наша конструктивная задача, и согласны спрашивать совета у теоретиков (совета мотивированного, естественно, никакого слепого следования здесь быть не должно), но которые в состоянии выстраивать организационные структуры, полезные для наших конструктивных задач. Соответственно мы должны осознать эти наши задачи, договориться и начать выстраивать такие структуры.

Мы не должны следовать истории КПСС, нам уже не нужны теоретические кружки. То, что нам действительно нужно, — это активистские команды, способные к какой-либо деятельности вообще. Если мы поймём, что есть реальное поле воздействия на общество,

появится пространство для политического диалога между разными командами.

Если говорить о каких-то теоретических разногласиях, то их круг является уже довольно привычным и более или менее сформировавшимся. Другое дело, что в последнее время появляется масса разногласий совершенно иного уровня, вытекающих из непосредственной политики, непосредственного отношения к тем или иным явлениям. Например, для каких-то групп, которые декларируют свою приверженность марксистской традиции, оказывается невозможным сформулировать общую тактику в отношении, скажем, текущего рабочего движения или каких-то социальных инициатив, которые появляются в последние годы. Если развивать вашу мысль, то речь идёт о необходимости политической дискуссии для формирования долгосрочной политики, общей стратегии для левых. Как бы вы могли определить контуры этой дискуссии, в каких конкретных моментах вы бы исходили в постановке вопросов для её начала?

Во-первых, характер перемен, происходящих сейчас в мире. Я думаю — и здесь со мной могут согласиться многие люди, возможно, придерживающиеся даже несколько иной методологии, — что можно говорить о двух основных разнонаправленных процессах. С одной стороны, я бы сказал, крайне коряво и несбалансированно формируется новое общество, которое мы условно называем «постиндустриальным» (не вкладывая в этот сам по себе негативный термин конкретного содержания). Я предпочитаю называть его *моделирующим* — то есть это общество, основанное на некоем виртуально-культурном пространстве, где можно говорить о борьбе на уровне смыслов. И главное здесь, можем ли мы проводить через эти новые пространства свои конструктивные идеи и выстраивать внутри него нашу параллельную реальность. Ведь социализм, так же как и капитализм, сначала должен вырваться в виде некоторого сектора. Если мы можем выстроить свой сектор в этой новой реальности, мы будем двигаться к победе, не в смысле «успешности» (меня ужасно раздражало, когда Лимонов в дискуссии со мной постоянно произносил как заклинание «Мы самая успешная партия» — это как раз подчинение логике господствующих отношений), а в смысле

изменения этого мира, внедрения нашего конструктивного идеала. В то же время мы видим сегодня явное доминирование формирующейся элиты манипуляторов. Они уже контролируют те процессы, которые в 70-е годы казались нашими: формирование гражданского общества, интернет-сообщества, сетей, компьютерных технологий — всё, что создавало, казалось бы, важный ресурс возможности для выстраивания социалистического сектора, оказалось успешно поставлено к началу XXI века под контроль манипуляционной элиты.

Во-вторых, сила или слабость левого движения зависит не только от нас самих, но и от ситуации в стране. Мы должны понять, как в действительности устроена социально-политическая машина — не с точки зрения её обличения (в чём мы преуспели), а с точки зрения её использования для её качественного преобразования и для выращивания социалистического сектора.

В-третьих, по-новому встаёт вопрос о социальной базе перемен. Я вообще довольно равнодушно отношусь к рабочему движению, хотя и очень много занимался им во время «перестройки». Не стоит ставить рабочих выше или ниже остальных социальных групп. Для принципиально нового общества нужен принципиально новый социальный субъект. Социализм не мог произрасти из пролетариата, который является плоть от плоти капиталистических и индустриальных отношений. Новый слой формируется из разных страт, нужно искать, изучать этот процесс. Помогать его самосознанию. Мы в «Информационале» связываем это явление с понятием «информалиата», но во всяком случае речь идёт не о пролетариате как главном субъекте. Его предел мечтаний — социальное государство, и уже при переходе к самоуправлению возникают трудности качественного преобразования пролетарской психологии, которые должны быть осознаны, как и трудности, связанные с психологией интеллигенции и других индустриальных слоёв, которым предстоит качественно преобразиться (по сути исчезнуть) при переходе к социализму.

Рабочий, для того чтобы захотеть большего, чем отношения, в которых он существует, должен сначала уйти с фабрики, или фабрика должна качественно измениться, уйти от жёсткой специализации. Люди, которых я видел в «перестройку» и которые хотели большего, они таки как раз с фабрик ушли. Тред-юнионистские задачи, которыми

сейчас увлечены многие «левые», — это, мягко говоря, растрата сил на тренировку. Можно и нужно помогать людям, столкнувшимся с бедой. И я это поддерживаю — так же, как жилищные движения, которыми я занимаюсь. Но каждая жилищная инициатива, одержав победу, тут же распадается. Потому что люди все разные: от них отстали власти со своим наездом, феодалов удалось отбить (что редко получается, и поэтому это движение на самом деле бессмертно), но если получается, то люди быстро успокаиваются и расходятся. С пролетариатом я также наблюдал подобный эффект. Конечно, работники остаются на фабриках, но в случае успеха они не спрашивают «А что дальше?» и «Как мы пойдём к социализму?». Они говорят «Спасибо, ребята!».

Нужно искать *информалов* везде: в рабочей среде и не только.

Тогда возникает вопрос: если социализм — это определённый сформулированный проект, то каким образом он может быть востребован в качестве действенной, активной идеи? Кем востребован, по каким причинам? Скажем, я категорически не согласен с вашим мнением по поводу рабочих. И не потому, что я тред-юнионист и идеализирую профсоюзы, но просто потому, что вижу, как в развивающемся профсоюзном движении постепенно рождаются новые, долговременные и сложные задачи. Важный шаг, по моему мнению, заключается в том, что в предшествующий период любые рабочие инициативы заканчивались там, где решалась та конкретная проблема, ради которой эти инициативы появлялись. Например, выбить задолженность по зарплате за несколько месяцев. Сегодня рабочее движение приходит к созданию организаций, которые не распадаются после решения конкретной задачи, а, наоборот, переходят к решению задач, которые следуют за первоначальной задачей.

Не вижу, чем это противоречит сказанному мной. Создаются рабочие организации — ну и что тут социалистического? Если бы они брали в свои руки управление и организовывали его на новых началах сетевого самоуправления — тогда да. Но встали бы вопросы: а остались ли участники движения рабочими, и почему часть работников покинула предприятие. Потому что они хотят остаться рабочими, а не «грузиться» сложными проблемами управления предприятием.

У меня по этому поводу возникает такая аналогия: соотношения задач *информалиста* и пролетариата такое же, как в марксистско-ленинской традиции — соотношение задач пролетариата и крестьянства. То есть крестьянские революционеры в этой концепции могли с трудом дотащить крестьян до решения задач социализма. Это считалось очень трудным, проще было работать с пролетариатом, который был более адекватен марксистским задачам. На самом деле, на тот момент это были задачи модернизации. Так что здесь была определённая адекватность эпохе. В принципе, можно тащить рабочих в направлении социализма, но дотащить можно очень небольшую часть, и те, кто в конце концов начинает заниматься самоуправлением на производстве, становятся информалами. Возникают элементы производственного самоуправления, но в индустриальной системе это сталкивается с огромными трудностями. В конечном итоге, если социалистический сектор победит, индустриальный сектор всё же сохранится, и там организация рабочего класса будет близка к тому, что сейчас является идеалом рабочего движения — самоуправляющиеся коллективы работников, которые в силу автоматизации всё больше будут превращаться в техническую интеллигенцию. То есть, собственно, выходить за рамки своего класса. Мне приходилось наблюдать, как рабочие приближаются к этой планке и после этого начинают редеть их ряды. Но я с уважением отношусь к работе в среде пролетариата, потому что она позволяет выделять кадры потенциальных *информалов*. То есть те немногие, кто эту планку переходит, — это единичные предприятия или, по большей части, отдельные люди, которые от имени коллектива реализуют его потенциал. Это всё полезно, но закрепить успехи можно, только переводя эту проблематику на постиндустриальные рельсы. Если предприятие стало самоуправляться, нужно скорейшим образом внедрять там информационные технологии, автоматизацию, чтобы люди не успели разочароваться, — потому что разочаруются они уже через год. Это возможно, если участники проекта сознательно стремятся к социализму.

В вопросе о том, каким образом социализм может быть востребован в качестве действенной идеи и кем, я скорее ближе к Михайловскому, чем к Марксу: востребован не классом пролетариата, а человеком и для человека. Независимо от наших социальных

функций, в каждом из нас живёт человек, которого мучает Система. Кто-то работает в офисе или на конвейере, он инструмент — но в нём живёт человек. Он робот, в котором живёт человек, — и это сводит его с ума. Только для человека нужен социализм, а для всего остального есть просто разные социальные ниши. Так, феодальные ниши нужны для животного внутри нас. Это тоже тяжёлая проблема для социализма, потому что животное начало в нас тоже не умрёт, оно будет бунтовать, будет говорить о том, что «все эти ваши интеллектуальные штуки скучны, а я хочу поесть хорошо, пожить красиво».

Из разных социальных ниш существуют различные пути в *информалиат*, но также различными были пути в пролетариат. Напомню, что пролетарии первой половины XX века — это вчерашние крестьяне, а иногда даже дворяне или разорившиеся буржуа. Так же будет и с *информалиатом*.

* Это рабочие, которые хотят самоуправления. Бороться за рост зарплаты и социальные гарантии — это хорошо, но самоуправление — совсем другое. Это самостоятельное решение производственных вопросов, создание новых прорывных технологий, которые вытянут экономику за несколько лет. Сейчас, к сожалению, законодательством и рэкетом абсолютно заблокирована возможность для инноваций.

* Это мелкие буржуа — причём под мелкой буржуазией я понимаю не крестьян и ремесленников, но тех, кто, нанимая рабочую силу, сам участвует в производстве. Если он сделает из своего дела коллектив, то есть лишит себя прав собственника, сохранив какие-то полезные функции, возникнет *информалиат*.

* Это интеллигенция, которая пытается реализовать свой проект самостоятельно или в группе, но минуя индустриальные глобальные центры. Тогда работник перестаёт быть интеллигентом в социальном смысле слова, потому что интеллигенция — это ниша либо фабричного производства, либо научной машины. Даже ремесленник может стать *информалом*, если начнёт встраиваться в сетевую систему, систему самоуправления, думать о социализме, об искусстве своего труда, устанавливать прямой контакт с потребителем.

То есть возвыситься до *информалиата* может представитель любого слоя и любой маргинал, но это требует определённых усилий. Именно этих усилий так не хватает левым активистам. Недостаточно

дисциплины обязательств. Ты ничего не сможешь сделать, если ты творческая личность, а обязательств не выполняешь. Нужны деловые качества и способность реализовывать их в коллективе.

Многие люди не в состоянии жить, когда нужно отвечать за себя. Кстати, о пролетариате: рядовой рабочий не хочет за себя отвечать, его так приучили. Но если ты не можешь за себя отвечать, должны быть люди, которые помогают тебе не как хозяева (выстраивают тебя, дают поручения и гребут себе всё в карман), но как агенты, как партнёры. Это один из путей в социализм для людей, которые привыкли жить при капитализме и бюрократизме. Жить при социализме, вообще говоря, непросто, потому что нужно быть Человеком с большой буквы, а животным быть проще всего. При социализме ты трудишься всё время. Вот я тружусь всё время, у меня нет выходных, в своей жизни я сплю, ем и тружусь. Социализм основан на творческой деятельности, а она увлекает, освобождает от труда. Социализм — это креативное общество, где все занимаются творчеством. Возможно ли это? Я считаю, что возможно, всем остальным должны заниматься автоматы.

У меня вопрос на уточнение: что такое социалистический сектор в вашем понимании и как он может выглядеть сегодня?

Социалистический сектор — это та часть общества, в котором осуществляется производящая деятельность без эксплуатации и социально-закреплённого господства. Если капитализм и бюрократия основаны на вертикальных, иерархических отношениях, то социалистический сектор — на горизонтальных, равноправных, сетевых отношениях. Это система самоорганизации, самоуправления и гражданской самозащиты. Эта сеть должна быть автономной, а по возможности и наступательной в отношении смыслового пространства, которое сейчас используется, прежде всего для контроля властных элит над человеком. Говоря коротко, социализм — это самоуправление. В условиях, о которых я говорю, это общественное владение смыслами, информацией и производством. Производство сейчас поставлено в зависимость от информационных потоков.

Это новое явление, и мы не можем до конца быть уверенными в том, какое развитие оно получит в дальнейшем. Следовательно, новая формация, в которую мы входим, может выглядеть очень по-разному. Так же, как социальное государство и развитое индустриальное

общество нашло своё выражение в «рузвельтианской», гитлеровской, сталинской моделях или в модели «шведского социализма», так же и эта новая *моделирующая* формация может оказаться сверхтоталитарной или плюралистической. Обернётся ли она промыванием мозгов, или это будет всё-таки сбалансированная система, где манипуляторы и социалистический сектор будут уравнивать друг друга? Это напрямую зависит от нас.

Пока мы видим, что тоталитарная манипулятивная вертикаль выстраивается быстрее, чем выстраивается социалистическая «горизонталь».

Теперь что же с Россией?

В глобализованном мире страны «первого мира» представляют собой что-то вроде офисного центра мировой фабрики. Страны «второго мира» превращаются в специализированные подсистемы, созданные для чего-то одного. Эти как бы филиалы фирмы, сборочные цеха. А есть страны, которые просто отбрасываются в «третий мир», откуда качают ресурсы. Больше они ни для чего не предназначены в этой системе. И наша страна зависла между «вторым» и «третьим». Притом что она стремительно сдвигается к «третьему». То есть происходят довольно бурные процессы регресса и возвращения обычных феодальных отношений. И только сохранение людей, которые ещё несут в себе советскую рациональную культуру, поскольку они в ней родились и выросли, оставляют нас на плаву вообще остаточного индустриального общества.

После того, как в период «перестройки» мы не смогли преодолеть барьер постиндустриальных задач, ударились об него, страна стала сползать назад, началась эпоха регресса. Мы сейчас как бы проходим назад то, что с кровью советское общество проходило в XX веке, но вперёд. Сталинская катастрофа (а это, несомненно, катастрофа, я совершенно не являюсь её адвокатом), была ужасной ценой за некоторый результат, за жизнь советского общества в 50-60-70-е годы с её культурными достижениями и проблемами. А сейчас мы бросаем все достижения, возвращаемся назад, в перспективе — с теми же ужасами, потому что рефеодализация — это в том числе и феодальная резня, уничтожение рациональной культуры. Соответственно, перед Россией и всем бывшим советским пространством стоит задача: это, во-первых, регенерация того, что было завоёвано, — это решение тех

задач, которые не смогла решить «перестройка» (потому что «перестройка» — это процесс, потерпевший поражение, после чего и начался этот регресс), и после этого только мы выходим на уровень мировых задач создания моделирующего общества с сильным социалистическим полюсом.

Вот это смешение двух проблем — это и наша сила, и наша слабость. Сила в том, что первый блин — всегда комом. Запад на всех парах идёт к катастрофе, к тяжёлому переходу в некое неведомое нам будущее. Скорее всего, в крайне несовершенной форме. Вспомним Францию с её якобинцами — прямо скажем, не лучший вариант перехода к либерализму. А мы — во втором эшелоне, сможем использовать чужой опыт.

Кстати, согласны ли вы с утверждением, популярным во Франции, что Саркози — это полная отмена той политической системы, которая существовала во Франции после Второй мировой войны? Некоторые вообще говорят, что Саркози — это некий новый вариант петенизма. Насколько то, что связано с политикой Саркози, можно воспринимать как определённую реакцию, регресс, сопоставимый с реакцией на постсоветском пространстве?

Нет, думаю, что здесь французская интеллигенция перепугалась сверх меры. Дело в том, что Саркози — это большое шоу, и, как всякое большое шоу, он совершенно адекватен эпохе. Никаких структурных изменений во Франции не произошло, потому что после Второй мировой войны там было две республики. Четвёртая и Пятая. Саркози — классика Пятой республики, эпигон голлизма, но только плюс большое шоу.

Главная идея — это разрыв с общественным консенсусом, который олицетворяло голлистское правительство.

У де Голля не было общественного консенсуса, он никогда не был тотально популярен. В конце концов, де Голль — это 1968 год. Саркози ещё не сталкивался с таким масштабом протестов, как де Голль и его «консенсус». У Саркози сейчас проблемы с этносами и гораздо более слабые проблемы со студенческим движением, чем были у де Голля. Если Франция и вообще вся Европа встанет перед новыми вызовами в

связи с грядущим глобальным экономическим кризисом, то и Саркози станет деятелем, а не имитатором. Тогда и оценим, кто он — Муссолини или мыльный пузырь. Это нам неизвестно, потому что это, прежде всего, неизвестно самому Саркози. Давайте судить по делам. Саркози — это чуть более жёсткая реакция на расовые волнения, чем было до сих пор. Более того, подобная реакция была впервые опробована Маргарет Тэтчер с её борьбой с иммиграцией. Это достаточно давняя проблема, и все знают, что для Европы сейчас она стоит довольно остро, но никто не знает, что с этим делать.

У французов ситуация сейчас очень незавидная. И при всех наших проблемах, один наш эмигрант сказал мне в Париже: «У вас варвары ещё идут, а у нас варвары уже пришли». Здесь нет никакого расистского подтекста. Это скорее катастрофичность мышления, которая сейчас там распространена в силу безысходности, незнания и непонимания того, что нужно делать с национальнокультурной проблемой.

Капитулянта Петена я бы тут не стал приплетать лишь для того, чтобы оскорбить Саркози, который, между нами говоря, и так достаточно ничтожен, чтобы ещё поднимать из могилы такие фигуры, как Петен.

Речь идёт, прежде всего, об атаке на основы социального государства во Франции.

По сравнению с Шираком пока ничего нового не произошло. При Шираке происходил очень сильный демонтаж социального государства. Более того, это универсальная тенденция, начиная опять же, с Рейгана и Тэтчер. То есть сейчас в мире идёт противоборство двух основных лагерей: неоконсерваторы и социал-либералы. Саркози принадлежит к неоконсервативной глобальной партии и в этом отношении он не более француз, чем Меркель — немка. Они, конечно же, имеют свои национальные особенности, потому что есть рудиментарные национальные интересы в рамках ЕС. Но у них есть глобальное видение и действуют они, в принципе, одинаково — это неуважение к социальному государству как к самоценности. Социал-либералы же имеют уважение к социальному государству как к самоценности и всё равно его демонтируют. Но при этом им стыдно, они краснеют и кричат на Саркози и ему подобных правых.

Следовательно, при нюансах в психологии и бэкграунде, есть некие общие вынужденные шаги, которые связаны с кризисом welfare state. Этот кризис не упал с неба, просто неолиберальный ответ на него — это путь в тупик, потому что социальное государство нужно было для лечения болезней, созданных либеральной экономикой. Если они демонтируют эту систему, чтобы решить современные проблемы, то они просто ещё ближе подойдут к новой великой депрессии. Сторонникам социализма остаётся по этому поводу пожимать плечами, не особо переживая за судьбу «социального государства». Ведь оно ценно для нас не само по себе, но как платформа для движения к социализму.

Из нарастающего на Западе социально-экономического и национально-культурного кризиса нет иного пути, кроме социализма, но социализм на Западе является моветоном. У нас ситуация лучше, потому что социализм у нас — это важная составляющая менталитета.

Для простого человека социализм — это ностальгия, которую эрэфия не смогла никак изжить. В советское время можно было ностальгировать по Российской империи, но было понятно, что всё это уже далеко позади. Советский человек уже не хотел жить как рабочий при царе. Эрэфия не смогла создать что-то лучшее, поэтому социалистическое наследие (хотя в СССР и не было социализма, но существовал социалистический проект), некая культура социалистического мышления, гуманистические корни социализма живы. Причём даже не только марксистские элементы социализма, потому что мы изучали Чернышевского, Герцена, сохранилось многое от общинных традиций самоуправления, это тоже всё пока не умерло.

Наследие социалистического проекта может помочь и в деле *ремодернизации*. мы должны настигнуть то, что было разрушено буржуазно-феодальными кланами за 1990-2000-е годы. К сожалению, процесс регресса продолжается, вся эта телевизионная пропаганда «брежневского» типа о том, что мы достигли огромных успехов или хотя бы остановили падение, — это, к сожалению, не подтверждается материалом. У них, как выяснилось, ГЛОНАСС не работает — это как символ эпохи. Они это уже не умеют делать, потому что и здесь люди назначаются по феодальному принципу, по принципу блата и коррупции — поэтому даже инженерное сословие не может реализоваться в этой системе.

Но нам нужно не просто остановить регресс. Наша задача — создание социалистического сектора, способного производить потребительский продукт лучше, чем другие секторы. Двигаясь во втором эшелоне перехода к новому обществу, мы стоим перед развилкой: либо окончательный срыв в «третий мир» с межэтнической резнёй и экологической катастрофой, либо переход от модернизации к решению всё тех же социалистических задач, которые оказались не по зубам «перестройке». Но всё равно нельзя двигаться вперёд, не преодолев барьер.

Социалистическим ядром модернизации могут стать разные элементы, например *наукограды* в собственном смысле этого слова (не путать с нынешними распилочно-отсосочными государственными программами, когда в какой-либо город просто кидаются деньги только потому, что «там есть ВПК», — развалившиеся, с огромными трещинами, через которые всё и растекается между карманами чиновников). Настоящие наукограды — это альтернативные поселения, в которых всё — от детского сада и кафе до сложного производства — посвящено разработке и внедрению нового продукта. Внутри этого сектора вообще не действуют привычные законы конкуренции, они могут быть заменены соревнованием, то есть борьбой не за выживание и деньги, а за престиж.

Возможности для создания таких систем есть и сейчас, но феодальные элиты не в состоянии даже понять, о чём вообще идёт речь, поэтому только в ходе определённой модернизации всё это сможет как-то состояться. В этом мы можем найти и союзников среди либералов, которые отчаялись, столкнувшись с феодалами. Капиталист даже при желании не может налаживать производство в существующих условиях, когда государство устроено в виде системы крыш. Отчаялись они и потому, что у них отняли выборы для элиты, — к чему мы должны быть достаточно равнодушны. Я, разумеется, с возмущением смотрю на фальсификацию выборов, потому что я не люблю обмана. Но это не наша игра. Даже если бы сейчас были честнейшие выборы, на которых бы, скажем, победили КПРФ и «Яблоко», душа бы моя не преисполнялась восторга, потому что ни там, ни там нет социализма. Но то, что нас вместе с либералами должно беспокоить больше, — это феодальное беззаконие. Как только

вы начинаете выстраивать что-то альтернативное, приходит рэкет (причём чаще всего в погонах), и вы ничего не можете сделать.

Может получиться, что случится дестабилизация потому, что от Кремля отвернутся покровители из рядов мироправителей. Ни для кого не секрет, что та элита, которую мы сейчас имеем, — это топ-менеджеры территории «Россия» в корпорации «Земля». Как выразился один высокопоставленный чиновник, «Мы хотим иметь своё место в совете директоров корпорации “Земля”», это их философия. Но сейчас их пускают разве что в приёмную. Поэтому они и лаются так по телевидению на Америку, потому что в Америке сейчас придёт новое начальство, и нужно будет показать ему, что «мы-де враги старого». Но если у мирового начальства начнутся большие проблемы, то та ниточка, на которой они висят наши топ-менеджеры, тоже может лопнуть. Тогда их начнут рвать свои, может произойти какая-нибудь смута.

Поэтому меня не пугает «бархатная революция». Но, в отличие от либералов, нам, левым, нужно нечто большее. Я критикую «оранжевую революцию» не потому, что она несёт нестабильность. Стабильность регресса — это зло. Но в ходе «оранжевой революции» огромный потенциал уходит в свисток, а он мог бы сделать полезную работу. Когда телевизор и социальные проблемы выведут народ на улицы, у нас появится большая и серьёзная задача, к которой мы должны готовиться заранее. Нельзя допустить, чтобы люди свалили одних олигархов, чтобы привести других и разойтись с чувством выполненного долга. В случае развития «оранжевых» процессов важно, чтобы на этом фоне появились красные пятна — например, Советы, которые берут на себя контроль над выполнением социальных требований «майданов». А можно и без майданов — лишь бы низовая самоорганизация взяла на себя контроль над ситуацией в районе, на предприятии и т. д.

Необходимо перевести «оранжевую» революцию в «советскую». Кстати, развитие советской самоорганизации может стать и способом предотвращения «оранжевой революции» как излишней.

Наш лозунг, и понимание того, что нужно делать, здесь очень простые — советская самоорганизация. Я не против профсоюзов, не против вообще правозащитной деятельности. Но эта деятельность

имеет смысл для левых прежде всего в увязке с движением к социализму.

Протестная активность сближает либералов и тред-юнионистов, а последние сейчас крайне распространены в левом движении, которое от этого становится не красным, а скорее розовым. То, чем занимается ИКД, и о чём мы постоянно спорим с Карин Клеман: нужно или нет вносить социализм в протестное движение? Я считаю, что это жизненно необходимо, потому что когда этих же самых людей морковкой свободы поведут на улицу, они уже должны держать в голове сформированную социалистическую идею, идею самоорганизации, самоуправления, изменения структур. А если мы только в момент подъёма начнём об этом говорить, то наш голос просто не будет услышан в общем скандировании популярных фамилий. А если мы будем скандировать: «Советы!» и все будут понимать, о чём это и что нужно делать, то есть шанс продолжить движение.

Здесь возникает вопрос, связанный опять-таки с социализмом и с так называемой советской идеей. Насколько я понимаю, социализм в вашей интерпретации выступает как некая система ценностей, отношений и общественного пространства...

Социализм — это система социальных отношений. Но, конечно, она основана на ценностях и идейной традиции. Я как раз только что закончил свою книгу о социалистических идеях. Сначала я хотел написать книгу о XXI веке, у меня довольно много статей на эту тему. Но у нас, историков, так принято, что для начала нужно было рассмотреть источники и литературу. Источники — понятно, это тенденции общественного развития, а литература началась тогда, когда начали писать об отношениях, следующих за капиталистическими. Социализм возник на перекрестье ценностей гуманизма, справедливости и духовности. Я человек верующий, и заветы Христа, по мне, вполне социалистичны и даже коммунистичны.

Но социализм при этом настаивает, что осуществить такие этические заветы можно, если к тому есть общественные условия. И мы должны бороться за создания системы отношений, которая поможет человеку жить в соответствии с высокими ценностями.

Во-первых, социализм — это общество без классового разделения, без господствующей элиты и трудящихся классов. Господствующий класс тоже выполняет определённые полезные функции, но при этом сам определяет, что полезно, а что нет, и в этом отношении он явно выделяется своей склонностью к тому, чтобы паразитировать. Это разделение было в СССР — и поэтому это был не социализм, это разделение было и есть в Швеции — и поэтому это тоже не социализм. Можно меня спросить: почему это я вдруг присвоил себе такое право говорить, что такое социализм? Я имею на это право, потому что я пользуюсь критерием отцов социализма. Они сообщили нам, что такое социализм. Маркс, Прудон, Бакунин, Герцен — все они согласны в этом. И когда товарищ Сталин сообщил, что он построил социализм, многие за рубежом СССР с этим не согласились — то, что построено, не соответствует критерию отсутствия эксплуататорских классов (господствующей элиты). Это как сейчас фирмы рекламируют продукцию: мы применяем нанотехнологии. Вот социализм Сталина — это такие же самозванные нанотехнологии, реклама, под которой нет реальности социализма. Итак, если социализм — это общество как минимум социального равноправия, мы можем сделать следующий, чисто логический вывод — это общество под контролем самого общества. Феодализм — общество под контролем феодальной элиты. Капитализм — общество под контролем капиталистической элиты, капитала как структуры. Социализм — это то общество, тот социум, который контролирует сам себя. И здесь есть ряд серьёзных претензий к марксистской теории: если общество развивается по единому плану, значит, каждый подчиняется плану, значит, все должны подчиниться воле плановиков. Социализм не может быть строго централизован — иначе возникает управленческая каста. Социализм может состоять из самоуправляющихся сообществ, которые связаны сетью координации. И здесь мы — марксисты и постнародники, постанархисты — социалисты в широком смысле слова, можем согласиться друг с другом. Мы можем по-разному вырабатывать и понимать механизмы самоуправления, но всем должно быть ясно: как только возникает каста, господствующая элита, о социализме не может быть и речи.

Это не значит, что мы должны проклинать общество, возникшее в СССР. Это было индустриальное общество и социальное государство.

У него были важные достижения, которые мы должны признавать как основу для дальнейшего движения к социализму. Социалистический проект пропитал советскую культуру, и это важное наследие и опора для нашей работы.

Социалистический сектор мы можем не только себе представить, но и непосредственно попытаться построить. Я сам участвовал в ряде экспериментов подобного рода. Не все они были удачны, но все поучительны. Самый классический пример — это поселение «Китеж», община, существующая до сих пор, но не позиционирующая себя как социалистический проект. Самоуправление там существует до сих пор, хотя многое осуществить не удалось. Весь опыт «Китежа» ещё раз доказывает, что сектор должен быть достаточно сильным для того, чтобы стать социалистическим, и окончательно социалистическим он становится только победив, став доминирующим, хотя какие-то элементы других отношений, многосекторности, будут сохраняться и в далёком будущем. Сейчас мы экспериментируем с социалистическими способами принятия решений в «Советском возрождении».

Таким образом, социализм — это общество под контролем общества или сообществ, без господствующей элиты, касты. И для меня (здесь я представляю народническую тенденцию) — это общество самоуправления. Я понимаю недостатки самоуправления, но я так же хорошо понимаю недостатки централизации, и нужно искать, как это можно сбалансировать в координации. Это интересный вопрос конструктивного социализма. И выход здесь есть — это федерализм. Эту концепцию при всём своём категорическом централизме принял даже Маркс, поддержав Парижскую Коммуну. Маркс, сказав, что Коммуна — это то, что он понимает под диктатурой пролетариата, поддержал как минимум политический федерализм прудонистов. Ленин подтвердил эту мысль в «Государстве и революции».

Советы — это и есть федерализм, это и есть то соединение центра и самоуправления, которое позволяет выйти за рамки двух полюсов и распространить самоуправление на целое поле, то есть построить демократию без кавычек, которая действительно выражает волю организованных работников. Именно поэтому Советы — наш центральный политический лозунг. Он может сработать, когда будет рушиться политическая система, а пока она тверда, есть смысл

выстраивать элементы самоуправления, сети, каркас будущего социалистического сектора.

ДИСКУССИЯ

Всё это может кончиться взрывом!

С известным социологом, профессором Высшей школы экономики Овсеем Ирмовичем Шкаратаном беседует Анна Очкина

Овсей Ирмович, вы давно работаете в области социологии, у вас огромное количество междисциплинарных исследований актуальных проблем российского общества. Я знаю, что вы занимались и урбанистикой, и демографией, и социологией труда, хотя ядром вашей исследовательской деятельности, как мне представляется, является всё же социальное неравенство. Если возможно, давайте построим нашу беседу следующим образом. Вы сначала дадите общую характеристику социальной структуры и важнейших процессов в нашем сегодняшнем обществе, а потом мы поговорим о деталях, учитывая ваш огромный исследовательский и жизненный опыт. Итак, первый вопрос. Как коротко вы можете оценить современное социально-экономическое состояние России?

После 15 лет трансформаций можно уверенно сказать, что Россия не совершила перехода к либеральной рыночной экономике. Трансформационный период 1990-х годов привёл нашу экономику не только к резкому уменьшению её масштабов, но и к сильнейшим структурным деформациям. Так, увеличение ВВП, которое наблюдается начиная с 1999 года, обеспечивается преимущественно экспортом энергоносителей и ростом торговли, а не наращиванием производства продукции с высокой добавленной стоимостью. По мнению многих аналитиков, технологические сдвиги в российской экономике приобрели явно регрессивный характер и выразились в деградации её научно-производственного потенциала.

Очевидно, что перспективы развития нашей страны от сырьевого придатка ядра миросистемы к клубу государств с современной экономикой зависят прежде всего от российских правящих слоёв. Состав же этих слоёв предопределён характером экономики. Несмотря на успехи последних лет, в частности, расширение экспорта

отечественного военно-промышленного комплекса, реально российская экономика полностью зависит от сырьевого сектора, и, соответственно, правящий слой формируют те, кто контролирует экспорт минерального сырья, прежде всего газа и нефти. Эти экспортёры отечественных сырьевых ресурсов относятся к разряду «компрадоров-буржуа», то есть предпринимателей, чьё благополучие зависит не от внутренних, а от внешних экономических и политических факторов. Можно выделить три группы компрадорской буржуазии. Во-первых, это крупные экспортёры минерального сырья и обслуживающая их финансовая аристократия, не ощущающая твёрдой правовой опоры ввиду спорной легитимности приватизированной собственности на природные ресурсы. Недаром многие из них стремятся выгодно продать свой бизнес, переводя капиталы на Запад. Эта группировка придерживается ультралиберальных, отчётливо антиэтатистских взглядов. Наряду с ними является влиятельной та часть российских компрадоров, которые не собираются в ближайшее время отказываться от собственности в России, а, напротив, стремятся легализовать свои капиталы. Вне пределов их делового внимания оказывается всё, что относится к сегменту экономики знания, к стратегическим сегментам таких секторов экономики, как трансформационный, распределительные услуги, социальные услуги. Ещё одна, самая влиятельная, группа компрадоров — это государственники, контролирующие газовый и нефтяной экспорт. Эти люди сохраняют черты классических компрадоров, поскольку ставят запросы внешнего рынка выше интересов национального развития. У всех этих группировок компрадорской направленности нет надёжной, по-настоящему долгосрочной поддержки внутри страны. Единственным антагонистом всей совокупности российских компрадоров выступает национальная буржуазия, тесно связанная с национальной промышленностью и замкнутая на внутренний рынок.

Вариативность возможных сценариев развития России предопределяется исходом противостояния компрадорского и национального капиталов. До сих пор властвовал компрадорский капитал, взаимодействовавший с коррумпированным чиновничеством. И пока сохраняется такая тенденция, нас ожидает латиноамериканский, в частности, аргентинский путь развития, основанный на доминировании сырьевого сектора. Но не столь уж

экономически слаб сосредоточенный по преимуществу в провинции национальный капитал. Сохраняют свой потенциал широкие круги научной и инженерной интеллигенции и высококвалифицированной части рабочих, которые прекрасно осознают свою общность и понимают отсутствие будущности в рамках «латиноамериканского» пути развития. Это в основном масса людей, сосредоточенная в военно-промышленных организациях, в производствах с высокими технологиями.

Не исключено, что стране удастся изменить траекторию движения, встать на путь становления информационной экономики. В этом случае изменится и характер отношений, станет реальностью социальное государство, что для России с её общинным сознанием и традициями взаимопомощи — наиболее адекватная перспектива.

Другими словами, нельзя допускать, как проповедают неолибералы, стихийно-инерционного развития страны на основе свободной игры рыночных сил. Общество, десятилетиями жившее в условиях директивно-плановой экономики и патернализма, не может естественным образом в немыслимо короткие сроки адаптироваться к столь резким переменам лишь посредством спонтанных процессов социальной саморегуляции и самоорганизации. Обеспечение устойчивого развития страны требует комбинации саморегулирования на основе рыночных сил и государственного регулирования.

Каковы же возможности выхода России из состояния экономической отсталости, пребывания её в качестве сырьевого придатка к постиндустриальным странам, образующим ядро современной миросистемы? В ваших работах можно найти чёткий и убедительный ответ на этот вопрос. Не поясните ли его нашим читателям?

Речь не может идти только о темпах экономического роста, удвоении, утроении и т. п. ВВП, росте общественного и индивидуального благосостояния. Речь должна идти именно о *развитии*, то есть о качественном изменении российской экономики и общества в целом. А это значит, что стоит вопрос о движении России к постиндустриальному обществу. Точнее сказать, к информационному обществу и соответствующей ему экономике, к информационному и глобализированному типу экономики и общества в целом. Речь идёт об

экономике, в которой, как точно сформулировал Кастельс^[6], источник производительности заключается в технологиях генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации. Речь идёт об обществе, специфическим способом развития которого является воздействие знания на само знание как главный источник производительности. Такая экономика может существовать только как глобальная. Это такая экономика, которая способна работать в режиме реального времени в масштабе всей планеты. Это подход Кастельса, до него ничего подобного не было, и это очень важно. Сложившаяся в последние два десятилетия XX века экономика нового типа именуется им информационной и глобальной в отличие от мировой экономики, существующей на Западе с XVI века, суть которой (согласно Ф. Броделю и И. Валлерстайну) в том, что процесс накопления капитала происходит по всему миру.

Сущность информационной экономики вы вместе с вашими коллегами выразили через соответствующую классификацию секторов и отраслей этой экономики. Насколько я понимаю, в социально-экономической теории это сделано впервые. Не могли бы вы пояснить сущность и значение этой идеи для экономической теории и социальной практики.

Важнейший вопрос в связи с переходом к принципиально новой, информационной экономике, это вопрос о том, *кто* является ключевым действующим лицом начавшейся (или грядущей) революции. И чтобы это обнаружить, необходимо сконструировать новую классификацию экономических отраслей, раскрывающую происходящие изменения в структуре и характере развития экономики. Представления о структуре экономики постоянно изменялись и развивались вместе с изменением и развитием самой экономики. Но до сих пор ни у одного исследователя не выделены обособленно отрасли, являющиеся ключевыми в современной экономике, то есть отрасли, связанные с производством знаний и информационными технологиями. Между тем это крайне важно для сознательного, целенаправленного, активного воздействия государства и общества на трансформационные процессы. Ведь именно здесь и кроется ответ на вопрос, *что* делать, *что* следует развивать, на *что* нужно обратить особое внимание. Это важнейший вопрос для определения адекватной

экономической политики. Некое активистское восприятие трансформационных процессов в нашем обществе начинает складываться. Оно предполагает поиск «зёрен» новой экономики — активных участников информациональной сферы. При этом мы должны искать не креативно ориентированных представителей традиционных видов экономической деятельности, а тех акторов экономики, чья инновационность и креативность являются не просто свидетельством их передовых позиций в традиционных видах деятельности, а естественным компонентом их функциональности. Новое структурирование экономики позволяет сделать очень важный для России вывод. Он такой: акторами информационной экономики в России могут быть не просто креативно ориентированные, передовые представители традиционных видов экономической деятельности, но те люди, те работники, чья инновационность органически связана с их функциями, является сутью и задачей их деятельности. Ключевые для экономического развития страны отрасли мы сгруппировали в три дополнительных самостоятельных сектора:

- 1) сектор производства знания;
- 2) сектор производства информационных технологий (средств обработки и распространения информации);
- 3) сектор распространения информации и культурных услуг.

В этих секторах новейшей экономики и складываются силы, которые могут содействовать подлинному современному развитию России.

Образование вы не включаете ни в один из инновационных секторов, вы считаете, что оно — только область социальных услуг? Между тем театры, музыка, киноиндустрия включены в инновационный сектор распространения информации и культурных услуг. Не приведёт ли это к недооценке образования как фактора развития России? Можно ли создать информационную экономику, креативную, социально ответственную в своей сути без креативного (*производящего подлинные знания*) образования?

Образование — трансляция знаний, а не их производство.

Мой опыт работы, уважение к своей профессии заставляют всё-таки с этим не согласиться. Транслирует магнитофон. Хороший, настоящий учитель вновь и вновь творит, пусть уже и имеющиеся знания, *вместе* со своими учениками, научая их вместе с этим творчеству и накапливая новые элементы (пусть и мелкие, на уровне индивидуального понимания даже) знания. Опасаюсь, что отнесение образования только к сфере социальных услуг может послужить (и уже служит) его формализации, стандартизации и т. п. Это закрывает путь к совершенствованию нашего весьма ослабевшего образования. Но тогда о каком инновационном развитии может идти речь? Где же они будут готовиться, эти активные участники инновационного процесса?

У традиционных профессионалов меньше мотивация к переобучению, больше моральной мотивации, они не идентифицируют себя как «средний класс». Наши нынешние врачи, учителя привязаны к своему рабочему месту, закрепощены. Простой учитель, ну куда он денется? Перейдёт в другую школу? Так там не лучше. Этот слой не имеет возможности развиваться, что не позволяет ему стать влиятельной общественной силой.

Теория современного социально-экономического процесса, о которой мы уже говорили, неразрывно связана, как вы это показали, с признанием формирования в этом процессе нового «среднего класса» — менеджеров и профессионалов, — которые и являются движущей силой информационного общества. Поясните, пожалуйста, это для наших читателей.

Социально-экономические реформы привели к торможению перехода к информационной экономике и, соответственно, к суженному и деформированному воспроизводству информационных работников. Типичные представители профессионалов и менеджеров, то есть тех, кого на Западе относят к новому «среднему классу», в России стандартным критериям такого отнесения не соответствуют. Особенно те, которые заняты в добывающих отраслях, экспортных операциях, в государственном управлении. Они к тому же компрадоры. И всё-таки в последние годы здесь наметилась определённая положительная тенденция. Она характерна, прежде всего, для Москвы, а также, в известной степени

— для крупных жизнеспособных городов: Санкт-Петербурга, Перми, Нижнего Новгорода. Особая роль принадлежит здесь Москве, которая является единственным мегаполисом в России, входящим в мировую экономическую систему. В столице значительный процент валового регионального продукта создаётся в третичном секторе. Москва обладает высоким уровнем научного потенциала. Москва может и должна выполнить функцию локомотива для развивающейся России. Новый «средний (информациональный) класс» складывается естественно. Это показали наши исследования. Реально возникает слой людей, средством производства которых являются знание, умение и желание получать знания.

Трудно вообразить, что такой сложный и всеобъемлющий процесс, как развитие общества в сторону информационного, может протекать стихийно, без целенаправленных воздействий серьёзных социальных сил. Есть ли такие социальные силы, которые могут подтолкнуть информационную трансформацию нашего общества?

Конечно, современные социально-экономические процессы не могут протекать без вмешательства государства, которое должно выполнять координирующую, стабилизирующую, защитную и так далее роль. Выполнение этих функций предполагает идеологическое, финансовое, организационное и тому подобное воздействие политических и социальных элит. Если же говорить о социально-политических силах, способных возглавить развитие России в сторону информационного общества, то важно отметить следующее. Как я уже говорил, наиболее заметная часть нашей политической элиты связана с топливно-энергетическим комплексом, экспортом сырья. Это компрадорская по своей сути социальная группа. Их бизнес, их деньги, их интересы связаны с Западом. В развитии России они не заинтересованы, развитие России подрывает их социально-экономическую базу. Чиновники, обладающие реальной экономической властью, также тесно связаны с топливно-энергетическим комплексом. Это тоже компрадоры. Однако развивается и национально ориентированная буржуазия, особенно в провинции. Она может послужить базой для формирования новой элиты, способной противостоять компрадорам и со временем

возглавить развитие России. Кроме того, нам необходимо формирование именно оппозиционных элитных групп. Без этого вряд ли удастся сориентировать социально-экономическую политику на подлинное развитие России.

В России в результате приватизации и последующего за этим разрушения производства произошло резкое обнищание народа. В последние годы положение здесь несколько улучшилось. Но сохраняется массовая бедность, и это происходит на фоне обогащения относительно небольшой части общества. Вы пишете в своих работах, что вместе с развитием инновационного общества падает уровень жизни традиционных средних слоёв, то есть проблема бедности не рассасывается сама собой, а имеет тенденцию к углублению. Какие здесь перспективы?

Никакого устойчивого развития России без преодоления бедности масс населения, особенно традиционных профессионалов (учителей, врачей, инженеров и т. п.), не может быть. Преодоление бедности, её ограничение — постоянная задача разумной экономической политики. И здесь возможны относительно резкие, но, несомненно, справедливые меры, например, компенсационный налог, отмена плоской шкалы подоходного налога. Это, помимо больших возможностей по улучшению материального положения людей, меняет в благоприятную сторону социально-нравственный климат. В России — недопустимый уровень бедности, которому не соответствует объём ресурсов государства, затрачиваемых на оказание помощи бедным. Причём я хочу обратить внимание на то, что в зоне бедности у нас оказались работающие, что, в общем, не типично для современных индустриальных государств и чего не было к концу советской власти. Работающие бедные в таком виде, в котором они появились при Ельцине, — такого явления не было. Сейчас положение с ними во многом исправляется, уже появились учителя, получающие свои 10, 15 и даже 20 тысяч рублей в месяц, что уже похоже на заработную плату, врачи, которые уже могут жить, не огородничая с утра до ночи. Но ресурсы государства сразу были расколоты по принципу «своим и не своим». А вот в Чехии этого не было совершенно, и в Чехии коэффициент социального расслоения 4,5.

А у нас?

В самом богатом городе страны, в Москве — 41. Это не мой расчёт. Я сам этими расчётами не занимался. А по России в целом я считаю, что расчёты независимых экспертов (25–26) соответствуют действительности. Официальные 15–16 — это тоже немало. Тут определённая фальсификация есть, но не слишком сильная. Даже в США — 10.

А это ведь, вообще-то, очень расколотая страна.

Это очень расколотая страна, и не надо нам брать модель США. Но так или иначе, даже там 10. Даже если не говорить о социализме, просто устойчивое развитие, включение в творческую, активную деятельность широких масс предполагает равенство шансов. Без равенства шансов ничего не будет. Я не говорю о равенстве *жизни*, я говорю о равенстве *шансов*. И всё же равенство шансов предполагает резкое выравнивание уровня жизни. Вы не можете иметь равенства шансов, если одарённый ребёнок из бедной семьи не может добраться до университета.

Как вы тогда оцениваете то оскудение общественного сектора, которое сейчас наблюдается наряду с некоторым ростом индивидуального благосостояния? Причём это оскудение предполагается реформами и неминуемо из них следует. Возьмите что угодно: реформу ЖКХ, Трудовой кодекс, реформу образования и т. д.

Даже когда неолибералы пришли к власти, они не сломали систему социального обеспечения и не уменьшили резко долю затрат на социальные расходы. Но потом ситуация стала постепенно ухудшаться. Доля социальных расходов может же уменьшаться в разных блоках.

Вот. В том-то и дело. Отдельные блоки социальных расходов могут сохраняться и даже расти (как, например, социальное обеспечение совсем бедных и нетрудоспособных), но одновременно может сужаться финансирование социальной сферы, доступной большинству и качественной.

Начнём с того, что эта адресная помощь — это вообще позорная тема. Во-первых, получается сплошная бюрократия.

И несправедливость.

Да, конечно. Потом, это дороже, чем, например, просто взять и сделать бесплатный проезд. Организация доступа к адресной помощи гораздо дороже, чем предоставление бесплатных благ. В итоге государство тратит больше, а люди получают меньше. Зато поддерживается армия чиновников. Возьмём, например, проблему ЖКХ. Её ни в коем случае не надо смешивать с проблемами остальной социальной сферы. Это не образование. Это совсем другое. Мало кто помнит, что в 1926 году было соглашение между профсоюзами, которые возглавлял великий Томский, выдающийся деятель не только партии, но и профсоюзного движения. Томский был человек независимый, решительный, так же как и тогдашний нарком труда Василий Шмидт. Они вдвоём поставили остальное правительство, в том числе и Сталина, кстати, в положение, когда с ними считались. А сами они искренне стремились учесть интересы работающих. Как бы я ни относился к советскому прошлому, это надо признать! Я своего скептического отношения никогда не скрывал, но врать не надо. Была забота о простом человеке в то время, когда во главе профсоюзов и наркомата труда стояли подобные люди, то есть пока не была разгромлена правая оппозиция. Так вот, 1926-й — год, когда готовилась индустриализация, это означало, что намечался сверхпережающий рост производительности труда, то есть предстояло достаточно жёсткое сдерживание роста заработной платы. В таких условиях нужно было дать людям гарантии, тылы, обеспечить их какими-то ресурсами. Тогда и был прекращён рост оплаты жилья. До того, худо или бедно, люди содержали жильё, многие же жили в своих собственных жилищах. А 1926 год был переломным: началось торможение платы за жильё и все коммунальные услуги. Государство взяло содержание жилья на себя, а на самом деле просто забросило эту сферу. С 1926 года мы имеем недофинансирование ЖКХ в связи с ограничением оплаты и недофинансированием со стороны государства. На каком-то этапе это, может быть, было разумно. Но, увы, инерция была такова, что жилищно-коммунальный сектор так и остался «чёрной дырой». А когда в него стали вкладывать средства,

оказалось, что устарели технологии, ушло понимание и умение эти средства использовать. Даже сейчас строят новые дома с паровым отоплением и подведением горячей воды через весь город. Это же анекдот! Так теперь нигде не строят. Оборудование квартир, тех, что называются элитными, — это в лучшем случае 80-е годы, но никак не оборудование квартир современного американского дома, скажем. Короче говоря, полуразрушенный фонд передаётся людям. Это безобразие. Вопрос о жилище должен решаться совместным обсуждением. Как быть в условиях нынешнего уровня жизни и невозможности людей содержать жильё, включая ремонт, исправление и модернизацию? Отапливать мостовые — кому это нужно? Многие другие не нужно делать. Нужно менять людей, которые этим занимаются. Я считаю, что это та сфера, куда активно можно привлекать иностранцев.

Нет, а кто за это будет платить? Население?

Я считаю, что при нынешнем расколе уровня жизни населения можно выделять типы домов, где платить будет население.

Элитные дома?

Здесь могут быть разные категории. Например, дом, в котором я живу, можно отнести к категории полуэлитных. В любом случае, он намного выше среднего. Здесь квартплата и плата за технологическое обслуживание должны быть, я считаю, несколько выше.

А не может случиться так, что дома будут отнесены к элитным и полуэлитным, а люди, получившие в них квартиры в советское время, не смогут за них платить?

Эти квартиры будут отходить более обеспеченным.

То есть сегрегация?

Сегрегация неизбежна, к сожалению. Мы зашли в такую ситуацию, когда избежать этого невозможно.

А вы уверены, что население, общество это примет?

В Москве уже принимает.

Москва всегда была более сегрегирована. А провинция?

В провинции не так много жилья, которое можно отнести к элитному.

И всё-таки есть. Там будет своя градация, нужно будет всё равно находить плательщиков, значит, сегрегация будет всё равно происходить.

Это общее явление. В такой социал-демократической стране, как Финляндия, разные районы Хельсинки заполнены разными социальными типами населения.

Я просто не уверена, что наше общество к этому готово.

Ну, общество всегда к чему-то не готово. Это объективная ситуация. И дело не в том, что у государства нет ресурсов, они у него есть. Но чтобы их эффективно использовать, необходимо решить, за что платит государство, а за что — не государство. Вот обеспечить качественное, бесплатное, но на конкурентной основе, образование, не всем, но всем достойным — это должно обеспечить государство.

А нельзя, чтобы было какое-то смешение видов жилья, чтобы избежать сегрегации, дифференциации районов?

Это не получится, в определённом смысле это даже опасно. С этим я столкнулся, работая с группой исследователей над анализом наличного жилищного фонда ещё в советское время в Ленинграде. Мы должны учитывать целый ряд факторов, определяя реальное качество и стоимость жилья: чистоту воздуха, загрязнённость почв, шум, стеновое покрытие, комфортность проживания с точки зрения социальной, транспортной инфраструктуры и т. д. Когда мы совместили всё это, мы получили полную характеристику жилья. Этот принцип, естественно, и сейчас работает. И всегда получается, что те, у кого чуть больше ресурсов, поменяются с теми, у кого ресурсов чуть меньше, и заберут у них более комфортное жильё. Обмен на рыночной основе будет происходить, он происходил даже в советское время. Так что мы от этого никуда не уйдём, нигде в мире от этого не уходят. Возможны и необходимы смягчающие мероприятия. Например, дешёвая ипотека, которая стимулирует жилищный рынок. Причём дешёвая ипотека на таких условиях, как, например, в Финляндии.

Считанные проценты ты вносишь сначала, а по мере увеличения числа детей оплата уменьшается, причём резко, почти до нуля. Это мера и эффективной демографической политики, кстати.

Раз уж мы заговорили о сегрегации и неравенстве, тогда имеет смысл поговорить о том, какие вообще реальные группы есть в России.

Сейчас мы закончили работу по выявлению реальных групп по специальной методике и, кроме того, я буду помещать в «Мире России» цикл статей по сословности в России, по новообразованным сословиям. Подчёркиваю, что нас интересуют реальные группы, а не статистические. Наши расчёты показали, что общество в России очень дисперсировано. Вот как едешь и видишь сначала плотную группу деревьев, потом отдельные деревца, перелески, степи, то есть всякие непонятности у нас с социальной структурой. Большинство населения у нас не относятся к определённым социальным группам.

То есть у нас нет сколько-нибудь чёткой социальной структуры?

Не только у нас. Вообще мир так устроен. Весь мир, кроме кастового общества, так устроен, в нём существует определённая дисперсность. Иначе общество замерло бы без движения, перестало бы воспроизводиться. Мы не просто выявляем реальные группы, мы смотрим социальное воспроизводство, то, как общество движется, изменяется. Это живая жизнь, а не фотография. Существуют так называемые идентификационные группы. Семьи, где муж и жена — в одной позиции, где воспитываются дети в одном духе. Это ядра социальной структуры. Причём, согласно нашим расчётам, ядра группируются не по всем признакам. Что интересно, такой признак, как квалификация, не работает на формирование ядер. А в советское время работал. В качестве таких признаков не работает сейчас, кстати, и человеческий капитал, социальный капитал. Это очень плохо, это означает, что страна не очень развита.

Это означает, как минимум, слабость социально-культурных связей?

Да нет, причём здесь социально-культурные связи! Общество так работает. Не нужен никому этот капитал, вот и всё. Общество воспроизводит себя, не задействуя социальный и человеческий капитал индивидов.

Но получается, что образование не является реальным капиталом и группообразующим признаком...

Вот-вот, на нём карьеру не сделаешь. В нашем обществе имеют значение власть и деньги, причём власть важнее.

Согласно вашим расчётам, у нас социальных групп, именно как социальных субъектов, нет.

Нет, в западном смысле нет.

А куда делась интеллигенция?

А её уже и нет как реальной группы. Миф остался, даже люди остались, а группы нет. 74 % респондентов в нашем исследовании — исполнители, владеющие очень небольшой собственностью или не владеющие ею. Причём у них довольно высокий средний уровень образования, среди них полно людей с высшим образованием. Сплющенное общество. 74 % — никто и звать никак. Потому что именно признаки собственности, доходов и власти определяющие, а у 74 % эти показатели низки.

Получается, что значительная часть общества не попадает в социальные группы, которые вы называете идентификационными, а следовательно, не интегрирована относительно социальных интересов, не способна формулировать и отстаивать свои требования. И нет социокультурной групповой идентификации. Тогда откуда же может взяться импульс к изменению, точнее, кто способен стимулировать такие изменения?

Такова объективная социальная картина российского общества. Мы считали, не зная, что получим.

Есть ли вообще перспективы самоорганизации, устойчивых социальных движений? Какие перспективы у левой оппозиции в таком обществе?

Такой тип общества очень неустойчив. Повторяю: 74 % в наших расчётах — никто и звать никак, исполнители, не собственники. А выборка очень представительная, она отражает реальный тип общества. России жизненно необходимо сейчас стимулирование и поддержка инновационных форм экономики, формирование соответствующих ей социальных групп, принципиально нового «среднего класса» и вместе с тем оппозиционной элиты (контрэлиты общества). А иначе знаете, чем всё это кончится? Это кончится взрывом.

И последний вопрос: над чем вы сейчас работаете?

Вместе со своими коллегами я работаю над проблемами, связанными с ролью государства в нашем обществе. В связи с этим нами обсуждается концепция неэтакратизма, влияние цивилизационных особенностей России на её развитие, будущее социализма как социальной системы. Конечно, рыночные отношения, частная собственность и либеральная демократия — скорее всего, необходимые вехи исторического развития России. Но я твёрдо убеждён в том, что гуманистической перспективой для человечества является тот образ жизни, который создать может только социализм. Но не псевдосоциализм советского образца, а социализм, который гораздо будет ближе к тому, что мы наблюдаем в таких странах, как Швеция. На чём я стою и сегодня.

Огромное спасибо, Овсей Ирмович, за содержательный и интересный разговор.

ДРУГИЕ БЕРЕГА

Мировой экономический кризис: рыба гниёт с головы ^[7]

Лукас Цайзе

Уже начало этого года ознаменовалось тем, что международный финансовый кризис, разразившийся в августе 2007-го, всерьёз затронул биржу. Курс акций упал для большинства компаний — не только у банков. Сейчас и управляющие фонды, и стратеги, и портфолио-менеджеры признают, что этот финансовый кризис означает конец бума реальной экономики. Бумом в данном случае считался гибкий рост прибыли от производства. Действительно, за период подъёма прибыли выросли почти вдвое. Ещё поздней осенью 2007 года казалось, что то, что банкиры сами называли реальной экономикой (производство, строительство, торговля, транспорт, а также различные услуги, не входящие в финансовую сферу), кризисом совершенно не затронуто. Однако от криков о кризисе инвесторы впали в истерику. Многие эксперты уверяли, что не всё плохо, а головные компании и их подразделения утверждали, что перспективы исключительно радужны. Впрочем, к концу года, когда кризис всё ещё не миновал, их голоса звучали уже не так оптимистично.

Международный

Валютный Фонд (МВФ) заявил, что этот кризис будет стоить мировой экономике половины завоеванных за последнее время процентных пунктов, но он ни в коем случае не должен завершиться спадом, даже в США, однако накануне Рождества часть экспертов всё же предсказала экономический спад в США. К такому выводу пришло большинство экономистов инвестиционных банков Нью-Йорка: Дэвид Розенберг из Merrill Lynch, Ян Хатциус из Goldman Sachs и Ричард Бернер из Morgan Stanley.

Спад вероятен

Давайте предположим, что они правы. Тогда спад в США окажет массовое давление на конъюнктуру Западной Европы, особенно на Германию, зависящую от экспортных поставок. Прямое воздействие финансового кризиса через тысячи фьючерсных и кредитных сделок на инвестиции и потребление при этом вообще не принимается в расчёт. И то, что до настоящего момента никакого видимого спада нет, — ещё не аргумент. Последний циклический конъюнктурный кризис мировой экономики проявился во внезапном обвале фондового рынка в марте 2000 года. По статистическим данным, цифры на этот злосчастный 2000 год показывают в Германии ещё один из самых высоких коэффициентов роста и вместе с тем пиковую точку цикла развития. Подъём начался через год после того, как прекратился приток инвестиций. Тот факт, что конъюнктурный цикл в Германии ещё очень молод, проник далеко не во все сферы, пока не сильно влияет на семейные бюджеты немцев и их потребительский спрос, не может успокаивать. В 2000–2001 годы подъём в Германии тоже только начинался и был при этом прерывистым, в то время как гиперспекуляция акциями интернет- и телекоммуникационных компаний привела к краху.

Некоторые эксперты утверждают, что сегодняшняя ситуация идентична той, что сложилась в 1998 году. Тогда, после азиатского кризиса и обрушения российского финансового рынка и краха инвестиционного фонда LTCM в США, мировой финансовый рынок постигла катастрофа. Однако в конце года курсы акций были выше, чем когда-либо. В сегодняшней картине есть существенное отличие от ситуации 1997–1998 годов: тогда кризис исходил с периферии мировой экономики. Прошлый процесс начался с Таиланда, а нынешний кризис начинается с метрополии, из самой сердцевины капитализма, из центра финансового рынка — а именно из США. Под вопросом находятся финансовые связи и отношения как внутри США, так и во всём остальном мире. Это чрезвычайно ярко проявилось в резком падении курса доллара по отношению ко всем мировым валютам, которое произошло осенью 2007 года. Таким образом, сегодняшний кризис сопоставим с тем, что разразился в начале 70-х годов: тогда американское правительство было вынуждено заморозить курс доллара. Валютная система, в которой все элементы взаимосвязаны, рухнула полностью.

Потребительский бум при стагнирующем доходе и снижении сбережений трудящихся

Пусковым механизмом для нынешнего кризиса послужил подрыв сектора недвижимости на рынке США. В течение многих лет уровень цен на недвижимость в жилищном секторе искусственно спекулятивно раздувался. Бум на недвижимость был в то же время серьёзным основанием для относительно непрерывного экономического роста в США. Стал возможным уверенный спрос на жилую недвижимость при быстро растущих ценах, достигнутых необычно низкими процентными ставками на аренду. Конец бума недвижимости в США был также обозначен эмиссионными банками — через повышение процентов. В течение почти двух лет цены на недвижимость больше не росли. Можно было предвидеть, что в 2007 году они начнут падать. Это и случилось.

Бум в США стал возможным ещё и из-за того, что на международном уровне сложилась новая финансовая отрасль. Она позволила гражданам США влезть в долги сильнее, чем когда-либо ранее в истории. Обычно в капиталистической национальной экономике есть предприятия, которые берут в долг, чтобы с помощью этого осуществлять инвестирование. А частные хозяйства, напротив, стараются сберечь средства. Но в США в последние годы всё пошло не так. Норма сбережений для среднестатистической семьи упала ниже нулевого уровня. Только так американцы могли увеличивать потребление в условиях почти не растущей оплаты труда, не слишком повышающейся занятости и стагнировавшем доходе.

Огромные задолженности американских частных хозяйств соответствовали колоссальному дефициту во внешнеторговом балансе и в соотношении спроса и предложения внутри страны, который начал оформляться в 90-е годы и к 2000 году ещё более разросся. Этот дефицит возник на почве совершенно абсурдной системы финансирования в мировой экономике.

Огромный спрос американских потребителей приводит в движение всю конъюктуру в мире — прежде всего в Азии, но и в

Европе. Американские семьи брали средства на эти расходы через постоянно растущие задолженности, которые снова стали возможными, поскольку процентные ставки были низкими, а также так как семьи, которые имели в собственности недвижимость, из-за растущих цен на жильё могли закладывать эту недвижимость за большие деньги. Низкие процентные ставки снова позволили, с согласия других государств, включить американский капитал в оборот. Частные предприятия, банки, центральные банки, фонды и страховые компании со всего света в огромных количествах вливали в США инвестиции. Один из наиболее значимых примеров — гигантские резервы эквивалентом более 1 миллиарда долларов, которые китайский Центральный банк вложил в американские облигации государственного займа. Другой пример — ошибочные сделки маленьких немецких банков, вроде ИКВ или Sachsen LB, связанные с плохо застрахованными американскими ипотеками.

Финансовый кризис и «реальная экономика»

Финансовый кризис стал непреодолимой преградой на пути финансовых потоков в направлении США. Он же явился и кризисом гигантского финансового сектора. Кризис, таким образом, подорвал тренд, которые устойчиво продолжался несколько десятилетий — финансовый сектор постоянно увеличивался по отношению к остальной части экономики и постепенно стал доминирующим элементом мировой экономической системы. Это явление можно было наблюдать как в единичных случаях, так в статистических числовых данных то есть в том, что:

- * на международном уровне намного активнее, чем общественный продукт, увеличивалось финансовое имущество;

- * увеличилась доля прибыли страховых компаний и банков в общей доле прибыли предприятий;

- * выросли цены на нематериальные активы (акции, займы, недвижимость) в связи с увеличением валового национального продукта;

- * впервые за десятилетия оборот акций, облигаций, валюты и т. д. превысил оборот от торговли реальными товарами;

- * произошли огромные изменения в покупке предприятий;
- * возникли новые финансовые отрасли, начавшие свою экспансию — такие как инвестиционные фонды и фонды частных акций;
- * развился быстрый доступ к кредитам для покупки предприятий (и, соответственно, понизились кредитные стандарты);
- * и, наконец, зародилась обширная отрасль, которая охватывала реоформление кредитов и дальнейшую их перепродажу

Кризис напрямую разрушил ту часть экономической системы, которая обеспечивала традиционное финансирование жилых домов из банковских сделок, сделав это частью международных спекуляций. Таким образом, инвестиционные банки нашли метод обогащения на добрые 10 лет — перепродавать кредиты другим инвесторам. С помощью этих операций банки могли использовать этот капитал для дальнейшей выдачи кредитов, что, в свою очередь, позволяло обслужить всё больше и больше потенциальных заёмщиков. Рынок ссудного капитала и задолженности национальной экономики расширялись.

Нынешний кризис прежде всего ограничит эту экспансию и рост глобальной задолженности. С помощью девальвации он лишит финансовый сектор «воздуха спекуляций». Он также изменит роль самого большого государства-должника — США. При этом получится, что мировая экономика после нанесения такого удара по финансовому сектору сможет, в лучшем случае, удержаться на плаву. Банковский сектор должен рассматриваться как действительно открытая инфраструктура, каковой он, собственно, и является. Доход с ценных бумаг и сделки финансовых институтов должны жёстко контролироваться и ограничиваться, то есть рынок капитала должен, наконец, стать регулируемым.

Перевод Анастасии Кривошановой

Объединённая социалистическая партия Венесуэлы и социализм: взгляд изнутри

Орландо Чирино

24 марта 2004 года президент Венесуэлы Уго Чавес на митинге объявил примерно 3 тысячам сторонников о создании Объединённой социалистической партии Венесуэлы (PSUV). Вниманию читателей предлагается интервью, которое было взято 13 апреля 2007 года венесуэльским сайтом www.aporrea.org^[8] у Орландо Чирино, одного из руководителей Национального рабочего союза (UNT) и лидера Объединённого автономного революционного классового течения (C-Sura), входящего в PSUV. Национальный рабочий союз был основан после того, как в 2002 году лидеры старых профсоюзов — Конфедерации венесуэльских рабочих (CTV) приняли участие в попытке свержения президента Чавеса, устроенной олигархами. В декабре 2007 года CTV объединилась с менеджерами компании и Торговой палатой в попытке обрушения экономики путём увольнения рабочих нефтяного сектора. Для многих рабочих провалившийся призыв CTV поддержать начальство забастовкой стал последней каплей, и борьба против увольнений радикализировала их, а также придала уверенности и сил к самоорганизации — уже без CTV. На протяжении 40 лет своей истории CTV была крайне недемократичной, а бюрократы активно сотрудничали с администрацией с целью подавления рядовых рабочих. Активистов-демократов увольняли, и даже убивали — в то время как профсоюзные боссы закрывали на это глаза. В мае 2003 года рабочие практически всех отраслей промышленности собрались в Каракасе, чтобы основать новую конфедерацию — UNT. Вопрос, однако, в том, насколько новые профсоюзы сумеют сохранить свою независимость, не превращаясь в придаток новой власти.

Орландо, какова ваша оценка проблем, поднятых президентом Чавесом 24 марта, когда он предложил создать PSUV?

Огромный плюс той дискуссии, которую начал президент Чавес, в том, что она даёт возможность обсудить саму природу, сущность венесуэльской революции, проект создания PSUV, роль, которую различные социальные группы сыграли в революции, особенно рабочий класс, — это дискуссия о том, как строить организацию. Этот вопрос тянет за собой цепочку других проблем, которые мы должны обсуждать открыто, публично и с максимальной честностью.

Больше всего настораживает то, что президент закончил своё выступление именно тем, что он ранее осуждал: он критиковал политический каннибализм, который так характерен для левых организаций, но в итоге объявил всех, кто не разделяет его точку зрения, контрреволюционерами. Я думаю, он совершил серьёзную ошибку: вместо того, чтобы стимулировать дискуссии и дебаты, он их блокирует и порождает сектантство — а с ними президент, как он сам заявил, готов бороться любыми силами.

Какие из упомянутых проблем вы считаете наиболее острыми?

Конечно, вопросов, требующих обсуждения, очень много. Позвольте остановиться на двух. Например, президент сказал, что реформисты представляют опасность, — и я с этим полностью согласен. Но при этом я считаю, что сама предложенная президентом программа основана на реформистской концепции и что логика капитала не даст нам ни единого шанса на прорыв. Сейчас поясню.

После страшной атаки неолиберализма в 90-х мы вновь наблюдаем многомиллионные долларовые инвестиции международного капитала в стратегические секторы нашей экономики — нефтяную промышленность, добычу ископаемых, угольную промышленность, строительство и инфраструктурные проекты. Международные консорциумы из России, Китая и Ирана эксплуатируют наших рабочих как никогда прежде. Я не верю, что одни транснационалы лучше других. Все они изначально стремятся к монополизации производства и торговли, к максимальной эксплуатации рабочих, грабительскому пользованию национальными природными ресурсами, политическому вмешательству в процесс

принятия экономических решений в тех странах, куда им удаётся проникнуть. Это удар в самое сердце той экономической модели, которую мы пытаемся построить.

Президент считает инвестиции транснациональных корпораций шагом вперёд. Я же вижу, как мы при этом предлагаем нашу революцию в качестве залога иностранным бизнесменам, которые готовы вложить в неё деньги. Для меня первым шагом на пути к социализму стал бы разрыв с этими компаниями и корпорациями. Наше правительство, напротив, пропагандирует объединение в максимально крупные экономические группы: например, покупка SANTV^[9] и Электрической Компании Каракаса. Очевидно, что восстановление этих компаний государством — серьёзный прогресс, но представители бизнеса были так этому рады, что даже сделали публичное заявление в поддержку такого шага.

Не меньше меня волнуют слова президента о том, что SIDOR (Orinoko Steel — крупная компания, занимающаяся сталью) национализирована не будет, потому что ей управляют «хорошие капиталисты». На самом деле, компания была приватизирована ещё при 4-й Республике^[10] и владеет ей аргентинский транснациональный консорциум Techint. Нам кажется, президент Чавес занял такую позицию, поскольку компания опирается на страну, управляемую «дружественным» президентом Киршнером. Но я всё-таки хотел бы знать: с каких пор мы делим капиталистов на «хороших» и «плохих»?

В последнее время президент часто публично ссылается на Китай. Мы бы попросили его от этого отказаться, потому что несколько лет назад капитализм в Китае был успешно восстановлен, так что теперь это страна, где рабочий класс эксплуатируется сильнее всего. Это рабы нового времени, которыми правит прогнившая партия, по-прежнему именуемая «коммунистической», но по сути, подчиняющейся транснациональным корпорациям. В довершение всего там только что ввели в конституцию право на частную собственность. Так что Китай вряд ли может служить достойным примером.

Следующий важный момент, на котором я бы остановился, — это роль социальных классов в революции. Можно даже не призывать в свидетели Маркса, Энгельса, Ленина или Троцкого, чтобы узнать, что единственным способом ниспровержения капитализма, системы, где меньшинство навязывает свою волю большинству, будет

экспроприация предприятий рабочим классом и людьми, принадлежащими к этому большинству, настоящими производителями и переход производства под их контроль. В этом смысле, то, что мы понимаем под социализмом, объясняется очень просто. Но, несмотря на простоту, в Венесуэле этот процесс встречает всё больше трудностей. Мы, рабочие ключевых секторов экономики, находимся в таком положении, что не можем рассчитывать не то чтобы на рабочий контроль, но даже на совместное управление. В стратегических секторах государство не будет рассматривать даже его возможность.

Нашим товарищам на заводе Constructors Nacional de Valvas (переименован в Inveval^[11]) пришлось пройти через настоящие физические страдания и голод, и сражаться как черти, чтобы правительство наконец выслушало их и экспроприировало завод. Рабочие на заводе Venerpal (ныне Inverpal), который производит картон и бумагу, боролись 10 месяцев, прежде чем победили капиталистов, — а правительство не обращало на это внимания. И сейчас у нас перед глазами ситуация на Sanitarios Maraca^[12], где рабочие держат блокаду во имя национализации, но правительство выказывает мало интереса к процессам такого рода.

Это позволяет предположить, что экспроприация не входит ни в планы правительства, ни в намерения PSUV. Но в таком случае мы движемся никак не в сторону социализма, а скорее в направлении своего рода государственного капитализма, который стремится несколько ускорить развитие страны.

А как насчёт взглядов Чавеса на независимость профсоюзов?

Этот вопрос по-настоящему значим. Президент не может изменить историю и сказать, что те из нас, кто борется за независимость профсоюза, каким-то образом были «отравлены» опытом 4-й Республики. Напротив, автономия профсоюзов — это единственное действенное противоядие от бюрократизации, именно поэтому мы смогли спасти революцию в 2002 и 2003 годах. И пока такое положение будет сохраняться, революцию можно считать под надёжной защитой.

СТV продала душу двухпартийной системе и, следовательно, породённым ею правительствам. 40 лет подряд венесуэльское профсоюзное движение переживало тяжёлые времена, потому что

рабочие были марионетками в играх старых партий (Corei и AD)^[13] и работодателей. Венесуэльцы до сих пор помнят, как AD решала судьбу рабочих, продавая и покупая контракты и сотрудничая с правительством, чтобы контролировать профсоюзы и CTV. Не стоит забывать, что забастовка, организованная предпринимателями в 2002–2003 годах проходила с CTV и Fedecamaras^[14] во главе. Смысл существования нового союза UNT состоит в прямо противоположном: в борьбе за автономию профсоюзов и создании рабочих организаций, призванных оказывать сопротивление всем попыткам поставить их под политический контроль или склонить к компромиссам.

Президенту тоже стоит помнить, что в ходе профсоюзных выборов 2001 года, когда, как известно, CTV отличилась грандиозной фальсификацией, многие рабочие не поддержали Аристобуло Истуриса именно потому, что его воспринимали как кандидата от правительства. Президенту Чавесу лучше понять, что из-за так называемого классового чутья, уровня классового и революционного сознания, а также объективного противостояния с собственниками предприятий, поведение рабочих будет отличаться от поведения крестьян или студентов.

Самое худшее в комментариях президента — это, однако, предположение, будто наша борьба за независимость рабочего класса контрреволюционна. Это неправда. Вместе с другими товарищами мы построили национальное профсоюзное движение, которое не только боролось с бюрократией во имя социализма, но и яростно защищало автономию профсоюзов. Второй конгресс UNT может служить тому доказательством. Виной произошедшему не существование пяти соперничающих фракций течений или личные разногласия лидеров — описывая это в таких терминах президент Чавес ошибается. На самом деле последние два года источником всех наших конфликтов служило диаметрально расхождение двух концепций: на одном фланге были те, кто считал, что профсоюзы должны быть тесно связаны с правительством, а на другом — те, кто боролся за суверенность и независимость профсоюзного движения.

У нас за плечами 30 лет профсоюзной работы, и ни разу за это время мы не пошли на компромисс с работодателями или правительством, не говоря уж об интересах иностранного империализма. И мы не собираемся менять наш курс сейчас, несмотря

на то, что президент назвал нас «ядовитым осадком 4-й Республики». В рамках профсоюзного движения мы неустанно сражались за классовые принципы, демократические методы и целостность, порождённую пролетарской моралью. Как и Партия социалистических рабочих — Искра (PST-La Chispa), мы гордимся, что были первой политической организацией, поддержавшей кандидатуру Уго Чавеса на президентских выборах. Думаю, он всегда будет помнить первые митинги, которые мы организовывали в районе Кисанда в Валенсии, или встречи с текстильщиками в Арагуа. Так что в этом плане наша история безукоризненна.

Мы до сих пор находимся в авангарде борьбы с CTV, поддержали создание FBT^[15] и охотно следуем курсу UNT. Мы присоединились к лучшим активистам при перевороте 11 апреля 2002 года, находились в самом центре работ по восстановлению нефтяной промышленности во время локаута, устроенного предпринимателями в 2002–2003 годах. Таким образом, наши летописи повествуют о весьма почётных делах.

В поддержку своих высказываний в контексте происходящего Чавес процитировал Розу Люксембург. Что вы думаете об этом?

Президент попытался использовать труды Розы Люксембург для оправдания своей борьбы против независимости профсоюзов — но надо понимать, что она писала в определённую историческую и политическую эпоху, и учитывать это. Когда Роза Люксембург говорила об автономии профсоюзов, речь шла о немецкой социал-демократической партии и борьбе с синдикалистскими и бюрократическими тенденциями в профсоюзах. Но как троцкист, я вынужден признать, что Троцкий ошибался, говоря сразу же после победы большевиков, что профсоюзы в России не должны быть автономны. Хорошо, что Ленин тоже участвовал в этих дебатах и отстаивал независимость. Да, Троцкий приводил весомые аргументы — это действительно было время военной экономики, голода, гражданской войны, физического насилия над рабочим классом и лидерами профсоюзов, а во время иностранной интервенции. Тем не менее, Троцкий ошибался, а Ленин был прав.

Я говорю это к тому, чтобы вы не считали нас догматиками. Мы считаем, что должны анализировать реальность и критически относиться к нашей истории. Не случайно много лет назад сталинисты

считали нас контрреволюционерами, так как мы боролись за новую революцию, которая сметёт бюрократию, захватившую власть в России.

Какое влияние оказала эта дискуссия на независимость профсоюзов?

Увы, весьма значительное. Например, нам пока так и не удалось провести внутренние выборы в UNT. В прошлом году основным аргументом против было то, что президентские выборы важнее. Само собой, мы не были против призывов к голосованию за Чавеса, но считали, что они должны исходить от законно избранных лидеров. К сожалению, этого не случилось.

Другой стороной медали стала трагедия, которую сейчас переживают рабочие бюджетного сектора и нефтяной промышленности. Если бы профсоюзы не были автономны и мы были вынуждены принимать то, что предлагает нам правительство и функционеры, нам пришлось бы принять и контракт, предлагаемый Fedepetrol^[16] и другими федерациями, которые не только не легитимны, но и просто являются империалистическими саботажниками, подрывающими промышленность. И благодарить за то, что краха не случилось, надо именно нашу борьбу за независимость.

То же касается и рабочих бюджетного сектора. Министр занят заключением сделок с лидерами профсоюзов, у которых не только нет реальной власти, но и поддерживает их меньшинство. Их сила держится только на контроле всего аппарата и поддержке правительства.

Есть ещё одна проблема, связанная с вопросом автономии. FBT и Министерство труда заявили, что UNT не выполняет своей исторической роли — и потому должен исчезнуть. Параллельно они хотят создать ряд аналогичных структур и выдвигают такие предложения, которые нанесут тяжелейший удар по профсоюзному движению. Мы можем изо дня в день без страха и предвзятости высказываться по поводу ошибок — иногда ужасающих, — которые совершает правительство, именно потому, что мы независимы. Рабочие же в госсекторе могут ждать по 27 месяцев, прежде чем их контракт будет вынесен на обсуждение. И, судя по всему, нефтяников ожидает та же судьба. Главное определить: стоит ли бороться за

независимость профсоюзов и действительно ли гласность в обсуждении этих вопросов делает нас контрреволюционерами.

Конечно, дело не только в автономности профсоюзов. Дело и в отношениях между PSUV и правительством. Обязаны ли мы и все члены PSUV поддерживать решения этого правительства и его бюрократической машины? Не станет ли новая партия всего лишь придатком бюрократов?

У меня перед глазами стоит картина: рабочий-нефтяник, который рисковал своей жизнью, сопротивляясь саботажу боссов, встречается с министром, и тот приказывает ему подписать коллективный договор со всеми, кто организовал переворот!.. Я считаю, именно эти важные вопросы и должны обсуждаться.

Как вам кажется, Освальдо Вера, объявивший себя представителем рабочих, правильно выразил ваши идеи на учредительном собрании PSUV?

Абсолютно неправильно! Он не поднял ни одного вопроса, касающегося рабочего класса, просто наговорил каких-то общих вещей. И я задаю себе вопрос: когда и кем было решено, что именно он будет говорить от лица рабочего класса Венесуэлы? Для меня это один из ключевых вопросов. Как строится PSUV? Я хочу выразить солидарность с тысячами моих соотечественников, которые отправились в Каракас, чтобы принять участие в этом событии — и которых не только исключили из процесса, оставили за кадром, но и вообще не приняли во внимание их существование и участие в создании партии. По телевизору вы могли видеть губернаторов, мэров, депутатов, которые заняли все первые ряды — но всё равно не получили массовой поддержки.

Там были боссы и бюрократы, защищавшие интересы этих боссов, а также господа, обвиняемые в коррупции и проведении политики, не соответствующей интересам населения. Вот почему поднимается недовольство — зарождение партии с самого начала пошло весьма сомнительным путём.

Мы, члены С–Сига, уверены, что должны быть честными в наших классовых предпочтениях и верности своим принципам. Мы не можем уступить политическое пространство боссам, землевладельцам, бюрократам или коррумпированным чиновникам. Было бы огромной

ошибкой не принимать во внимание простых людей, рядовых товарищей, которые не согласны с президентом. Все знают, что на самом деле Вера — никакой не представитель рабочего класса. FBT составляет в UNT меньшинство — и при этом Освальдо Вера осмеливался говорить от имени всех рабочих. Вот почему мы боремся за то, чтобы PSUV приняла внутренние течения и фракции без специальных условий или запретов. Нельзя никого принуждать к самороспуску — это деспотично и убьёт дискуссию, не дав ей родиться. И нам очень хотелось бы знать позицию президента и Организационного комитета по этим вопросам.

Каким вы видите будущее проекта PSUV?

Необходимо понимать, что люди возлагают на этот проект большие надежды. Действительно, многим он представляется как огромная политическая победа над засильем старых партий, вроде MVR^[17], PPT^[18], Podemos^[19] и всех остальных организаций, которые много лет кормили крошечную группку жирных бюрократов, когда большинство населения голодало.

Тем не менее, в том виде, в котором партия была представлена президентом Чавесом, ей не удастся привлечь настоящих классовых бойцов, честных революционеров, работающих в профсоюзном движении. И именно поэтому мы настаиваем на дальнейшей дискуссии. У нас есть своя точка зрения на то, как должна строиться революционная партия в Венесуэле: мы считаем её абсолютно необходимой, если борьба за революцию будет продолжаться и развиваться до того момента, пока не сможет лишить капиталистов экономической, политической и военной силы. До настоящего сих пор ни единого намёка на это в дебатах о PSUV не промелькнуло.

Действительно важно, будет ли дискуссия открытой, сможет ли каждый ясно высказать, что он думает и какой видит будущую партию, какой должна быть программа, как будет строиться партия, и т. д. Мы тоже являемся участниками этой дискуссии, и мы никому не позволим дискредитировать наш вклад в революционный процесс или выдвигать против нас обвинения. Мы готовы дискутировать открыто и честно, прислушиваться к мнению других. Да, наши взгляды отличаются от позиции, выдвинутой президентом Чавесом и Организационным

комитетом. Но мы будем добиваться того, чтобы наш голос был услышан, и наше видение революции в Венесуэле было понято.

Перевод Анастасии Кривошановой

Левые на арабском Востоке: ливийский опыт

Марк Васильев

«Запад — есть Запад, Восток — есть Восток». Этот афоризм Киплинга, человека, хотя и убеждённого в «цивилизаторском бремени белого человека», но понимавшего глубокие различия европейской, азиатской и африканской культур, не стоит сдавать в архив и в начале нынешнего столетия. Втягиваясь в орбиту мирового разделения труда, страны Азии и Африки вроде бы и подчиняются общим закономерностям экономики и социологии, но демонстрируют иногда парадоксальные результаты этой интеграции, не предсказанные и даже не мыслимые мозговыми центрами той самой цивилизации «белого человека». Взять хотя бы экономический рост современного Китая или Иранскую революцию 1978–1979 годов, которая потрясла мир не меньше, чем известные десять дней 1917 года. Не менее интересным и заслуживающим внимания нам представляется и путь современной Ливии, которая совсем недавно отметила 30-летнюю годовщину установления Джамахирии — Государства масс. Российские аналитики последнее время не уделяли этому государству большого внимания. Охлаждение отношений между двумя странами в начале 90-х годов, связанное с присоединением тогдашнего российского режима к экономическим санкциям против Ливии, негативно отразилось на всех сторонах межгосударственных контактов. Закономерным результатом стало и уменьшение информации, идущей из этой арабской страны в Россию. За нынешнее десятилетие в РФ была издана, пожалуй, только одна фундаментальная монография, посвящённая Ливии^[20]. В этой связи появление книги А.В. Рясова «Левые» на арабском востоке: ливийский опыт», является существенным восполнением существующего пробела^[21]. Надо отметить, что эта книга — не просто историческая хроника. Ещё во введении автор указывает: «Рассмотрение официальной идеологии СНЛАД (Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии) в контексте «левой

традиции» долгое время оставалось вне поля зрения исследователей. В современной арабистической литературе... вопросы эволюции политических взглядов М. Каддафи нередко изучались в отрыве от «мирового контекста». Между тем, лозунг приверженности «левым» ценностям десятки лет оставался важнейшим составным элементом официальной идеологии СНЛАД и активно использовался ливийским руководством в процессе создания многоярусной и дифференцированной в функциональном отношении системы политических институтов Джамахирии». Автор целенаправленно анализирует историю послереволюционной Ливии в контексте левых идеологических течений XX века. Центральное место в монографии уделено «третьей мировой теории», выработанной лидером революции Муаммаром Каддафи, и сопоставлению её с другими течениями мировой левой мысли — марксизмом, анархизмом, «арабским социализмом» Г.А. Насера и другими. Для анализа привлечено большое количество известных и малоизвестных, в том числе арабоязычных источников. Как указывает в предисловии к книге профессор Г.Г. Косач: «Монография А. В. Рясова более значительная, чем всего лишь аналитика частного случая. Это вытекает в первую очередь из того, что автор этой монографии, поставив ливийского лидера в контекст левой мысли... стремится иначе, чем его предшественники, интерпретировать и феномен своего героя, и его идеи».

Действительно, даже в старые добрые времена СССР, когда отношения между двумя странами (несмотря на неоднократные критические высказывания М. Каддафи об экономических и политических реалиях Советского Союза), были дружественными, уровень осмысления идеологии и политики ливийского руководства, социальных трансформаций в Ливии оставлял, на наш взгляд, желать лучшего. Значительная часть в целом позитивных аналитических материалов о «социализме с ливийской спецификой», выходивших в СССР, была неглубокой и несла на себя «печать снисходительности большого брата». И дело здесь не только в политкорректности или в различиях менталитетов и исторических путей двух революций, а в том, что подробное критическое рассмотрение «третьей мировой теории» в СССР не могло не поставить на повестку дня вопросы об отмирании государства, о социальном и имущественном неравенстве в

реальном, а не схоластическом контексте. А вот этого правящая верхушка КПСС стремилась избежать всеми силами.

Однако надо оговориться, что современная пролиберальная журналистика и политология, хотя формально лишена привычных для советского времени цензурных механизмов, но, увы, не в меньшей степени идеологизирована и тенденциозна по отношению к любым формам революции. Даже в академической среде гуманитарных наук «принцип наибольшего благоприятствования» в отношении публикации трудов предоставляется исследователям, чья «внутренняя цензура» полностью отсекает позитивный вклад революций в историю человечества, либо «героям оговорочки», допускающим благоприятные сужения о революциях, «уравновешенные» такой степенью негатива, которая фактически сводит на нет предшествующий позитив. Книга А.В. Рясова также не свободна от идеологических веяний современности. Создаётся впечатление, что историю левых взглядов на арабском Востоке и в Ливии в частности, он полностью подчиняет процессу формирования правящих элит или «контрэлит». Иными словами, левая мысль с подачи автора книги — не более чем инструмент, необходимый «элите» или «контрэлите» для консолидации общества под своей властью, который может быть с лёгкостью отброшен, когда эта цель достигнута.

Тем не менее, А.В. Рясов, во-первых, актуализирует изучение всего тридцатисемилетнего опыта ливийской революции, его позитивных и негативных сторон и указывает, что несмотря ни на что Ливия за эти годы прошла путь от отсталой, бедной, слабо централизованной страны с неопределёнными государственными границами до государства с самостоятельной внешней политикой и устойчивым развитием экономики, претендующего на роль регионального лидера. Добавим, что первым политическим шагом ливийской революции (на который не решилась даже Куба) была полная ликвидация иностранных военных баз на территории страны. В экономике Ливии практически все эти годы доминировали либо национализированные, либо кооперативные формы собственности. Во-вторых, автор подробно характеризует политическую систему послереволюционной Ливии, в которой не осталось места политическим партиям западного типа. В отличие от многих, в том числе левых, идеологов, поспешно истолковавших эту

«беспартийность» как результат диктаторских амбиций М. Каддафи, А.В. Рясков указывает на объективные исторические корни этой политической системы, которые не только обусловили её относительно безболезненное введение, но и придали ей значительно большую устойчивость, чем системам «государственного социализма» в СССР и странах Восточной Европы. В-третьих, автор даёт понять, что идейная трансформация самого М. Каддафи от сторонника «насеровского социализма» до «антипарламентариста», поборника идей «прямой демократии», явилась не следствием внезапно изменившейся политической конъюнктуры, как это произошло со многими «идеологами коммунизма» в СССР, в «одно прекрасное утро» ставшими поборниками плюрализма и «западной системы общечеловеческих ценностей», а стала результатом критического осмысления опыта как «арабского социализма», так и практических результатов СССР, Китая, Югославии и других стран с национализированной экономикой. Указывая на «бедуинское», племенное происхождение многих положений «третьей мировой теории» (в частности, «натурального социализма», основой которого должны быть традиция и обычай, а на смену наёмным работникам должны прийти «равноправные партнёры»), автор, тем не менее, говорит о практически текстуальном совпадении многих её положений с взглядами теоретиков западного анархизма — Кропоткина, Бакунина и др. Как мы увидим далее, это совпадение не случайно.

Краеугольным камнем в монографии, на наш взгляд, является сопоставление «социализма с ливийской спецификой» с опытом СССР и других стран Восточной Европы в историческом контексте. В качестве «точки отсчёта» для рассуждений А.В. Рясков выдвигает глубокий тезис относительно превращения «левых» лидеров в правящие элиты и, соответственно, трансформации революционных теорий в государственные идеологии. «Перед социалистами после обретения ими власти, — пишет автор, — вставали задачи, зачастую объективно противоположные тем лозунгам, которые они провозглашали до приобщения к властным функциям, а главными в иерархии политических целей неизбежно становилось нациестроительство и легитимация власти... Это предопределяло сугубо прагматическое отношение к “левым ценностям”,

становившимся не более чем средством идеологического оправдания тех ли иных политических шагов. Это предопределяло сугубо прагматический подход к “левым ценностям”, становившимся не более чем средством идеологического оправдания тех или иных политических шагов. Отдельные сегменты идеологии начали многократно реинтерпретироваться в зависимости от конкретных обстоятельств, Однако существенный диссонанс между теоретическими разработками и практическими шагами неизбежно способствовал усугублению социальных противоречий в обществе». Данный тезис, который автор выдвигает для анализа исторических перипетий левой идеи в арабском мире, вполне применим и к истории «реального социализма» в СССР, Китае и Восточной Европе. Другой вопрос, что вышеописанная трансформация не представляется нам ни органичной, ни неизбежной, ни безболезненной. Во-первых, само «замыкание» революций XX века в национальные границы объяснимо конкретной исторической обстановкой: асинхронностью революционного процесса и (в большей степени) давлением сил контрреволюции, объединённых в мировом масштабе. Во-вторых, эта трансформация сопровождалась, выражаясь языком автора, фактической «сменой элит», а именно отстранением от власти или даже физическим уничтожением целых поколений левых лидеров, осуществивших победоносную революцию, как это произошло в СССР. В-третьих, «существенный диссонанс между теоретическими разработками и практическими шагами» во всех странах «реального социализма» вызывал не только социальные противоречия внутри этих стран, но и «реакцию отторжения» у лидеров и широких масс народов, только что освободившихся от колониальной зависимости, побуждал их к активизации поиска альтернативных моделей общества социального равенства. В авангарде такого поиска находился не только Каддафи, но также изначально более близкий к СССР Эрнесто Че Гевара.

Социализм на арабском Востоке: «Авангардная партия» или «прямая демократия»

В главе «Идейная трансформация левых взглядов на арабском востоке» А.В. Рясков уделяет пристальное внимание генезису и эволюции «арабского социализма», квинтэссенцией которого стали идеи египетского президента Г.А. Насера. Он указывает и на отличие этих идей от официально канонизированного «советского марксизма», в частности, на неприятие атеизма, апелляцию к религии и арабским традиционным ценностям (что впоследствии было усвоено М. Каддафи), и на сходство — создание «партии авангардного типа», упор на государственную модель национализированной экономики (что было Каддафи в конечном итоге отвергнуто). Автор указывает, что «теории государственного социализма» в арабском мире рано или поздно трансформировались «в идеологическую доктрину государственно-бюрократической элиты, заинтересованной прежде всего в упрочнении своей собственной власти», а сами эти элиты испытали «перерождение», в чём-то сходное с «перерождением» правящих партий СССР и стран «просоветского блока»^[22]. К этому стоит добавить, что обладающий изначально неизмеримо более узкой социальной базой «арабский государственный социализм» пришёл к бюрократическому вырождению и кризису за много более короткий срок, чем советский официальный марксизм. Большая часть стран, внедрявших «этатистскую» модель арабского социализма, такие как Египет, Алжир, Йемен, Судан, прошли через драматическую полосу социальной нестабильности, экономических неурядиц, государственных переворотов. Разочарование, порождённое банкротством «государственного социализма», значительно облегчило внедрение в этих странах неолиберальных экономических моделей и «политического плюрализма», рекомендованных международными финансовыми организациями. Впрочем, 15 лет «неолиберального процветания» отнюдь не избавили арабский мир от застарелых социальных болезней, а напротив, породили новые социально-экономические проблемы.

А.В. Рясков аргументировано утверждает, что в первые годы после революционного переворота 1 сентября 1969 года М. Каддафи и его сторонники «отождествляли себя исключительно с арабскими националистами и насеристами. Социально-политические изменения в Ливии действительно представляли в выступлениях М. Каддафи как «прямое продолжение революции Гамалы Абдель Насера на пути к

общеарабской революции». В соответствии с насеровскими идеями об «авангардной партии» в Ливии также был создан Арабский социалистический союз (АСС), призванный быть единственной политической организацией и координатором законодательной и исполнительной власти. Однако уже в 1973 году Каддафи начал отходить от насеровской модели с целью преодоления «барьера между массами и революцией». Ливийское общество 60-70-х годов очень сильно отличалось от египетского. Для него, по мнению автора, была характерна внутренняя сегментация, как социальная (уклад жизни населения прибрежной полосы значительно отличался от уклада бедуинов пустыни), так и политическая (исторически сложившиеся области — Триполитания, Киренаика и сахарский Феццан, объединённые под названием «Ливия», развивались почти независимо друг от друга). В этих условиях создания «авангардной партии» и национализации промышленности было явно недостаточно для легитимации режима. Плюс к тому бюрократизация как египетского, так и ливийского АСС послужила стимулом поиска новых общественно-политических моделей. Автор констатирует: «То, что происходило в Ливии в 1969–1973 годах, в целом вписывалось в практику “государственного социализма” и во многом напоминало процессы, имевшие место в Египте при Насере. Однако бюрократизация ливийского АСС привела к кризису республиканской формы правления, выход из которой ливийский лидер увидел не в “политике открытых дверей” А. Садата, а в учреждении системы “народовластия” — Джамахирии, которая сделала возможным дальнейшее укрепление каддафиевского режима и превращение Ливии в национальное государство». Стержнем этого поиска стала адаптация левой идеологии к традиционной политической культуре и традиционной системе ценностей ливийского общества.

Основными и наиболее интересными, на наш взгляд, разделами книги А.В. Рясова являются главы, в которых 1) анализируется трансформация политической системы Ливии от республиканской формы правления к Джамахирии — «государству масс», лишённому парламентской системы западного типа, и 2) производится интерпретация «третьей мировой теории» — идейно-теоретического базиса этой трансформации. Началом формирования «государства масс» в Ливии стала постепенная передача функций законодательной и

исполнительной власти от Совета революционного командования и Арабского социалистического союза «народным комитетам» и «народным конгрессам», происходившая на протяжении 1974–1977 годов. А.В. Рясков замечает: «Фактически АСС постепенно передавал свои основные функции новым политическим структурам, основная его деятельность была посвящена повышению работоспособности народных комитетов и дальнейшему расширению их функций. Это расширение увязывалось с изменением административного деления страны, в силу которого создавалась система местного самоуправления муниципального типа, полномочными и единственными исполнительными органами которой объявлялись народные комитеты. Тем самым частично претворялась в жизнь идея “прямого народовластия”, позднее заложенная в основу джамахирийской системы... Расширение исполнительной власти на местах начинало давать свои результаты: сеть народных комитетов постепенно обретала черты законченной системы органов местного самоуправления». Система «народовластия через прямую демократию», в которой, по замыслу М. Каддафи, главная роль принадлежала «первичному звену», Народным конгрессам и Народным комитетам на местах, апеллировала к «естественным нормам жизни» — традиции, обычаю и религии. На наш взгляд, существенно, что А.В. Рясков достаточно детально анализирует предысторию ливийского варианта «прямой демократии». Он акцентирует внимание на стабильности в ливийском обществе социального института родоплеменных отношений с их традициями «всенародного обсуждения» и совместного владения средствами производства. Племенные образования, как указывает автор, существовали на территории Ливии независимо от наличия государства. Их следует рассматривать как параллельную политическую структуру, более древнюю и стабильную, чем государство^[23]. Традиционные общественные институты, освящённые религией (чему на определённом историческом этапе служила деятельность суфийского братства сенуситов), функционировали при полном отсутствии государственного управления. Джамахирийская система власти, по мнению автора монографии, «позволяла инфильтрацию традиционных политических институтов в структуры “народовластия” без существенной модернизации. Джамахирийская модель в целом не разрушала племенного уклада ливийского

общества. Более того, власть на местах оставалась в руках племенных вождей, которые посредством родственных связей и системы покровительства, оказались способными, хотя неформально, оказывать влияние на выборы и решения в народных собраниях и комитетах в своих областях».

Иными словами, А.В. Рясков констатирует объективность политической системы Ливии, созданной в 1974–1977 годы и её достаточную политическую устойчивость по сравнению с этатистскими моделями «арабского социализма». Правда, констатируя этот позитив, автор в силу избранной им социологической парадигмы подчиняет социальные процессы в Ливии процессам «реструктуризации элиты», перед которой стояла задача построение устойчивого монолитного национального государства. Воздавая должное «прагматизму» М. Каддафи, А.В. Рясков пишет: «“Паутина” народных комитетов и конгрессов, начавшая с 1977 года обволакивать ливийские социальные структуры, стала главным инструментом в процессе строительства нации и созидания сообщества граждан, а в качестве идеологического оправдания этих политических преобразований были избраны “левые взгляды” (кавычки автора. — М.В.). Идеология М. Каддафи была продуктом вполне определённых политических устремлений, а “левые” лозунги стали лишь рамками для подлинного содержания политических шагов».

Позитивистское истолкование идеологии как «политического дышла», которое, по мнению автора, можно с лёгкостью переводить справа налево и наоборот, не вызывает ни удивления, ни желания полемизировать по этому поводу. Увы, реальность современного российского, с позволения сказать, парламентаризма воспитывает именно такой менталитет. Можно, правда, задать риторический вопрос: почему современные рациональные политики, свободные от «идеологических утопий», не только не преуспели в деле консолидации nation-state, но, напротив, за короткое время совершили огромное количество ошибок и преступлений.

Избранная А.В. Рясковым тематика, очевидно, не укладывается в «прокрустово ложе» социологии элит. Автор, претендуя на всестороннее освещение политики и социологии Ливии, вынужден постоянно вступать в противоречие с самим собой, затрагивая тему изменения форм собственности, проводимого «революционной

контрэлитой» в интересах широких масс населения. Именно это, на наш взгляд, и явилось главным фактором устойчивости политической и экономической системы, у основ которой стоял М. Каддафи и его единомышленники. Что же касается адаптации современных «левых теорий» к традиционным системам ценностей, бытующим у народов, находящихся в колониальной или полуколониальной зависимости, то опыт Ливии не лишён исторических аналогов. Возможность адаптации традиционной общины народов Азии и Африки к марксистской общественной модели на основе принципов эгалитаризма была обоснована в тезисах В.И. Ленина по национальному и колониальному вопросу на II Конгрессе Коминтерна в 1920 году. В рамках обсуждения этих тезисов была выдвинута концепция возможности перехода «отсталых и колониальных стран» к социализму, минуя капиталистическую стадию.

«Третья мировая теория» — «Три источника и три составных части»

Характеризуя зарождение основной идеологической доктрины «джамахирийской революции», А.В. Рясков констатирует: хотя мнение о М. Каддафи как о теоретике мусульманского социализма довольно распространено, «трактовать теорию и практику “джамахирийской системы” исключительно на принципах Корана и ставить М. Каддафи в один ряд с исламскими теоретиками и консерваторами-теократами едва ли представляется правомерным, если учесть, что ливийский лидер не создал ни одного серьёзного религиозно-философского трактата, сосредоточив основное внимание на формирование собственной социально-политической концепции, которая, при совпадении в ряде пунктов с постулатами ислама, никак не подпадала под определение теократии». Действительно, в начале 70-х годов, когда теоретические концепции ливийского лидера находились в стадии формирования, брошюры и устные интервью ливийского лидера изобиловали рассуждениями о Коране. Безусловно, М. Каддафи не мог не учитывать колоссального влияния ислама на мировоззрение арабов. Однако, как указывает А.В. Рясков, в период с 1974 по 1979 год

Каддафи «стал серьёзно изучать революционный опыт осуществления политической модернизации “левого типа” в других странах и знакомиться с трудами виднейших арабских и зарубежных “левых теоретиков”. В спектре интересов ливийского лидера оказались не только работы арабских социалистов, но и сочинения европейских и русских классиков “левой мысли”, труды которых были переведены на арабский язык»^[24]. В этот период идеи «третьей мировой теории»^[25] были изданы в виде «Зелёной книги»^[26], включившей в себя:

1) политический аспект— «Решение проблемы демократии» (власть народа),

2) экономический аспект — «Решение экономической проблемы» (социализм) и

3) социальный аспект — «Взаимоотношение понятий личность, семья, племя, нация в социалистическом обществе».

А.В. Рясков подробно и критически разбирает все три аспекта «Зелёной книги», сопоставляя их как с либеральными общественными концепциями, так и с различными течениями левой идеологии: широким спектром идей «общинного социализма» — от племенной демократии бедуинов до взглядов народников (о чём мы упоминали выше), марксизмом (прежде всего русским большевизмом), анархизмом. В той или иной мере все эти три направления были учтены при создании «третьей мировой теории». Прежде всего, автор пишет о категорическом неприятии М. Каддафи либеральной доктрины «парламентаризма», выборов, референдумов, что подтверждает следующей цитатой: «Парламенты стали узаконенным барьером, отстранившим массы от участия в политике и монополизировавшим их власть», оставив обществу «право стоять в длинных очередях к урнам на избирательных участках... Люди, подобно чёткам, безропотно передвигаются в длинных очередях, чтобы бросить в избирательные урны свои бюллетени, точно так, как они бросают обрывки бумаги в урны для мусора». В отличие, например от Ленина, который отвергал парламентаризм, но высказывался за более широкую форму представительной демократии — советы, М. Каддафи выдвинул лозунг «Никакого представительства от имени народа», закономерно отрицая принцип многопартийности, результатом которой, по его мнению, может быть только межпартийная борьба и раскол общества. По существу, указывает А.В. Рясков, «в

своей критике представительных форм правления М. Каддафи выступил с крайне левых позиций, последовательно отвергнув все атрибуты либеральной политической системы»^[27]. Но ливийский лидер критикует не только либеральный принцип многопартийности, но и тезис «советского марксизма» о главенствующей роли партии, который для него столь же неприемлем, так как обуславливает неизбежность формирования новой партийной иерархии. Каддафиевская критика «официального марксизма» распространилась и на тезис о диктатуре пролетариата, целесообразность которой Каддафи отрицал, сближаясь тем самым с анархистскими теоретиками.

Впрочем, рассматривая каддафиевскую критику марксизма, нужно сделать существенную оговорку. Объектом этой критики стала прежде всего конкретная практика «государственного социализма» в СССР, подкреплённая 6-й статьёй конституции о руководящей роли партии в советском обществе. В теории всё обстояло намного сложнее. Тезис Ленина об отмирающем пролетарском государстве, выдвинутый в «Государстве и революции», показывал, что «диктатура пролетариата» — не абсолют, не фетиш, а конкретный политический институт, имеющий ограниченную временем цель: защиту от внешних и внутренних врагов. Взаимоотношения между авангардной партией пролетариата, самим пролетариатом и обществом в целом были детально рассмотрены Троцким, который также отстаивал положение, что и пролетариат как революционный класс, и, соответственно, его авангард должны по мере углубления революции передавать всё больше властных функций общественным структурам, конструируя самоуправляющийся социум. Рабочая демократия должна, по замыслу революционных марксистов, стать прообразом и первой ступенькой общественной демократии в социуме, только что освободившемся от эксплуатации. Исходя из этого, процесс бюрократического перерождения пролетарской диктатуры в СССР, создавший реалии, которые видел и критиковал М. Каддафи, нельзя считать ни подлинным воплощением марксизма, ни единственным возможным вариантом исторического развития русской революции 1917 года.

А.В. Рясков справедливо указывает, что «М. Каддафи, создавая свою теорию, не мог не учитывать ливийского контекста, в котором многопартийная система, как правило, оказывалась синонимом

трайбализма. Сегментарная структура традиционных политических институтов способствовала превращению парламента в плацдарм межплеменной борьбы, представавшей в форме политической конкуренции различных социальных сил, а однопартийная система в глазах широких масс означала монополизацию власти каким-либо кланом». С 1954 по 1969 год в результате борьбы различных кланов в Ливии сменилось 10 премьер-министров. Монархический режим так и не сумел создать эффективной системы, способной консолидировать ливийское общество. Можно продолжить: современная политическая история большинства африканских стран подтверждает правильность высказанного. Попытки внедрения парламентаризма западного типа- в бывших колониальных владениях Англии или Франции на африканском континенте, таких как Чад, Сьерра-Леоне, Руанда, Либерия, Мавритания и др., не смогли преобразовать племенное общество и вылились либо в бесконечную череду государственных переворотов, либо в жёсткую, нередко кровавую диктатуру кланово-племенной олигархии. Использование африканскими диктаторами «демократического» антуража для придания легитимности своей власти, разумеется, никого не вводит в заблуждение. Не в меньшей степени партийно-парламентская система прикрывала режим личной власти и в арабских странах Азии. Достаточно привести пример Саддама Хусейна.

В этой связи часть аналитиков, в том числе и левых, склонна бросать Каддафи упрёки в авторитаризме и даже «тоталитаризме», упирая на отсутствие политических партий (включая «левые», «рабочие») в политической жизни Ливии. Рассуждения же о «прямой демократии» в ливийском обществе такие эксперты с ходу отвергают, заносая в разряд демагогии. А.В. Рясков, хотя не вступает в прямую полемику по этому вопросу, однако пишет, что политические партии в Ливии были запрещены ещё при монархическом режиме. Каддафи просто не стал возвращаться к системе парламентского представительства. Рясков не идеализирует территориальные и отраслевые «народные комитеты», которые заменяют собой государственную администрацию, или «народные конгрессы» как органы законодательной власти, но не даёт основания и усомниться в жизнеспособности политической системы Ливии и поддержке этой системы населением страны. «Тезисы о “всенародном обсуждении”

политики страны и “передаче власти народу”, — пишет он, — судя по всему, показали ливийскому населению предпочтительнее монархических и республиканских моделей, что, несомненно, способствовало эффективности политической стратегии, проводимой М. Каддафи, и создало видимость коллегиальности... Модель “прямой демократии” имела несомненные аналогии с племенными политическими нормами: “всенародным” обсуждением, соседствовавшим с фактической властью племенных шейхов и вождя»^[28].

Рясов также не отрицает роли М. Каддафи как стоящего «над системой народных конгрессов» верховного арбитра, за которым в большинстве остаётся последнее слово в принятии государственных решений, но указывает, что ливийский лидер, в конце концов, ушёл со всех государственных постов, включая пост главнокомандующего вооружёнными силами^[29]. Ни Сталин, ни Мао Цзэдун, ни Ким Ир Сен не мыслили своего политического существования вне партийно-государственной машины, главные рычаги которой они прочно держали в руках.

Идеи «общинного социализма» и анархизма в «третьей мировой теории» видны, что называется, невооружённым глазом. Однако, по мнению А.В. Рясова, «каддафиевская модель переходного периода к народовластию, практические политические шаги революционного руководства, несмотря на декларативное отрицание ливийским лидером основных положений марксизма, оказались в большей степени сопоставимы не с анархо-синдикализмом, а с теорией и практикой большевизма, несмотря на федералистскую риторику». Автор имеет в виду создание «Совета революционного командования» на начальном этапе революции, затем — Арабского социалистического союза, которым отводилась роль «моста» к джамахирийскому обществу. В этом теория и практика ливийской революции вполне сопоставима с марксистскими представлениями об «отмирающем государстве», которое есть лишь исходный пункт развития, ведущего к «социалистической ассоциации». Более того, отрицая партийность как таковую, Каддафи в своей концепции отводил особую роль структуре «революционных комитетов», которая появилась на ливийской политической арене в разгар «джамахиризации». А.В. Рясов замечает, что принципы организации «контролёров революции» —

революционных комитетов «во многом напоминали большевистские, так как согласно «третьей мировой теории», членами «революционных комитетов» становятся люди, **«которые благодаря “Зелёной книге” прозрели фальшь современных демократий, истину об эксплуататорских обществах и стали революционерами»**. Этот организационный принцип заставляет вспомнить как ленинский тезис о «профессиональных революционерах», так и «Катехизис революционера» С.Г. Нечаева. Действительно, по мнению А.В. Рясова, движение революционных комитетов в конечном итоге «стало главным орудием “джамахиризации” Ливии и основным строителем нового социалистического общества», в чём можно усмотреть определённые аналогии с партией большевиков, особенно на раннем этапе русской революции. Но нельзя не видеть и отличия. Партия большевиков после Октября 1917 года была официальной правящей партией, осуществлявшей свои властные функции напрямую через фракции во ВЦИК и региональных советах. Движение «революционных комитетов» в Ливии официально не претендует на властные функции, а существует как бы параллельно системе народных конгрессов, исполняя роль «идейного стимула» мобилизации масс.

«Партнёры, а не наёмные работники». Экономические аспекты «натурального социализма»

Эта часть, входящая во второй «экономический аспект» «Зелёной книги», заслуживает особого рассмотрения в контексте левой мысли, так как затрагивает проблему экономического базиса социализма и представляется на самом деле первой по важности. А.В. Рясов пишет: «Как и большинство “левых” концепций, “третья мировая теория”, связывая политическое господство с экономической эксплуатацией, объединяла политическую независимость индивида с его экономическом освобождением». Каддафи не проходит мимо таких исторических перемен в судьбе рабочих и других наёмных работников индустриально развитых стран, как ограничение продолжительности рабочего дня, установление минимума заработной платы, социальное обеспечение, запрещение произвольных увольнений, право на

забастовки, Однако, признавая всё это как факт, Каддафи трактует эти меры скорее как «лицемерную реформистскую попытку оказать благодеяние, чем действительное признание права трудящихся».

Радикальное решение экономической проблемы ливийский лидер видит в уничтожении системы наёмного труда, поскольку «наёмные работники, как бы ни был высок их заработок — это те же рабы». Наёмные работники не потребляют произведённый продукт, а вынуждены уступать его в обмен на заработную плату, тогда как «производимый продукт возрастает и сосредоточивается в руках кучки собственников». «Наёмный работник становится собственностью работодателя, который продаёт его на рынке». Все эти положения, включённые М. Каддафи в «Зелёную книгу», в той или иной мере перекликаются с воззрениями теоретиков левой мысли — от Прудона и Маркса до Кропоткина и Ленина. Согласно «третьей мировой теории», «возможность совершения социалистической революции начинается с того, что производители овладевают своей долей произведённого продукта». В этой связи М. Каддафи выдвигает лозунг «Партнёры, а не наёмные работники!». А.В. Рясов сопоставляет его с аналогичным лозунгом Розы Люксембург «Вместо работодателей и наёмных рабов — товарищи по труду!» (Люксембург Р. «Чего хочет Союз Спартака»).

Вместе с тем, критикуя либеральные социал-демократические модели, ливийский лидер отвергает и укоренившийся в СССР подход к решению проблем наёмного труда, при котором «коммунистическая экономика заставила гражданина отказаться от своей свободы и превратиться в раба государства». Так же, как и в отношении реалий политической системы СССР 70-80-х годов, Каддафи переносит критику экономических реалий «огосударственного социализма» на весь марксизм, что опять-таки сближает его позицию с теоретиками анархизма. «Третья мировая теория» отрицает и централизованное планирование, «при котором план принимается центральным органом, монополизировавшим власть в области планирования и направляющим её в соответствии с политикой, проводимой Центральным Комитетом партии». Решение проблемы ликвидации наёмного труда как такового должно произойти в такой системе производственных отношений, «при которой производители непосредственно займутся управлением хозяйственным предприятием,

где они трудятся, без какого-либо представительства от их лица». Систему «партнёрства» и «самоуправления трудящихся», в чём-то сближающуюся с принципом «рабочего контроля», М. Каддафи видит в производственных народных конгрессах, цель которых состоит в «обсуждении производственной политики предприятия с целью количественного и качественного усовершенствования и развития его производства в рамках программ, определяемых первичными народными конгрессами». Ответственность же за исполнение принятых решений в соответствии с ливийской концепцией народовластия должен нести выдвинутый данным производственным конгрессом специализированный «народный комитет».

Всё это, по мнению А.В. Рясова, даёт основание говорить, «что М. Каддафи, используя левую риторику, “кооперировал” рабочее самоуправление в систему джамахирийской власти; участие рабочих в управлении предприятием носило декларативный характер и оказывалось возможным исключительно посредством институтов “ливийского народовластия”». В связи с этим надо оговориться, что декларативный характер носит, прежде всего, вышеприведённый тезис. Да, можно согласиться, что рабочие и ИТР в Ливии в рамках «производственных конгрессов» не обладают абсолютной свободой принятия решений, Но вопрос в том, какой степенью относительной свободы они обладают по сравнению с другими социальными системами, например, с системой «рыночных отношений», отчуждающей индивида от произведённого им продукта. Буквально двумя абзацами ниже А.В. Рясов констатирует, что поскольку в ряде сфер жизни ливийского общества рыночные механизмы отсутствовали или функционировали крайне неэффективно, принцип наёмного труда в середине XX века не обрёл легитимности в глазах ливийцев, тогда как «кооперация» и «социальное равновесие» вполне соотносились с их традиционным сознанием. Отсюда следует, что коллективное управление предприятием в рамках джамахирийской системы было не просто декларацией, а попыткой преодоления отчуждения, хотя бы и основанной на традиционных ценностях. Тем самым автор опять опровергает самого себя.

Окончательное решение экономической проблемы в рамках социализма заключается, по мнению Каддафи, в освобождении человека от «оков заработной платы» и уничтожении имущественного

расслоения. В связи с этим он выделяет понятие «общественное богатство», которое принадлежит всем без исключения членам общества. Характеризуя эти взгляды Каддафи «как эгалитаристские», А.В. Рясков усматривает противоречие в том, что Каддафи практически одновременно выдвигает также тезис о распределении общественных благ в соответствии с вкладом каждого индивида^[30]. Противоречия здесь на самом деле нет. Ливийские комментаторы «Зелёной книги» в связи с этим указывают на три формы собственности:

1) собственность общества, включающая в себя землю и все средства производства. Эта собственность зависит от богатства общества;

2) социалистическая собственность, включающая в себя те средства производства, которые общество предоставляет своим членам из числа производителей для совместного распоряжения в целях удовлетворения их потребностей. Этот вид собственности воплощается в различных социалистических производственных предприятиях, представляющих собой производственные единицы, для работы которых необходим совместный труд многих людей;

3) частная собственность, включающая в себя землю средства производства, которые общество предоставляет своим членам для индивидуального использования в качестве частной собственности той или иной семьи для удовлетворения их потребностей^[31], **при условии, что она не станет использовать труд других людей, будь то за плату или без неё.** К числу этих средств относятся собственное жильё, собственные средства передвижения, жалование, которые человек получает в соответствии со своей долей в производстве либо в качестве средств, предоставляемых ему обществом для удовлетворения его потребностей за его службу на благо общества либо в виде социальных гарантий в случае его недееспособности^[32].

В подтверждение сказанного выше можно привести также многочисленные высказывания М. Каддафи, о том, что окончательным решением проблемы социального неравенства будет «не уничтожение частной собственности, а уничтожение прибыли». Комментируя это, А.В. Рясков указывает, что «М. Каддафи предложил решить эту проблему, не возвращаясь к капитализму, но и не доходя до коммунизма, не отторгая принцип частной собственности, но и не относясь к ней как к универсальному спасительному средству». Автор

монографии усматривает значительную близость между взглядами М. Каддафи и взглядами домарксистских теоретиков «социалистического утопизма» Прудона и Сен-Симона, выступавших не за уничтожение частной собственности, а за имущественное равновесие в социуме, основанное на «уничтожении эксплуатации человека человеком». В более широком аспекте эти взгляды в целом свойственны различным теориям «общинного социализма» — от воззрений Г.А. Насера до русских народников конца XIX века. Все они в той ли иной мере основаны на 1) коллективной собственности на землю, 2) имущественном равновесии в обществе, противодействующем концентрации капитала в руках элиты. Конечно, любой человек, мало-мальски знакомый с историей левой мысли XX века, читал о «реакционности» идей «общинного социализма» и той критике, которой подвергались народники и эсеры со стороны марксистов. Всё это, конечно так, но при этом не следует забывать, что марксисты критиковали народников, прудонистов и эсеров не в силу своего дурного характера, а в силу того, что в конкретную историческую эпоху видели их теоретическую ущербность. Сельские общины, равно как и сообщества мелких производителей в городах Европы и России, были настолько подорваны и маргинализированы стремительно развивающимся капитализмом, что их апологетика в конце XIX начале XX века не могла не относиться к разряду социальных утопий. Но то, что безвозвратно ушло в прошлое на европейском континенте более ста лет назад, сохранило свою жизнеспособность до настоящего времени в других местах планеты, в частности в Африке. Синтез традиционных эгалитаристских представлений бедуинского общества и левых идеологий Запада на ливийской почве неожиданно оказался продуктивным и жизнеспособным во второй половине XX века, что неоднократно констатирует А.В.Рясов^[33]. Но важно, что автор не ограничивается теоретическими сопоставлениями, а отводит главную роль социальным трансформациям. Он, в частности, пишет: «Создание систем бесплатного образования и здравоохранения, уделение внимания сфере социального обеспечения, существенное сглаживание материального неравенства, частичное решение жилищной проблемы — все эти реальные изменения в социально-экономической области не могли не способствовать легитимации джамахирийского режима».

«Либерализация народовластия»?

Значительный интерес представляют последние главы книги, посвящённые социально-экономическим процессам в Ливии, развивающимся с начала 90-х годов. Если говорить кратко, то автор характеризует их как «либерализацию народовластия» и «замену народного социализма народным капитализмом». Действительно, А.В. Рясков указывает на постепенную отмену монополии внешней торговли, на допуск иностранных монополий в добывающую отрасль страны, на активизировавшиеся контакты Ливии с ведущими странами Западной Европы и, соответственно, свёртывание военно-экономической помощи таким её традиционным левым реципиентам, как фронт ПОЛИСАРИО в Западной Сахаре или компартия Филиппин. В то же время автор не находит оснований говорить, что происходящие изменения затронули «основу основ» ливийского общества — систему «прямой демократии», состоящую из «народных конгрессов» и «народных комитетов», Они, по словам автора книги, «отнюдь не превращаются в социальные артефакты».

На наш взгляд, в этой связи важно акцентировать внимание на следующем. В отличие от СССР и стран Восточной Европы, вставших на путь «рыночных отношений» в начале 90-х годов (а Китай — на 12 лет раньше), в Ливии на протяжении последнего десятилетия XX века левые установки, по мнению А.В. Ряскова, не исчезли из внутренней политики, а «социальная справедливость по-прежнему оставалась действенным элементом идеологии». Известно, что в 1993 году М. Каддафи, в частности, объявил о распределении среди граждан Ливии половины доходов, получаемых от нефти, оставив вторую половину в бюджете. Этот закон впоследствии корректировался, но часть нефтяных доходов по-прежнему распределяется среди многодетных семей. Серьёзный шаг ливийского руководства в сторону «открытости» (объявленный А.В. Рясковым «окончательным отходом Каддафи от левых установок») произошёл только в 2003 году, когда было объявлено о возможности приватизации в области нефтяной промышленности и привлечения иностранных экспертов к её управлению. Позже, в 2005 году последовало законодательное разрешение индивидуального предпринимательства (ранее

предпринимательство было возможно в рамках кооперативного или семейного бизнеса).

Конечно, все вышеперечисленные социально экономические трансформации в Ливии — реальность, не вызывающая удивления. Давление мирового рынка на национальные экономики даже развитых стран сейчас сильно как никогда. Удивление вызывает другое: каким образом Ливия, имея пятимиллионное население и ограниченные ресурсы, смогла в условиях экономической блокады в течение 10 лет не капитулировать перед «глобальными игроками», прежде всего США^[34]. Интерес лидеров стран Евросоюза к Ливии понятен. Рост цен на энергоносители, контроль США над Ираком и зоной Персидского залива являются мощными двигателями межгосударственных отношений. А в силу географических причин ливийская нефть чрезвычайно близка, а следовательно, дешева для Европы. С другой стороны, США, теряя контроль над нефтяными ресурсами Венесуэлы, видимо, не против переориентировать часть нефтедобывающих ТНК на средиземноморский театр. По оценкам ЦРУ, доказанные запасы нефти в Ливии по состоянию на 1 января 2006 года превышали 41 млрд баррелей, а природного газа — 1,4 трлн кубометров. Так или иначе, но отказ Триполи от разработки ОМП стимулировал чрезвычайную дипломатическую активность вокруг Ливии. Сами ливийцы на вопрос о сближении Ливии с Евросоюзом отвечают с некоторой долей наивности: «Так ведь не Каддафи ездит к европейским лидерам, а они к нему»^[35]. Впрочем, сам Каддафи за последнее время также успел побывать в Бельгии, Франции и Испании.

В начале своей книги А.В. Рясков довольно внятно характеризует современный глобальный капитализм как систему «унилатеральной финансовой ретерриториализации, сосредоточенной вокруг глобальных мегаполисов», при которой «национальные финансовые системы утрачивали последние черты самостоятельности... Новая экономическая ситуация предполагала... создание вертикально структурируемого социума с жёсткой иерархией стран и народов». В этой жёсткой иерархии арабскому миру уготована отнюдь не высокая ступень. Если это верно, то резонно спросить, насколько серьёзные рассуждения автора о ливийском «народном капитализме», который теперь «вместо народного социализма» скрепляет «наполненные

новым содержанием» «джамахирийские институты»? Насколько в условиях неолиберальной глобализации правомерна и научна сама постановка вопроса о «народном капитализме» в «одной отдельно взятой стране»? Опыт стран бывшего «советского блока» и многих государств «третьего мира» демонстрирует как раз обратное: принятие неолиберальных рецептов ведёт к немедленной трансформации общественных отношений и *vice versa*. Возникший после продвижения неолиберального проекта капитализм (как это было в Индонезии, Алжире, бывшем СССР), как правило, ничего не скрепляет, а как раз наоборот, служит фактором дезинтеграции общества. Определённым исключением из правил является опыт Китая, Вьетнама и Кубы. Но опять-таки причиной относительной стабильности этих стран можно признать «дозированное» восприятие современного капитализма, которое правительства пытаются уравновесить как государственным контролем, так и расширением социальных программ.

Представляется, что «устойчивость джамахирийских институтов» в Ливии, вопреки мнению автора, также основана на «дозированном восприятии» неолиберального проекта. Подтверждением этому может служить исследование И.М. Моховой «Западное Средиземноморье: проблемы интеграции» (М., 2005). Эта книга посвящена так называемому евросредиземноморскому партнёрству, то есть созданию в Магрибе и, возможно, в Западной Африке ассоциации государств на правах «младшего партнёра» Евросоюза. Неолиберальные лекала, лежащие в основе этого проекта, исследовательница не только не отрицает, но преподносит как достоинство. В книге достаточно внимания уделено и Ливии. И.М. Мохова бросает немало упреков М. Каддафи, который, по её мнению, в отличие от руководителей Алжира, Туниса, Марокко и Мавритании, не спешит «из-за собственных политических амбиций» вписываться «в общий интеграционный процесс».

С учётом этого мы можем высказать мнение, что и А.В. Рясков забегает много вперёд в своём признании окончательной и бесповоротной девальвации левых идей в современной Ливии. Совершенно справедливо констатируя уступки мировому капитализму, сделанные ливийским руководством в последние годы^[36], автор не находит оснований констатировать трансформацию социально-политической структуры Ливии, созданной в годы революции. Как

показывают пример стран бывшего СССР и Восточной Европы, именно эти социальные трансформации и позволяют судить о «полной и окончательной» реставрации капитализма. Странно, что из авторского анализа выпал такой крупный социально-политический феномен последних лет, как боливарианская революция в Венесуэле, о которой А.В. Рясков не говорит ни слова. Вместе с тем эта проблема крайне интересна в двух аспектах — межгосударственных отношениях Ливии и Венесуэлы и в сходстве многих идеологических положений «третьей мировой теории» с «боливарианской доктриной» президента Венесуэлы Уго Чавеса, предусматривающей «народные комитеты» как первичное звено власти народа. Немало общего можно увидеть, сравнивая персоналии Чавеса и Каддафи.

Анализируя тенденции глобализации капитализма в целом и применительно к арабскому Востоку, А.В. Рясков, к сожалению, упускает из виду противоположные процессы, которые не играют пока доминирующей роли на мировой арене, но в то же время не столь незначительны, чтобы остаться без внимания. Так, полевание в Латинской Америке, где пример Венесуэлы становится заразительным для целого ряда стран, уже трудно причислить к социальным артефактам. А ведь исторический прогноз ценен постольку, поскольку имеет многовариантный характер.

Послесловие

Когда интернет-версия этой статьи была уже послана для публикации, ведущие мировые СМИ вновь привлекли внимание к Ливии, сообщив, что 2 марта 2008 года, в день национального праздника годовщины провозглашения народовластия, Муаммар Каддафи призвал упразднить большинство народных комитетов (министерств) Ливии, кроме ключевых, ответственных за международные отношения, правопорядок, безопасность и оборону страны. Такой нестандартный шаг был мотивирован тем, что, по мнению Каддафи, аппарат народных комитетов не справился с распределением доходов от продажи нефти, поглотив львиную долю госбюджета. Обращаясь к сессии Верховного Народного Конгресса,

Каддафи заявил, что «многие годы ливийцы были несчастливы из-за работы главных народных комитетов, которые превратились в бюрократические лабиринты, где царила коррупция и халатное отношение к делу»^[37]. Некоторые агентства привели и более жёсткие высказывания ливийского руководителя: «Государственный аппарат — это спрут, который поглощает народные богатства, не выполняя возложенные на него функции»^[38]. Каддафи также заявил, что «победит бедность, распределив поровну между гражданами Ливии доходы от продажи нефти». По его словам, каждая семья будет получать ежемесячно по 5 тысяч ливийских динаров (4166 долларов). Эти деньги могут использоваться как для удовлетворения потребностей граждан, так и для создания предприятий малого бизнеса. Со временем в управление граждан перейдут и такие объекты инфраструктуры, как больницы и образовательные учреждения, таким образом, профильные министерства больше не будут востребованы. Новые органы управления, по мнению Каддафи, сформируются народом «стихийно» на местах гражданами страны и будут более эффективными^[39]. Российские СМИ, в очередной раз подчеркнув «эксцентричность» ливийского лидера, достаточно быстро переключились на другие события. Мировые информационные агентства задержались на этой теме значительно дольше: делались осторожные прогнозы относительно перспектив дальнейшей либерализации Ливии «в условиях борьбы с государственным бюрократизмом». Анализ этих перспектив заслуживает особого изучения без ненужной поспешности (судя по ливийским источникам, процесс «реструктуризации» народных комитетов может растянуться до осени). Тем не менее, уже сейчас нельзя обойти вниманием факт годовой давности, когда премьер-министр нынешнего увольняемого правительства Аль-Багдади Али Махмуди на сессии ливийского парламента предложил план увольнения 400 тысяч работников государственного сектора страны, что составляет более одной трети всех госслужащих Ливии^[40]. Данная мера, по мнению правительства, должна была повысить рентабельность и стимулировать частную инициативу. Но, судя по недавним событиям, Каддафи остался верен нестандартным подходам, которые уже не однажды использовал в прошлом: а именно предложил решить проблему нерентабельности

ливийского госсектора путём избавления от неэффективной, по его мнению, исполнительной власти.

КНИГИ

Манипуляция и демократия

Дмитрий Парамонов

И.В. Эйдман. Прорыв в будущее: социология интернет-революции. М.: ОГИ, 2007.

О новых демократических возможностях, открывающихся перед нами в век информационных технологий, писали уже многие. Но далеко не все решаются говорить о связи между информационной организацией общества и эксплуатацией, о том, насколько наша жизнь, несмотря на все передовые открытия и изобретения, остаётся объектом манипуляции, о том, насколько мы остаёмся, при всех наших демократических правах, заложниками существующих властных элит.

Книга Игоря Эйдмана представляет собой глубокий анализ социально-психологических процессов в современном обществе и эволюции мотивационных потенциалов человека как участника социальной и экономической деятельности. В книге рассмотрено влияние современных информационных технологий и средств связи на процессы информационного и социального обмена и дан прогноз политической и экономической организации общества будущего.

Отправной точкой исследования является анализ ценностей и мотивов социальной деятельности человека. Постулат об изначальной рациональности мотивов означает стремление человека к максимизации своего социального статуса, материального потребления или эмоционального удовлетворения от творческой деятельности при минимальных затратах собственных жизненных ресурсов. Основным препятствием для рационального поведения в социальной жизни предполагается недостаток информации, который не позволяет правильно проанализировать все возможные альтернативы поведения и выбрать наиболее оптимальный. Решение каждым человеком задачи сбора и анализа всей теоретически доступной информации об окружающем мире не представляется возможным ни сейчас, ни в обозримом будущем. Неравенство в доступе к информации между членами общества, по мнению автора, создаёт возможность манипуляции, то есть ненасильственного побуждения людей к

действиям, которые в действительности противоречат их рациональным интересам.

Процесс социальной реализации человека представлен как превращение потенциалов социального статуса в источники такого статуса. Потенциалами являются перспективы и возможности человека в начале его социальной деятельности. К ним относятся генетически обусловленные качества и способности, такие как способности к определённым видам профессиональной деятельности, стремление к повышению социального статуса (основной социальный инстинкт) и противоположное стремление к экономии своих жизненных ресурсов (сберегающий инстинкт). Сюда же относятся и «приписанные социальные ресурсы», такие как образование, унаследованная собственность, место проживания, социальные связи, вероисповедание и т. д. В книге Эйдмана представлены математические модели превращения потенциалов в источники социального статуса и формирования социальной траектории человека, то есть его движения в различных социальных иерархиях. Оригинальной чертой предложенной модели является введение коэффициента социальной рациональности, отражающего степень устойчивости человека к манипуляции и его умение принимать рациональные решения при негативном внешнем воздействии и недостатке информации. Иными словами, сталкиваясь с рекламой или пропагандой, одни люди сравнительно легко поддаются и совершают запрограммированные действия — опускают в урны бюллетени, бегут в магазин отдавать свои деньги, записываются во всевозможные секты или объединения. Другие люди, формально находящиеся ровно в той же социальной ситуации, проявляют скептицизм, идут против течения, даже пытаются в глазах других разоблачить механизм манипуляции.

Эта проблема особенно остро стоит в современной России, где манипуляция на протяжении длительного времени является не просто основной, но по существу и единственной «политической технологией», применяемой правящими кругами.

Модель Эйдмана учитывает также и случайности, влияющие на социальный статус человека, но не зависящие от его индивидуальных социальных потенциалов и поведения. Далеко не всегда каждый является кузнецом своего счастья. Нам может просто повезти. Или наоборот. Но направление развития общества от этого не изменится.

Модель динамической оценки обществом потенциалов социального статуса применена к проблеме циркуляции элит. В этом контексте рассматриваются функционально-профессиональная составляющая социальной деятельности человека и деятельность, направленная на изменение или сохранение общественного устройства. Предполагается, что оба вида социальной деятельности могут иметь рациональный и иррациональный компоненты. Большая часть исследования посвящена анализу методов и приёмов социальной манипуляции, которая ведёт к неэквивалентному обмену различными благами между членами общества. Подробно рассмотрены основные категории манипулятивного воздействия, связанные с недостаточным пониманием людьми их рациональных интересов, внутренних мотивов, целей деятельности и средств/путей их достижения.

Вводится интересное деление манипуляции на системную, бытовую и криминальную. Под системной манипуляцией понимаются юридически узаконенные действия правящей элиты по сохранению своей власти, привилегий и возможностей дальнейшего манипулирования обществом.

Примерами системной манипуляции являются религия, идеологии (национализм, патриотизм, либерализм, «рыночный фундаментализм»), экономические институты и инструменты (частная собственность на средства производства, рынки валют и ценных бумаг, реклама) и социальные институты и концепции (представительная демократия, социальное происхождение, образование). К бытовой манипуляции относятся действия членов общества по обеспечению неэквивалентного обмена в свою пользу. Такие методы могут подвергаться моральному осуждению общества (биржевые спекуляции, порнография, взяточничество), но быть терпимы элитой, если не посягают на её социальное господство. К криминальной или контрсистемной манипуляции автор относит манипуляцию, которая нарушает существующую социальную организацию, угрожает положению правящей элиты и подавляется.

Очевидные различия в социальных потенциалах членов общества означают различия в уровнях достижимого социального статуса даже в условиях эквивалентного обмена и отсутствия манипуляции. Это является неизбежной характеристикой человеческого общества. Однако, являясь одним из условий эксплуатации и неэквивалентного

обмена (причём не только экономического), манипуляция представляется нежелательным явлением в обществе, которое ставит своей рациональной целью достижение максимально полного соответствия между социальным и творческим потенциалом человека, его общественно-полезной деятельностью и объёмом благ, получаемых от общества, причём благами являются не только материальные блага, но и духовные, например, престиж или возможность творческой самореализации. Манипуляция ведёт к отклонению иерархии социальных статусов членов общества от наиболее оптимальной и справедливой иерархии, которая соответствует иерархии социальных потенциалов, реализуемых в процессе жизни человека.

В качестве средства борьбы со всеми формами манипуляции и, как следствие, с социальным паразитизмом, И. Эйдман видит дальнейшее внедрение современных информационных технологий, что обеспечит каждому индивиду возможность принятия более рациональных решений в процессе социального обмена. Если манипуляция направлена на перераспределение ограниченных общественных ресурсов, то её неизбежная альтернатива в информационном обществе — профессиональная творческая деятельность — ведёт к созданию новых социальных ценностей, которые в отсутствие искусственных, манипулятивных ограничений становятся доступны всем членам общества. В таком обществе место человека в социальной иерархии будет определяться не его властным или материальным положением и не актёрскими, манипулятивными способностями, а результатом его общественно-полезной, творческой деятельности.

С точки зрения Эйдмана, ключевым выводом является возможность и желательность замены системы представительной демократии современного буржуазного государства прямой демократией, реализуемой с использованием современных средств связи. Другим выводом становится необходимость замены чиновничьей бюрократии, выполняющей функции исполнительной власти, динамичными ассоциациями профессионалов, которые фактически нанимаются обществом для реализации конкретных проектов и получают вознаграждение непосредственно от общества по результатам своего труда. В экономической области предполагается, что переход к свободному обмену продуктами интеллектуальной

деятельности позволит максимизировать творческий потенциал общества и освободиться от всех форм эксплуатации, как связанных с наличием частной собственности на средства производства, так и с манипулированием наёмными работниками и потребителями со стороны крупных собственников/производителей.

Однако очевидно, что наличие технических возможностей не является достаточным условием для перехода от манипулятивной системы к рациональному самоуправлению. Новый демократический идеал может быть реализован только за счёт осознанного социального и политического действия, в котором принимают участие миллионы людей. Именно для тех, кто ставит перед собой подобные цели, книга Эйдмана является ценнейшим источником свежих идей и методологических подходов.

Уроки демократии от Владислава Суркова

Илья Будрайтскис

В. Сурков. «Тексты 97–07». М.: Европа, 2008.

Вышедшую в свет книгу замглавы Администрации Президента Владислава Суркова «Тексты 97–07», как и следовало ожидать, встретил целый залп заинтересованных и эмоциональных отзывов. Точнее сказать, два разнонаправленных, но одинаково предсказуемых залпа. Либеральная оппозиция расценила публикацию текстов Суркова как очередное свидетельство развития новой государственной идеологии, призванной оправдать расправы над «несогласными», в то время как бодрые прокремлёвские публицисты отметили исключительный вклад автора «Текстов» в политическую мысль современной России. Надо сказать, каждая из этих оценок по-своему справедлива — ведь речь идёт об относительно новом для российской ситуации жанре «популярной философии».

Этот жанр в своих наиболее известных образцах (например, в публикациях американских «неоконов») представляет собой спекулятивный продукт, не столько формирующий и уточняющий завершённый в целом проект государственной идеологии, сколько обеспечивающий красивое и внешне стройное обоснование текущей политики. «Популярная философия», лишённая академической основательности, должна быть по-настоящему понятной, образной и легко переводимой на язык повседневной публичной политики господствующего класса. Нельзя не признать, что потребность в литературе такого рода сегодня действительно есть.

Распределяя и перераспределяя собственность, разворовывая бюджет, организуя корпоративное давление на соседние государства, пробивая себе дорогу в клуб мировой элиты, российский правящий класс 2000-х постоянно «корчился безъязыкий», не в силах членораздельно и убедительно объяснять свои действия окружающим. И если предшествующие 1990-е, «время надежд», смогли породить талантливое и яркое поколение лжецов и пропагандистов, задачи

нового времени мучительно продолжают искать своего выразителя. «Публичная политика», на отсутствие которой сегодня так любят жаловаться оказавшиеся не у дел либеральные публицисты, и в 1990-е, и в 2000-е существовала и продолжает существовать исключительно как пропаганда сверху. Пропаганда всегда инновативна, подвижна, она постоянно развивается, приспособливаясь к реальности и без сожаления отбрасывая удачные в прошлом, но уже не работающие в настоящем штампы и формулировки.

Поэтому сложно недооценить место, которое занимает Владислав Сурков в продолжающейся политической истории последнего десятилетия. Более того, именно этот человек стал практически синонимом «публичной политики», творцом и архитектором нового, находящегося в процессе конструирования, большого стиля государственной пропаганды. За последние несколько лет под крылом Суркова выросло и возмужало целое созвездие молодых, напористых, но по большей части фантастически посредственных идеологов и журналистов. Их телепередачи, статьи в газетах и интернет-изданиях продолжают производить странное впечатление безадресности. Очевидно, что их адресат — уже не обычный гражданин, лояльность которого к власти predetermined именно предельной деполитизацией и пассивностью общества. Это и не исчезающий вид «интеллигенции», остатки которой явно не настроены на потребление подобной неубедительной и низкокачественной продукции. И уж конечно, это не «средний класс», слишком увлечённый безудержным карнавалом потребления, чтобы испытывать действительную потребность в ежедневных дозах государственного патриотизма. Единственный благодарный слушатель кремлёвских концепций — бюрократия всех уровней. Формулировки, чёткие определения, словари политических терминов нужны ей как воздух. Именно для неё и предназначена «публичная философия» Суркова и его учеников. Ведь с каждым новым поворотом политической линии руководства страны бюрократия должна находить нужные слова для её обоснования — и для публики, и для самих себя.

Книга Суркова не случайно практически полностью состоит из текстов выступлений перед разными аудиториями — «активом» «Единой России», политологами, журналистами. «Тексты 97–07» — это прежде всего презентация продуманного образовательного

процесса, настоящей школы для бюрократии и её литературной периферии. Как всякий хороший педагогический продукт, учебник от Суркова призван не столько давать знания (это по большей части — привилегия высшего образования), сколько развивать навыки. Современный бюрократ или продажный политолог должен не просто качественно врать по случаю, но и уметь развернуть свою позицию. Не безыскусно и занудно оправдывать каждую новую инициативу власти, но вписать её в общую картину мира.

Предложенная Сурковым философия легка для восприятия, сдобрена яркими образами и запоминающимися парадоксами, шутками и популярными историческими примерами. Итак, по Суркову, современный мир — это арена соревнования национальных политических элит, каждая из которых имеет свою историю, квалификацию, арсенал методов. Мы, жители России, должны понимать и обслуживать свою, российскую, элиту, так как она является важнейшим и определяющим органом единого тела национальной жизни. Верность власти и отчётливое представление о своём естественном месте — высшая гражданская добродетель и свидетельство принадлежности к «русской политической культуре». В чём же заключается эта культура? Ответ очевиден: в сильной централизованной власти, проводящей модернизацию страны. Демократия в умеренных количествах вполне соответствует задачам модернизации и удачно дополняет властную вертикаль. Неприятие означенной вертикали в любой форме выносит критика за пределы «русского мира» и свойственных ему представлений о демократии, так как сильная президентская власть есть не что иное, как выражение «моноцентристского архетипа национального бессознательного». А у архетипа на пути лучше не стоять — раздавит (о чём недвусмысленно свидетельствуют приводимые Сурковым уроки истории). Политическая схема Суркова, кстати, наглядна и убедительна во многом благодаря своей фатальности, безысходности. «Культура — это судьба» — и мы должны принять её такой, какая она есть, или сгнуться в пучине безвестности. На мой вкус, к историческим и литературным экскурсам Суркова (Достоевский, Февральская революция, Рузвельт, Бродский, Иван Ильин) стоило бы добавить какой-нибудь небольшой круглый стол ФЭПа, посвящённый теме судьбы в древнегреческой трагедии и её актуальности в контексте прошлой и нынешней

оппозиции в России. У российской оппозиции нет шансов — ведь она пытается поставить под сомнение «русскую политическую культуру», изменить культурный код, заданный поколениями бояр, царей и правителей и с гордостью принятый всеми остальными нашими предками. Вообще, главный урок всей предшествующей истории, по Суркову, если свести его к одной формуле, заключается в том, что необходимо принимать вещи такими, какие они есть. Этот подход представляется наиболее продуктивным для понимания, например, демократии. Оппозиционные либералы, приводя ряд абстрактных признаков демократии (гражданские свободы, политические права, открытость политического процесса) и сопоставляя их с ситуацией в России, приходят к выводу, что у нас демократии нет. Но ведь в любой демократической стране мы можем с лёгкостью обнаружить отсутствие одного или нескольких подобных признаков, найти очевидные сбои в работе политических механизмов демократии. Можем ли на этом основании признать, что демократия в этих странах отсутствует? Разумеется, нет. Более того, «когда демократия несовершенна, это говорит о том, что она жива». В понимании этого простого факта и заключён смысл скандального термина «суверенная демократия». То есть демократия, которая имеется в наличии в той или иной стране, является суверенной. И в этом с автором «Текстов 97–07» действительно нельзя поспорить — ведь сложно отрицать право правящего класса той или иной страны назвать своё правление демократическим, если он считает это нужным и важным. Более того, в признании и артикуляции этой нехитрой истины заложена и основа по-настоящему равноправных и в меру искренних отношений России и Запада. Если вы называете вторжение в Ирак или бомбардировки Югославии «борьбой за демократию», а провозглашение независимости Косово — соответствующим демократическим нормам, почему мы лишены возможности так же украшать этим прилагательным любые зигзаги российской внутренней и внешней политики? В конечном счёте, Сурков возвращает российской бюрократии потерянное чувство собственного достоинства, избавляет её от комплекса неполноценности. Мы такие же, как они, ничем не лучше и не хуже. Гуманитарная лексика как обоснование военных интервенций и права человека как оправдание репрессий — вот подлинный язык межнационального общения, которому надо учиться,

преодолевая трудности перевода. Только приобретая навыки общения мировой элиты, элита российская может стать её полноправной частью. И книга Владислава Суркова — важный вклад в это великое дело. Достаточно сравнить: «Власть консервативных принципов поддерживается в наиболее сильной, процветающей и свободной стране за всю историю мира. В США были сохранены основы конституционного правления, нанесено поражение иностранным тираниям, реформирована потерпевшая крах система социального обеспечения, а конфискационный подоходный налог в течение нескольких десятилетий был существенно снижен» (Фред Томпсон, один из ведущих республиканских политиков США) и «Россия стремится к свободе от нужды и свободе от страха, борясь с терроризмом, коррупцией и бедностью» (Владислав Сурков). Ведь можем, когда хотим?

Философские игры в бисер

Владимир Очкин

**Кто сегодня делает философию в России / Автор-составитель
А.С. Нилогов. Т. 1. М.: Поколение, 2007.**

Скажите мне, какой чудесный клад

Несёте вы поведать человеку.

Н.А. Заболоцкий

...А мы всё ставим каверзный ответ

И не находим нужного вопроса.

В. С. Высоцкий

Первый том книги с заманчивым для мыслящего человека названием «Кто сегодня делает философию в России», вышедший в рамках проекта «Современная русская философия», представляет собой весьма объёмистое, прекрасно оформленное и отлично напечатанное издание, которым, несомненно, захочется пополнить свою библиотеку отнюдь не только философу по профессии. К сожалению, тираж — всего 3 тысячи экземпляров, что явно маловато даже для наших столиц, не говоря уж о провинции. Книга состоит из Введения («Что такое современная русская философия?») и «Вечное «дежавю» философии»), написанного А. Ниловым, и двух частей: «Философские беседы» и «Философские манифесты».

В совокупности получается 31 идейно-психолого-социальный — поскольку даны вкратце сведения о каждом мыслителе — и даже визуальный (фотографии предваряют каждый текст и украшают обложку книги) портрет тех, кто олицетворяет нынешний философский «класс» (клан? страту? бомонд?). Кое-кто из этого сообщества представлен в обеих частях книги, некоторые — лишь в одной. В целом такая композиция даёт внимательному читателю возможность составить себе более или менее чёткое представление о некоторой части (перед нами ведь лишь первый том!) персоналий современной российской философии. А вместе с тем, соответственно,

и об идейном содержании и состоянии этой самой философии, о том, каковы те теоретические плоды («чудесные клады»), которые она может предложить публике.

Первое впечатление от этого философского изобилия и многоцветья: какая смесь идей и лиц! Действительно, стоит хотя бы прочесть наиболее броские заглавия текстов: «Где пушки — там и философия!», «Мира нет и не надо», «Миром правят философы!», «Честно говоря, никакой русской философии нет», «Борьба со смертобожничеством», «Теория “философии небытия”», «Умножение сущностей», «Судьба бытия и Последняя Доктрина», «Философия антиязыка» и т. д. И сразу понятно: сколько голов, столько и философских умов. По мере же ознакомления с текстами вспоминается объявление в американском супермаркете: «Если вы не знаете, что вам нужно, то это у нас есть!» Но чем больше осваиваешься с деталями предлагаемых спекулятивных конструкций, тем в большей мере начинаешь понимать то чувство, которое выразил античный киник, обозревая богатство и разнообразие товаров чужеземного рынка: «Как много здесь вещей, в которых я не нуждаюсь!» Нет! Пусть будет стыдно тому, кто поймёт это в смысле ненужности, бесполезности проделанной составителем громадной работы и спрессованного в книге богатства метафизической информации. Ничего подобного. С профессионально-философской точки зрения во многих текстах обнаруживаешь как раз немало весьма интересного. Особенно если понимать этот термин в том специфическом смысле, который так изящно выразил Михаил Эпштейн, доказывая, что «интересность научной работы или теории обратно пропорциональна вероятности её тезиса и прямо пропорциональна достоверности аргумента... Интересность — это соотношение, образуемое дробью, в числителе которой стоит достоверность доказательства, а в знаменателе — вероятность доказуемого» (с. 566). К примеру, что может быть интереснее в указанном смысле для философа, чем попытка философа и поэта Натана Солодухо обосновать «онтологический статус небытия», то есть доказать, что именно «небытие абсолютно» и, следовательно, есть «первоначало». «Бытие или небытие: с чего берёт своё начало мир? Этот вопрос должен быть признан исходным философским вопросом» (с. 549)! А не какой-то там придуманный самоучкой Энгельсом «высший вопрос всей философии, вопрос об

отношении мышления к бытию, духа к природе»! То, что при этом неминуемо признаётся сотворение мира, а стало быть, и Творец оно, по-видимому, ничуть не смущает нашего новатора, коему и сам Парменид не указ. Лично меня этот философский подвиг Солодухо аж на пару сонетов вдохновил. Вот до чего эвристична данная книга даже в малой своей части. Что уж говорить обо всём этом философском «громадье»! Есть разгуляться где на воле любителю философских упражнений!

Поразительно поэтому, что далеко не все разделяют столь возвышенное мнение о достижениях современного российского философствования, которое даже и в этой книге некоторые коллеги называют «философовалением», «философообразием», «мастерством игры в бисер» и тому подобными сомнительными обозначениями. И, опять-таки в качестве подтверждения, как тут не привести обобщённую классификацию, которую излагает Константин Крылов, размышляя над тем, «какая именно философия ныне процвела в нашем пока ещё Отечестве», в тексте под симптоматичным названием «Проба пера: философия после приватизации». Крылов констатирует следующие её, как теперь говорят, тренды: «Во-первых, переводная, читайте — дающая возможность интеллектуалу позаниматься самым сладким, то есть западными проблемами... В самом лучшем случае — писанием книг, единственным достоинством которых является то, что они похожи на переводы. Во-вторых, жива ещё философия “русская”, то есть “православие, самодержавие, духовность”, настаиваемые то на Ильине, то на Булгакове... В-третьих, постмодернизм по-русски. Это не философия, а разновидность, так называемого “современного искусства” — то есть интересная чушь... И наконец, есть классический Дугин, “имперство” и ему подобное философствование реванша, “когда-нибудь мы поднимемся и ударим Третьим Римом по вражьей морде” — главным условием которого является демонстративная утопичность... Существуют стратегические союзы между “духовностью” и “имперством”, с одной стороны, и постмодернизмом и переводняком — с другой. В первом случае получается “гиренок”, во втором — какие-нибудь “евроонтологии”. Случается, впрочем, и свальный грех, смешение всего со всем. Ну так что? Как возможно приличному человеку заниматься чем-то из вышеперечисленного?» (с. 428). Вопрос не в бровь, а в глаз!

Кстати сказать, оценка К.А. Крыловым «западнофильского» течения в современной российской философии напомнила строки давних литературных эпиграмм А.А. Бестужева-Марлинского:

*... Чужой хандры, чужого смеха
Всеповторяющее эхо!
...И рады, что нашли возможность,
На разум века не смотря,
Свою распухлую ничтожность
прикрыть цветами словаря!*

Художественная типизация — философский дух поэзии!

Чем же в целом привлекает крыловская нелицеприятная классификация, воплотившаяся в немалой степени и в рассматриваемом издании? Не только тем, что К.А. Крылов прямо и недвусмысленно, как тот андерсеновский мальчик, сказал, что «король-то голый». Но, главное, тем, что он, как и следует честно мыслящему аналитику, в отличие от «идеологов» (в том смысле, в каком «идеологизм» понимали авторы «Немецкой идеологии»), остро, ребром поставил тот нужный вопрос, который в жизненно-определяющем аспекте сегодня в России есть, говоря словами молодого Маркса, «девиз времени, его в высшей степени практический клич, выражающий его собственное душевное состояние»^[41]. Вопрос, который обходят, как кот горячую кашу, другие, идеологически философствующие в своих «башнях из слоновой кости», а именно: «Можно ли философствовать после российской приватизации девяностых годов?» (По аналогии с фразой Теодора Адорно: «После Освенцима нельзя писать стихов».) А вся соль здесь в том, что по своей практическо-нравственной сути приватизация, по определению Крылова — «как центр, сердце «реформ» — была не просто «воровством» или «ограблением народа»... Нет, приватизация была именно изнасилованием. Нас — как целое, как народ — поимели. И все это чувствуют, «знают нутром». «Чего уж там» (с. 427). Скажете, не философский язык? Но суть-то схвачена!

Да, в принципе, это верно сказано. Вот только насчёт того, что «все это чувствуют», — желаемое явно выдаётся за действительное. Увы. Если б «чувствовали», было бы великое чувство стыда. А как блестяще писал опять-таки Маркс, «стыд — это уже своего рода

революция... Стыд — это своего рода гнев, только обращённый вовнутрь. И если бы целая нация действительно испытала чувство стыда, она была бы подобна льву, который весь сжимается, готовясь к прыжку». Но куда там! Лейтмотив в России ныне — ничего не стыдно, смиренное терпение нижних и самодовольное чмоканье и хрюканье тех, кто у корыта. А философы, разумеется, «хочут свою образованность показать и всё время говорят о непонятном»: о «дежавю», о «граф-анализе», о «неовизантизме», о «философии как ressentiment-е», об «аттрактив-анализе» и т. д. и т. п. (это я пометил заглавия ещё некоторых текстов книги в добавление к вышеуказанным). В общем, «каждому — своё» — известная мудрость расколотого мира, которому в его вроде бы «стабильные» моменты и философия нужна соответствующая. Не та, что является «животворящим духом всемирно-исторических процессов», а такая, что выступает «лишь грелкой для отдельных умов» и неким частным «счастьем для своего времени; так ночная бабочка, после захода общего для всех солнца, ищет света ламп, которые люди зажигают каждый для себя». И тогда получается лишь «карнавал философии», для которой «существенно теперь то, что она надевает на себя характерные маски»^[42]. Как давно сказано и как верно понято, что когда речь идёт вообще о «всей философии в старом смысле слова»^[43], здравствующей и поныне, о «чистой, совершенно философской философии»^[44], неспособной быть «духовным оружием» освобождения Труда от власти Капитала, тогда и получается, по знаменитой формуле авторов «Немецкой идеологии», что «философия и изучение действительного мира относятся друг к другу, как онанизм и половая любовь»^[45]. Метафора многозначительная, практикой, в том числе и современной, подтверждённая и обжалованию не подлежит, ибо относится к любой философии, способной в лучшем случае интерпретировать, истолковывать мир, но не способной дать истинный лозунг борьбы, служить руководством для действия революционных сил, борющихся за то, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда, создавая мир, в котором свободное развитие каждого является условием свободного развития всех. И не надо обижаться.

Поясняя своё понимание 11-го тезиса Маркса о Фейербахе, А.Ю. Ашкеров, открывающий раздел «Философские беседы», выразился

так: «Иногда нужно просто дать хук в челюсть, нежели два часа объяснять, почему его нужно дать. В некоторых случаях это вполне может быть философским жестом. И, знаете, Маркс — образцовая фигура, чья философия может рассматриваться в качестве такого хука в челюсть. Хотя на том же самом примере мы в полной мере можем оценить, что философы не обладают монополией на реформирование мира и прогнозирование его развития» (с. 34). «Хук в челюсть» в ответ на «изнасилование» — даже в виде попытки — вполне легитимная и даже минимально необходимая реакция по всем канонам права. Но что-то, увы, не заметил я даже намёка на подобную постановку вопроса почти во всём мной прочитанном и здесь осмысливаемом опусе. А жаль. Но если верно, что вообще философия есть современная ей эпоха, постигнутая в мышлении, то отсюда следует тот тривиальный вывод, что ни эпоху нельзя вполне понять вне анализа отразившей её философии, ни, соответственно, философию и олицетворяющих и воплощающих её философов нельзя должным образом оценить вне осмысления духа и сущности времени, порождающего сей философский «продукт». Ведь и «философы не вырастают как грибы из земли, они — продукт своего времени, своего народа, самые тонкие, драгоценные и невидимые соки которого концентрируются в философских идеях»^[46]. Как говорится, по плодам их познаёте их, и какое время — такие и песни. Вот вам и ещё одна грань полезности подобного рода информационно-просветительских изданий, когда они доведены до необходимой завершенности, в полной мере охватывающей всю освещаемую сферу духовной жизни. Отсюда и естественное пожелание: продолжая начатый обзор современной российской философии, представить читателю и те направления философской мысли, которые оказались вовсе не затронутыми в данном томе, а в особенности ортодоксальных марксистов, в том числе ильенковцев, лифшицианцев и т. д. Ибо надо честно признать, что с классическим марксизмом вообще и его философской составляющей в частности произошёл в России скверный анекдот, почти в духе губермановского «гарика»:

*Мне Маркса жаль: его наследство
свалилось в русскую купель:
здесь цель оправдывала средства,
и средства обосрала цель.*

В самом деле, десятилетиями впахивали во все студенческие головы «три части марксизма» с философией во главе, а в результате и марксистов оказалось на деле «чуть-чуть и маленько», да и на философию вообще, несмотря на нынешнее изобилие учебников и трактатов, в большинстве своём «смотрят как на профессора магии, заклинания которого звучат торжественно, потому что никто их не понимает».

Так что полагать, подобно Нилогову, что «интерес к философии в настоящее время необычайно высок», значит чрезмерно оптимистично обобщать частные наблюдения. К тому же вся соль проблемы, как всегда, не в отношении к философии вообще: таковой фактически и нет в реальности, как нет, скажем, «человека вообще». В этом смысле прав Фёдор Гиренок, подчёркивая: «Философия — это, конечно, имена. Нет имён, нет философии. Поэтому нам нужны имена... Марксизм без Маркса, фрейдизм без Фрейда, христианство без Христа — это как кофе без кофеина. Пустой знак, симулякр» (с. 392, 393). В этом родство философии с искусством, и потому не удивляет тезис Василия Кузнецова: «Философия — поэзия мысли, воспевающая поэтику бытия» (с. 441). А поскольку не бывает-де плохой поэзии, ибо «это уже просто НЕ поэзия», то так отрадно верить философствующему субъекту, вроде Олега Матвейчева, что «в конечном счёте, с большим опозданием, отсрочкой, миром всё же правят философы» (с. 142). Но в таком контексте обнаруживается явная неувязка с так называемой русской философией, за которую справедливо и страстно ратует Нилогов, выступая против тех «эрудитов» (неологизм Ф.И. Гиренка, образованный от соединения слов «эрудит» и «паразит»), которые «отказывают русскому народу в праве на философию», ибо, мол, «русские ещё не доросли и вряд ли когда-нибудь дорастут до постановки собственно философских вопросов» (с. 9). Проблема и в самом деле серьёзнейшая. Утверждают ведь иные, что «русская философия за полной банальностью вообще неинтересна», что о ней можно говорить лишь как о «некотором элементе российской истории, надо сказать, весьма тщедушном и дрянном» (Дмитрий Галковский, с. 51, 52). Да и сводить эту проблему всего лишь к вопросу об интернациональности национального языка, как пытается Нилогов, значит, на мой взгляд, вновь игнорировать

истину, сформулированную более 160 лет назад: «Философам достаточно было бы свести свой язык к обыкновенному языку, от которого он абстрагирован, чтобы узнать в нём извращённый язык действительного мира и понять, что ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства, что они — только проявления действительной жизни»^[47]. И совершенно не случайно поэтому, к примеру, выдающийся русский мыслитель XX век А.Ф. Лосев, подытоживая основные особенности русской философии, именно эту действительностью обусловленную, мировоззренческо-методологическую суть дела, выявляет в её характерных тенденциях: «в учении о бытии — материализм, в учении о человеке — социализм, в учении о цели жизни — подвижничество и героизм ради будущих благ, в учении о познании — единство теории с практикой и практика (в широком смысле) как критерий истины»^[48]. Вот при таком, конгениальном с марксизмом, подходе и не будет, говоря словами Нилогова, «никаких серьёзных оснований относиться к философии как к этимологософствованию (жонглирование смыслами посредством этимологий философских терминов), получившему своё вульгарное распространение после работ М. Хайдеггера» (с. 9). И нельзя не заметить, что этим грехом «этимологософствования» страдает и ряд текстов в рассмотренном издании, которое в целом, как уже сказано, заслуживает самого внимательного и одобрительного отношения.

А по поводу этого самого «этимологического жонглирования» хочется сказать, заключая эти заметки, опять-таки словами Н.А. Заболоцкого:

*И в бессмыслице скомканной речи
Изошрённость известная есть.
Но возможно ль мечты человечьи
В жертву этим забавам принести?
И возможно ли русское слово
Превратить в щебетанье щегла,
Чтобы смысла живая основа
Сквозь него прозвучать не могла?
1948 г.*

В этом прекрасном стихотворении «Читая стихи» Заболоцкий пишет далее, что поэзия

... Не для тех, кто, играя в шарады, Надевает колпак колдуна.

А для тех, между прочим, раз уж речь идёт именно о «русскости» (поэзии ли, философии ли, экономики ли И Т.Д.), кто

Вечно верует в животворящий,

Полный разума русский язык.

По-моему, сказанное здесь поэтом ничуть не слабее фейербаховского: «Если бы речь и мышление непосредственно совпадали, то самые большие болтуны были бы самыми большими мыслителями». Есть истины, над которыми время почти не властно, вопреки изыскам и проискакам самых ретивых модернизаторов, ниспровергателей, нигилистов, постмодернистов и иже с ними, имя же им легион.

Авторы

Председатель редакционного совета
Борис Кагарлицкий

Заместитель председателя
Анна Очкина

Ответственный секретарь
Алексей Козлов

Редакционный совет
Анастасия Кривошанова
Василий Колташов
Илья Будрайтскис
Марк Васильев

Дизайн
Владимир Беляков

Вёрстка
Евгений Бурлуцкий

Корректурa
Валерия Ахметьева

Адрес редакции: 115191, Москва, ул. М.Тульская, д.2/1, стр. 19

Телефон: +7 (495) 958 13 98

E-mail: leftpolicy@gmail.com

Skype: leftpolicy

Москва, 2008

Выходит четыре раза в год.

Тираж: 999 экз.

Тема следующего номера

Фашизм сегодня

О том, что фашистская угроза приобретает конкретный и непосредственный характер, многие в России догадались только тогда, когда число убийств, совершаемых ультраправыми группами, стало исчисляться сотнями, а торжественные марши ультраправых групп сделались обязательным элементом изобретенного в Кремле нового праздника дня национального единства. Новый фашизм, однако, не является просто возвращением старого, он вырастает из нынешней, изменившейся реальности, из неолиберальной рыночной реформы и социальной реорганизации, которую пережила ставшая буржуазной Россия. В феврале 2008 года Институт глобализации и социальных движений вместе с рабочей группой «Что делать» и Фондом Розы Люксембург провел конференцию «Фашизм: знакомый враг или новая угроза?». Материалы этой конференции легли в основу следующего номера «Левой политики».

Институт глобализации и социальных движений
www.igso.ru

Интернет-журнал Рабкор.ру
www.rabkor.ru

Глобальная альтернатива
www.aglob.ru

Всероссийская конфедерация труда
www.vkt.org.ru

<Левая Политика>
*аналитический журнал |

notes

Примечания

Авторы доклада используют терминологию советского экономиста Н. Кондратьева, идеи которого оказали большое влияние на западный марксизм и особенно на «школу миросистемного анализа». Анализируя статистические данные за 150 лет, Кондратьев пришёл к выводу о существовании в капиталистической экономике «длинных волн», каждая из которых имеет две фазы — «повышательную» и «понижательную» (в терминологии И. Валлерстайна — «фаза А» и «фаза Б»), Период перехода от «понижательной» фазы длинной волны к новой «повышательной» фазе Кондратьев характеризовал как «реконструкцию капитализма», сопровождающуюся острыми кризисами, войнами и революциями.

Термин «новая экономика» появился в США в 1999–2000 годах, когда начался бурный подъём интернет-компаний (так называемые dot.coms). Котировки акций этих предприятий фиксировались биржевым индексом NASDAQ в противовес индексу Dow Jones, фиксировавшему курсы акций традиционных торговых и промышленных компаний. В 2001 году обвал индекса NASDAQ знаменовал кризис «новой экономики», многие предприятия которой, как выяснилось, не производили никаких услуг, включая даже информационные, а только спекулировали собственными акциями, подобно российской пирамиде MMM. После этого термин «новая экономика» в США стал выходить из употребления, но продолжал использоваться фанатичными приверженцами теорий информационного общества в России и Восточной Европе.

Термин BRIC вошёл в обиход в 2007 году для того, чтобы характеризовать четыре крупные страны, которые в рамках мирового рынка демонстрировали схожие показатели: высокие темпы роста — 5–8 % в год, неуклонный рост золотовалютных резервов и массовый приток иностранных инвестиций. Структурные различия между странами BRIC не принимались во внимание.

Сайт «Глобальная альтернатива» существовал под именем www.aglob.ru с 2002 года, а после того, как был закрыт на петербургском сервере, переместился на Украину под именем www.aglob.info.

Окончательное решение о Киеве как месте проведения ЕПА было принято весной 2008 года в Берлине уже после Вологодской конференции «Левой политики». Ассамблея была назначена на 6–8 июня 2008 года.

См. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Пер. с англ. / Науч. ред. О.И.Шкаратана. М.,2000.

Статья перепечатывается из австрийского журнала "LUNAPARK
21 Zeitschrift zur Kritik der globalen Okonomie".

Перевод выполнен по английскому тексту, опубликованному в журнале New Politics (Winter 2008. N 44).

9

Телекоммуникационная компания, которая была национализирована.

В Венесуэле к 1998 году сменились четыре республики. 4-я Республика была антибаливарианской и оппозиционной по отношению к правительству Чавеса. Уго Чавес, в свою очередь, основал 5-ю Республику.

Завод, производящий электронные лампы. Был национализирован правительством Чавеса в апреле 2005 года, сейчас он функционирует под контролем рабочих.

Завод Sanitarios Магасау производит керамическую сантехнику. Предыдущий владелец закрыл предприятие после нескольких лет нескончаемых конфликтов с рабочими. Они заняли завод и возобновили производство для нужд местных общин. В декабре 2006 года рабочие прошли маршем до Miraflores Palace в знак национализации предприятия.

Corei (Комитет по организации независимых выборов, также называемый socialcristiano, социальными христианами) и АО (Демократическое действие, Accion Democratica) делили между собой управление Венесуэлой в течение 40 лет. После падения военной диктатуры генерала Переса в 1958 году последовала своеобразная сделка между двумя правящими партиями, разделившими власть — между номинально левой AD и консервативной Corei. Это соглашение создало двоевластие, которое не оставило места для PSV (Коммунистической партии), которую поддерживали организованные рабочие. Коммунистов также вытеснили из CTV, в которой скоро начало верховодить AD и которая стала инструментом политики США (подробнее см. статью «Куда идёт Венесуэла» по адресу www.venezuelaanalysis.com/articles.php?artno=2097).

Организация работодателей Венесуэлы.

Боливарианская федерация Рабочих. Согласно Роберто Лопесу Санчесу из UNT (Roberto Lopez Sanchez), члены федерации стремились к уничтожению UNT как боливарианской союзной организации, а также к созданию бюрократического «ограждения», которое контролировалось бы «истинными социалистами и революционерами», каковыми они себя считали (New Socialist, www.newsocialist.org/index.php?id=1309)

Союз рабочих нефтяной промышленности

Movimiento Quinta Republica (Движение Пятой Республики).
Партия Чавеса, основанная в 1997 году как коалиция политиков
разных направлений, поддерживающих Чавеса как президента.

«Родина превыше всего»

«Мы можем». Как и PPT, является группой левого толка. Чавес в своё время добивался их поддержки. Во время референдума о расширении конституционных полномочий президента эта партия выступила против Чавеса.

Егорин А.З. История Ливии. М... 1999. В 2006 года этим же автором в соавторстве с Г.В. Мироновой выпущена в свет ещё одна монография: «Сенуситы в истории Ливии 1843–1969 гг.».

А.В. Рясов. «Левые» на арабском востоке: ливийский опыт. М.:
Институт Ближнего Востока. 2005

А.В. Рясов, в частности, цитирует Саддама Хусейна, который в 1979 году заявлял: «Мы теперь находимся в нашей сталинской эре. Мы ударим железным кулаком при малейших признаках отклонения от генеральной линии партии и начнём с самих баасистов» (Рясов А.В. Указ соч. С. 65).

Как указывают А.З. Егорин и Г.В. Миронова, на протяжении веков Ливия развивалась прежде всего как конфедерация племён, в основе единства которой никогда не лежала государственная структура. И хотя влияние родоплеменных отношений было свойственно многим арабским странам, специфика Ливии, отличавшая её от ряда соседних государств, заключалась в абсолютном господстве племенных устоев и традиций. (Егорин А.З., Миронова Г.В. Сенуситы в истории Ливии. М., 2006. С. 22).

Как сообщает А.З. Егорин, работавший в Ливии сотрудником советского посольства, в конце 70-х годов по инициативе М. Каддафи на арабский язык были переведены сочинения М. Бакунина и П. Кропоткина, русских теоретиков анархизма. Помимо этого, А.З. Егорин свидетельствует о том, что в период написания «Зелёной книги» М. Каддафи основательно, с карандашом в руках, проработал работу В.И. Ленина «Государство и революция» (Егорин А.З. История Ливии. С. 468).

По замыслу М. Каддафи, третьей по счёту после либерализма и марксизма.

Необходимо упомянуть, что «Зелёная книга», которая, вопреки исламским канонам, не начиналась словами «От имени Аллаха. Милостивого и милосердного», была в штыки встречена многими лидерами арабских стран, особенно теократическими монархами стран Персидского залива, усмотревшими в ней чуть ли не религиозную ересь. Сами же ливийские идеологи, объясняя суть «Зелёной книги» на понятном европейцам «экологическом языке», трактуют зелёный цвет как цвет нарождающейся живой природы.

Интересно, что Р. Хомейни, разработавший систему управления обществом «на основе принципов ислама», не только не отверг систему парламентаризма и президентской власти, но вписал их в свою концепцию государственного управления, внедрённую в Иране после революции 1979 года.

Хотя, в соответствии с «Зелёной книгой», основой «естественного социализма» являются традиция, религия и обычай, это высказывание не следует трактовать как однозначную апелляцию к консерватизму. Как следует из произведений ливийской литературы вышедших после 1969 года, в стране шла обширная дискуссия по поводу того, как традиция и религия могут искажаться благодаря влиянию невежественных, но облечённых фактической властью людей, в семье, племени или обществе в целом. В ходе этой дискуссии в Ливии произошла беспрецедентная для стран мусульманского востока эмансипация женщин (подробнее об этом см.: Барабаны пустыни. Современная ливийская новелла. М. 1985). О борьбе внутри традиционного общества и приспособлении традиционного мировоззрения под интересы властей предрержащих, заинтересованных в консервации наиболее варварских пережитков прошлого, высказывался также известный левыми взглядами деятель иранской революции аятолла Али Шариати. Он, в частности, писал: «Теократия означает господство мулл над народом. Естественный его результат — деспотическое угнетение, потому что священнослужители мнят себя вице-регентами бога и законной властью, которая исполняет божественные заповеди, как они их понимают» (цит. по: Плешов О.В. Ислам и политическая культура в Пакистане. М., 2005. С. 51).

В этом отношении вновь интересно сопоставление Ливии с политическими реалиями Исламской республики Иран, в конституции которой закреплён принцип «Велаят-е-факих», то есть существование поста духовного лидера, верховного государственного арбитра, который соотносит деятельность президента и парламента с исламскими законами и чьё решение («фетва») является окончательным. На наш взгляд, существенно, что статус М. Каддафи, который сопоставим с ролью духовного лидера страны, тем не менее, официально выведен за пределы государственных структур.

Здесь А.В. Рясов не без основания ссылается на существовавший в СССР принцип «От каждого по способностям, каждому по труду».

В продолжение этого можно указать, что, например, приобретение и строительство дополнительного жилья «сверх необходимых потребностей» с целью сдачи его в аренду считается в Ливии противоречащим законам «естественного социализма».

Фархат Мухаммед Лутфи. Социализм. Исследование экономической системы. Б.м. Б.г. С. 108–109.

Следует отметить, что распределение общественного богатства как своеобразного дивиденда между членами общества не отвергали и марксистские теоретики. Л.Д. Троцкий, характеризуя экономические особенности начального этапа социализма, писал: «Граждан можно представить как участников акционерного предприятия, в собственности которого находятся богатства страны. “Общенародный” характер собственности предполагает распределении “акций” поровну, следовательно, право на одинаковую долю дивиденда для всех “акционеров”... Теоретически доход каждого гражданина складывается, таким образом, из двух частей, а+б, т. е. дивиденд плюс заработная плата. Чем выше техника, чем совершеннее организация хозяйства, тем большее место занимает “а” по сравнению с “б” (Троцкий Л.Д. Преданная революция. М.,1990. С. 199). Тенденция, указанная Троцким в данном отрывке — «отмирание» заработной платы по мере увеличения общественного богатства, — по сути дела приближается к воззрениям М. Каддафи.

Следует иметь в виду, что после распада СССР М. Каддафи не без основания предполагал возможность прямой вооружённой агрессии США и НАТО против Ливии, репетицией которой были авиаудары НАТО по Триполи и Бенгази в 1986 году. В 1992 году, вскоре после американской военной операции против Ирака «Буря в пустыне», Каддафи в день праздника разговения произнёс в Триполи резко антиамериканскую и антизападную речь. В ней он заявлял о готовности формирования широкого фронта с исламскими радикалами в случае агрессии США, «создания нового исламского халифата и государства Фатимидов в Африке», готовности «поддержать Иран, выступающий за создание единого исламского государства», оказать помощь Афганистану, Индонезии, Нигерии и другим странам (Выступление лидера мировой революции первого сентября, полковника Муаммара Каддафи по случаю праздника разговения (шавваль 1401 со дня смерти Пророка — апрель 1992 Р.Х). Б.г., б. м.). Сейчас трудно судить, насколько серьёзно эта угроза была воспринята в США, но страны ЕС, а также потенциальные союзники США в арабском мире, думается, не могли её полностью проигнорировать.

С 2003 года Ливию посетили премьер-министр Великобритании Тони Блэр, канцлер Германии Герхард Шрёдер, президент Франции Жак Ширак, глава правительства Италии Сильвио Берлускони и испанский премьер Хосе Мария Аснар (все они уже сошли с политической сцены.) В 2005 году в Триполи приезжал председатель комитета по внешним связям Сената США Ричард Лугар, через которого Каддафи передал приглашение посетить Ливию президенту США Джорджу Бушу и госсекретарю Кондолизе Райс. В мае 2007 года Каддафи во второй раз принимал Тони Блэра.

История постепенной нормализации межгосударственных отношений между Ливией и США, начавшейся после 2001 года, уже получила определённое освещение в научной литературе (Макух В.В. О восстановлении полных дипломатических отношений между Ливией и США // Востоковедный сборник. Вып. 8. М., 2007). В указанной статье автор указывает три главных фактора, способствовавшие восстановлению дипломатических отношений между Ливией и США в 2003 году: 1) выплата денежной компенсации в 2.7 млрд долларов семьям погибших в авиакатастрофе близ Локерби, в которой США обвиняли ливийские спецслужбы, 2) отказ Ливии от разработки оружия массового поражения, 3) сотрудничество двух стран в борьбе с радикальным исламизмом после 11 сентября 2001 года. В рамках этого сотрудничества Ливия передала США членов группировки «Джамаа Мукатилия Либийя», со своей стороны официальный Вашингтон передал Ливии одного из руководителей «Аль-Каиды» — Ибн Шейха Аль-Либи, который удерживался в Гуантанамо, а также ливийцев, задержанных в Афганистане.

Каддафи отменил правительство // Газета. Ру. 2008.3 марта
(https://www.gazeta.ru/politics/2008/03/03_kz_2656135.shtml).

<http://www.otechestvo.org.ua/main/20083/0406.htm>

Там же.

Правительство Ливии сократит треть госслужащих // Утро. ру.
2007.21 января (<http://www.utro.ru/news/2007/01/21/618760.shtml>).

Маркс К... Энгельс Ф. Соч. 2 издание. Т. 40. С. 238.

Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т.40. С. 109, 110,114.

Там же. Т. 21. С. 278.

См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 170.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 225.

Там же. Т. 1. С.101.

Там же. Т. 3. С. 449.

Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Госполитиздат, 1991. С. 512.